Министерство культуры Республики Алтай **Агентство по культурно-историческому наследию РА**

Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 6

Горно-Алтайск 2007 ББК 63.4 63.5 82.3 (2) 83.3 Алт Изу 39

Изу 39 **Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири.** Выпуск 6.

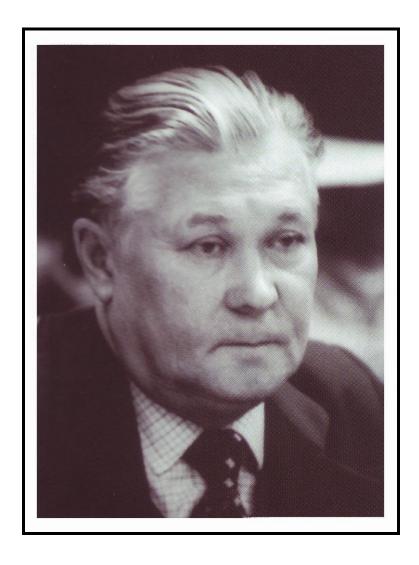
Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. 142 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук В.П. Ойношев, кандидат филологических наук Т.М. Садалова, кандидат исторических наук, доцент В.И. Соёнов, кандидат исторических наук, с.н.с. А.С. Суразаков, кандидат исторических наук С.В. Трифанова

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gorny.ru

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-5. Горно-Алтайский центр специальных работ и экспертиз. E-mail: soyonov@mail.gorny.ru; soyonov@mail.ru

Леонид Романович Кызласов

(24 марта 1924 – 24 июля 2007)

Ушел из жизни Леонид Романович Кызласов — выдающийся археолог и историк-сибиревед, доктор исторических наук, профессор МГУ, академик РАЕН, лауреат многих научных и государственных премий, знаток древностей Центральной и Средней Азии. С его уходом мировая наука понесла невосполнимую потерю. Многолетними экспедициями Леонида Романовича открыты и изучены сотни памятников местных культур, перевернувшие былые представления об уровне развития востока Евразии. Особым вкладом ученого в востоковедение стало воссоздание этногенеза и средневековой истории Южной Сибири, изучение Древнехакасского государства, открытие сибирского манихейства и его храмов.

Мы безмерно благодарны Л.Р. Кызласову за его фундаментальные труды. Он автор более 300 научных работ, в том числе около 20 монографий и 15 книг, написанных в соавторстве. Последней монографией Леонида Романовича оказалась книга «Городская цивилизация Срединной и Северной Азии», вышедшая в 2006 году. Это издание готовилось как юбилейное — к 80-тилетию исследователя в 2004 г. Республика Хакасия предоставила средства для его издания, чем стимулировала подготовку рукописи автором. Книга состоит из

двух больших и во многом самостоятельных по источникам изучения частей: в первой представлена сводка и анализ разноязыких письменных известий о древних городах Сибири (от античности до XIX в.), во второй — археологические исследования памятников (от эпохи позднего неолита до XI в.). Чтя память исследователя, особенно много сделавшего для постижения подлинной истории и глубинных корней культуры народов Сибири, мы издаем в нашем сборнике предисловие и заключение монографии — дополняя друг друга, они стали заветом ученого.

Пусть обращенные к будущим исследователям Сибири слова и мысли Л.Р. Кызласова, изданные в самой книге тиражом всего 500 экземпляров, станут достоянием более широкого круга думающих читателей-сибиряков.

Редколлегия сборника

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит., 2006. 360 с.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Московская археологическая школа, к которой я принадлежу как в сфере университетского образования, так и в исследовательском плане, быть может, яснее прочего проявляется в изучении Азии. Крупнейшим представителем этого направления — профессором Сергеем Владимировичем Киселевым, ставшим основным моим наставником в постижении основ нашей науки (и в аудиториях и на страницах его изданий), любые виды древностей, а затем и исторические процессы глубоко исследовались от неолитической поры до конца средневековья на широчайших пространствах всего Старого Света. Тот же взгляд на прошлое был воспринят и мною, сменившим своего учителя на кафедре археологии МГУ с осеннего семестра 1952 г. Этого требовали от меня и традиционные учебные планы кафедры, поскольку широту подхода к источникам кафедра формировала не только у своих студентов, но и у преподавателей.

Воссоздание древней и средневековой истории коренных народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев, шорцев, тувинцев и др.), столь успешно начатое в нашей стране С.В. Киселевым, потребовало не только дальнейшего расширения, но и углубления археологических и исторических изысканий, а само существо все более проясняемых исторических процессов — включения в область непосредственных наших исследований обширной зоны Средней и Центральной Азии.

Среди многих своих трудов – как полевых, так и кабинетных – наиболее значимым я считаю выявление до того почти неведомой истории двух братских сибирских народов, объединенных величественным Енисеем: хакасов и тувинцев. Вполне понятно, что изыскания в этой области привели к прояснению многих вопросов этнической судьбы других коренных народов Южной Сибири, прежде всего тех, кто населяет Саяно-Алтайское нагорье.

Однако политическая история, столь сложная для археологического постижения, не всегда способна раскрыть те общественные пружины, которые вызывали в прошлом и вызывают поныне те или иные крупномасштабные действия. Экономические сферы прошлого традиционно для нашей археологической науки занимают в ней весьма важное место, как, впрочем, и проблемы этногенеза народов Сибири – всей Северной Азии, – тесно связанные с наиболее общими процессами, происходившими в истории Евразийского материка.

Существует и третья важнейшая область познания прошлого. Я имею в виду постижение культурного уровня былых народов, ставших нашими предками. По ряду причин

мировая наука развивалась так, что именно это широкое исследовательское поле оказалось наименее возделанным в истории Срединной и Северной Азии — той огромной и плодоносной земли, которая в наибольшей мере и составляет современную Россию. Между тем историку-востоковеду, пожалуй, яснее чем другим историкам, очевидно, что в древности и в средние века в Сибири существовала и развивалась самобытная материковая цивилизация, нисколько не отстававшая от иных континентальных центров исторической активности народов. Эти важные для пытливого ума заключения особенно наглядно и, можно сказать, вполне естественно, формируются на в системе Верхнего и Среднего Енисея на Хакасской и Тувинской земле, где величественные монументальные памятники далекого прошлого встречаются повсеместно и являются характерной частью местного пейзажа.

Избрав профессией поиск и изучение древностей, я рано осознал, что местная сибирская история не могла миновать важнейшей вехи цивилизованного развития любой части человечества – сложения стационарных поселений и городов. Скудость письменных источников побуждала и в этом положиться на археологические свидетельства. Встретить городские руины довелось уже в студенческие годы при раскопках в 1946 г. дворца гуннского наместника Ли Лина под современным г. Абаканом, а также в поисковых маршрутах 1946-1947 гг., пройденных в Хакасии и Туве в составе отряда, возглавляемого С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой. Летом 1948 г. довелось работать в степях и пустынях Центрального Казахстана, где изучалась величественная архитектура позднесредневековых мавзолеев-кумбезов. Для самостоятельных же раскопок мною был первоначально избран огромный мертвый город Ак-Бешим (древний Суяб на р. Чу в Киргизии), что позволило в 1953-1954 гг. в полной мере овладеть той частью археологической науки и полевой методики, которые направлены на постижение городской тематики в истории Азии. Последующая экспедиционная деятельность привела меня к открытию городов древних уйгуров, древних хакасов, и древних монголов в тех южносибирских краях, которые до того считались исконно кочевыми.

Именно городскую тематику я избрал ныне для своей юбилейной книги.

Как уже понял читатель, для такого выбора есть вполне понятные личные причины. Нет сомнения в том, что полученные мною результаты научной работы имеют и большую общественную значимость, поскольку они коренным образом меняют представления о прошлом сибирских народов, способствуют восстановлению важнейшей исторической истины. Я уверен, что осознание подлинного культурного величия предков укрепит дух коренных народов Срединной и Северной Азии, а также облагородит помыслы истинно русских потомков сибиряков-челдонов и многоплеменных новых насельников Сибири — всех тех людей, что считают Северную Азию своей родиной, и в силу этого являются подлинными современными наследниками древней местной цивилизации и ее лучших достижений.

Вместе с тем следует осознавать, что страницы этой книги содержат не популярное изложение достигнутого, а представляют собой научное исследование. Аргументированно восстанавливая подлинный ход истории Срединной и Северной Азии, весьма важно изменить взгляды о ходе истории обширных периодов всего Евразийского континента ученых-специалистов, работающих в археологической и исторической науках, о ходе истории обширных пределов всего Евразийского континента. Ведь именно им предстоит продолжить и углубить поиск основ культурных достижений прошлого.

Многие годы работая университетским профессором, я отбирал в эту книгу новые хорошо изученные материалы, не только способные развивать академическое направление науки, но и пригодные стать пособием для подготовки лекционных курсов и в не меньшей мере дающие разносторонний материал для специальных семинарских занятий – прежде всего в области комплексного исторического и, конечно же, археологического источниковедения.

Очерки, составившие первый раздел нашей книги, ранее выходили отдельными статьями в периодических изданиях (в «Вестнике МГУ») и сборниках Московского университета, а в 1992 г. составили книжку «Письменные известия о древних городах Сибири». Она вышла в качестве спецкурса — учебного пособия МГУ и в свободную продажу почти не поступала. Хотя вполне понятно, что материалы такого рода при систематиче-

ской и целенаправленной работе всегда могут быть чем-то дополнены, издание спецкурса (тиражом 1000 экз.) представило первый в науке, доступный на русском языке, свод письменных известий по избранной теме, доступных на русском языке. В нем впервые было обращено внимание читателей и на различные данные, сохранившиеся в традиционной культуре коренных сибирских народов — как в их языке, так и в устном народном творчестве. Эта тема также еще требует внимательного изучения специалистов.

Во второй части настоящей книги излагаются исследования археологических материалов. Впервые обнародованные в виде отдельных статей или разделов разных книг, эти наши изыскания, содержащие материальные свидетельства возникновения и развития в Срединной и Северной Азии монументальной архитектуры и городской жизни, ныне осознанно сведены под одним переплетом. Собранные воедино, они способны создать новое, цельное представление не об отдельных памятниках и исторических периодах, как это было в их прежнем издании, но и о явлении в целом.

Накопленных археологических разработок оказалось столь много, что даже при избранном здесь сжатом изложении, они не могут вместиться в одну книгу. Поэтому лежащие перед читателем страницы составляют лишь первый том. Его вторая, археологическая, часть ограничена как ранними памятниками, не только характеризующими зачатки и становление оседло-городского сибирского быта и основного своеобразия его форм, так и конкретными древностями, обосновывающими соответствующие разделы первой части книги, посвященной данным письменных источников.

Так, глава о первогородах Сибири раскрывает глубину и широту того исторического процесса, который в наиболее позднем его виде отмечен для манси и хантов русскими средневековыми письменными свидетельствами. Разделы о городах гуннов не только дополняют ранними китайскими сообщениями сводку западных и западноазиатских письменных источников, составившую первую часть тома, но и ярко демонстрируют связь особенностей урбанизма гуннов с их целенаправленной государственной политикой. Трудно выбрать другой более показательный пример соединения в официальной архитектуре ранних государств не неких национально замкнутых традиционных строительных канонов, а всевозможных достижений архитектурной мысли той эпохи, чем удивительный дворец наместника Ли Лина. Его храмовая значимость порождает тему особой городской духовности, которая выводит за рамки внутридомовых святилищ материал, добытый на раннесредневековом городище Ак-Бешим. Там, в Семиречье, не только получены монументальные свидетельства одновременного существования в многоэтничном столичном центре сразу нескольких мировых религий эпохи (буддизма, христианства, манихейства и зороастризма), но и впервые разработана тема сакрально осмысленного окологородского пространства в истории Средней Азии.

Археологические материалы последующих периодов средневековья, полученные мною благодаря многолетним раскопкам городских и архитектурных памятников Уйгурского каганата, Древнехакасского и Древнемонгольского государств и их исторических потомков, особенно многочисленны и разнообразны. Они должны составить особый второй том задуманной книжной серии. Когда и с чьей помощью он увидит свет — не столь важно. По моему мнению, куда как более значимо, что он обязательно должен и может быть ныне составлен. Для разрешения этой новой задачи все необходимые объекты и данные о них отысканы и добыты, добротно научно зафиксированы и сохранены, а значит, доступны любому подготовленному уму.

Разные позиции моих ранних работ требуют ныне дополнений. Однако это происходит не потому, что устаревают использованные в них материалы или установки, а по той причине, что эти мои работы в свое время оказались своевременным и действенным стимулом для исследований в означенном направлении. Они дали импульс многим другим археологам, в результате чего за прошедшие годы были получены новые детали и краски, дополняющие некогда воссозданную картину. По этой причине, особенно значимой для меня, считаю полезным и, может быть, даже необходимым, переиздание прежних своих открытий в книге, доступной большему, чем ранее, числу подготовленных читателей.

В науке, как известно, индивидуальное творчество – лишь начальная предпосылка, а для разрешения любого серьезного вопроса требуется особая среда единомышленников

и сотоварищей. Востоковедение, опирающееся на археологию, не в меньшей степени, чем иные отрасли знания, – коллективная наука. Цель этой книги – вызвать новые, еще более широкие исследования означенной важной и чрезвычайно увлекательной темы ради воссоздания подлинной истории материальной и духовной культуры огромной части Евразийского материка и, следовательно, всего нашего Отечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта книга озаглавлена правильно – тему давно следовало отчетливо обозначить в нашей науке. И исторической, и археологической. Но и раскрыть в полной мере столь значимую проблему истории в одном томе невозможно. В общие корочки не вошли даже города всех средневековых стран и народов, отысканные и изученные одним-единственным археологом. Нет здесь, например, результатов моих раскопок и осмысления городов Уйгурского каганата VIII-IX вв., Древнехакасского государства VIII-XII вв. и Монгольской империи XIII-XIV вв.

Однако построение книги и отбор материала для нее произведен осознанно. Намерения два.

В свое время, довольно давно, автор этих строк, встретил в письменных источниках разных периодов постоянные упоминания городов, некогда существовавших в Сибири. И ясно понял, что мы знаем о них несравненно меньше путешественников и ученых далекого прошлого. Самолюбие природного сибиряка потребовало исправить несправедливое положение. Более прочих помочь этому могла археологическая наука. Следовало освоить ее поисковые методы, овладеть приемами раскопок, т.е. постигнуть закономерности превращения людских творений в косные объекты природы, усвоить механику отыскания места твоих объектов в культурном развитии человечества. И там, где не достает чего-либо из перечисленного, — создать новые, устремленные к цели способы исследования.

Построение этой книги воспроизводит порядок зарождения и формирования во мне профессионального сознания. Я очень надеюсь, что найдется читатель, который, воодушевившись фактами первой части этого издания, не только последовательно воспримет последующие его археологические главы, но и увидит в их развитии собственное предназначение. Пример же создания совершенно новой для тех лет раскопочной методики на буграх Ак-Бешима — одного из самых ранних моих городских объектов — зародит понимание главного в полевой работе: необходимости думать не только над результатами раскопок, но, прежде всего, на самом экспедиционном объекте.

Данные письменных источников о древних городах Сибири и основные итоги их рассмотрения начинают книгу и по иной причине. Накопление знаний о гигантском крае медленно происходило от начала европейской цивилизации. Его ход отражают особенности отечественной историографии. И не только ранней, но и нынешней. Грустно, но необходимо ясно осознавать: ведь в наши дни все еще требуется проведение и издание специальных исследований, только закладывающих основы научного поиска, порождающих его первичные посылы и способных сотворить начальное – убедить современных исследователей в давнем существовании городов Северной Азии. Убедить в необходимости включения древностей этих земель не в перечень экзотических заповедников дикости, а в осознание общечеловеческих цивилизационных процессов. Вопреки многим новейшим изданиям история городской жизни Северной Азии начинается не с острогов XVII в. Письменные, археологические, языковые известия о ранних городах Западной и Восточной Сибири, Северного Казахстана и сопредельных стран следует искать и накапливать, ибо такая категория издавна существовала в культуре аборигенного населения.

Необходимо воспринять и другой, быть может, также огорчительный вывод начальной части книги. Европейская историческая и географическая наука — не первое, а наиболее позднее проявление исследовательской мысли, направленной на постижение цивилизации Северной Азии. В основах своего восприятия она в поднятой нами тематике пока отстает от иных центров знания, даже довольно давних. Скажем, от той же ранней арабо-иранской географической литературы, в отношении Северной Азии поныне пре-

доставляющей нам не только конкретные свидетельства былого, но и пример более продуктивного отношения к постижению реалий до того неведомых пространств ойкумены.

Я отношу этот вывод к области нашего неискаженного самопознания. Воспринимаю его как новый и непреложный стимул для дальнейшего углубленного развития европейской мысли, окрепшей в ходе многовековой и напряженной умственной работы. Далеко уйдя вперед в средствах познания, европейская гуманитарная наука должна уйти и от изжитых подходов к области исследований. По вполне понятным причинам, наибольшие надежды возлагаю в этом на отечественную науку.

Археология показала, что в культуре человечества мысленный образец закономерно предшествовал всякому сотворенному руками предмету — уже на стадии кремневого рубила. Проектная, изначально заданная, не повторяющая особенности естественного окружения протогородская форма поселений была свойственна Северной Азии уже в неолитическую эпоху. К конечной поре каменного века восходит здесь и археологически засвидетельствованная эволюция укрепленных поселений. Непрерывность их развития документирована строгой наукой о древностях для каждого последующего этапа местной истории, вплоть до появления русских упоминаний и описаний аборигенных сибирских городов и городков.

Известные укрепленные поселения оказались удивительно многообразными. Таежные, лесостепные и степные культуры Северной и Срединной Азии создали жилые крепости разных видов для крупных и мелких общин, замки богатых семейств и обособленные донжоны воинственных предводителей. Усложнение общественной жизни привело к формированию застенных городов — полнокровных административных, религиозных и производственных центров. Они резко ускорили ход общественного прогресса.

В глубокой древности повсюду, а в тайге дольше прочих, вплоть до прихода русских, жители протогородов были моноэтничны, а размещение укрепленных поселений конкретных видов отражало не только расселение, но и внутреннюю административную систему каждого народа.

В степной зоне к рубежу н.э., в гуннскую эпоху, мы встречаем уже явно другую картину. Здесь появляются города-крепости, создаваемые как средство хозяйственного освоения захваченных территорий. Тем самым города выступают строевым элементом стратегически осознанной государственной политики. Об этом говорят такие специализированные поселения колонистов, как Иволгинское городище и Дурёны. Были ли они моноэтничны? Ответ на этот вопрос принесут дальнейшие археологические работы. Ныне же они демонстрируют не только самобытность, но и единство гуннского градо- и домостроительства: выдержанную ориентацию и планировку крепостей, нормированность их застройки, стандартизированность конструкции и интерьера жилищ. Все это должно занять свое место во всемирной истории монументальной архитектуры и градостроительства.

Крупные административные центры, вновь создаваемые в пределах растущей гуннской державы, были уже полиэтничны. Никаких сомнений в этом не оставляет науке исследование Ташебинского города. Пестрый состав его жителей включал даже подвластное новым правителям местное население. О том говорят изученные раскопками остатки не только характерного наземного домостроительства, но и бытовой и производственной утвари. Сам же ташебинский дворец, возведенный в начале І в. до н.э., предстал перед нами удивительным по цельности соединением нескольких строительных и архитектурных традиций сразу: западно-, восточно- и центральноазиатских. Указать другой подобный пример творческого слияния столь разных по происхождению культурных достижений, к тому же произведенного их непосредственными носителями, весьма сложно. И в пределах, и за рамками той эпохи и столь обширной географической области, как Северная и Срединная Азия.

Полагаю, что читатель найдет аналогии в знакомом ему раннем культурном развитии Запада: городской жизни периода эллинизма и Римской империи. В обоих названных случаях причина интересующего нас творческого синкретизма считается вполне очевидной. Ее объясняют экономической и политической мощью, приведшей к сложению мировых, многонациональных империй. Я не нахожу причин отказывать в таком же объяснении и показанному в этой книге феномену городской жизни гуннского государства.

Более того, следует, пожалуй, сказать, что появление построек типа Ташебинского дворца вызвано только произошедшей сменой древних идеологических форм новыми. Сложением самой идеологии мировых держав, разрушающей племенные и национальные рамки. Этот новый для древней истории особый род государственных представлений, при возникновении каждой империи уравнивал лишь ее новых разноязыких подданных, но следом приходила космополитичность власти и синкретизм официальной культуры. В рамках нашей темы показателем таких исторических перемен становятся многоплеменные города.

Дальнейший этап на пути закономерной интернационализации городской культуры выявили археологические раскопки Суяба (городища Ак-Бешим) — одного из крупных центров Великого Шелкового пути, соединявшего Азию с Европой. Столица Западнотюркского каганата объединила в городских пределах не только разноэтничное население, но и основные мировые религии эпохи. Она даже ввела их в свою по-особому выстроенную городскую структуру. Вокруг густонаселенного центра здесь сложилось особое сакральное пространство — единое для города в целом, но обособленное для каждой религии. Эта новая в градостроительной культуре черта выразилась в концентрации храмов и кладбищ каждой религии в определенной части Суяба, твердо увязанной с пространственной ориентацией. Зороастризм занял северную, буддизм — южную, христианство — восточную, а манихейство — западную окраину столицы каганата.

Такова историческая схема развития усложняющейся со временем городской культуры Северной и Срединной Азии, полученная средствами археологии в сочетании с письменными сведениями. От локальных общинных центров города здесь прошли большой путь до средоточия вселенской культуры.

Эта впервые созданная в нашей книге генерализованная линия единого процесса урбанизации охватывает огромную часть Евразийского континента. Она должна быть конкретизирована для отдельных эпох, земель и стран; должна быть детально сопоставлена с особенностями развития других частей цивилизованного мира. Так начатое трудное дело перерастет в коллективную работу.

Мои учителя были исследователями, а не последователями. И прежде всего поэтому много нового в науке после них было сделано нами самими. Теперь, уже на глазах, положение стало меняться. Остается надеяться, что оно изменится вновь. Придут новые кадры.

Ради того и написана эта книга – не итог, а устремленность многолетних исследований в будущее.

Шмидт А.В.

(г. Барнаул)

К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЮЖНОЙ ЗОНЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ

Традиционно история каменного века Западной Сибири рассматривается исследователями как непрерывная линия развития. На смену верхнему палеолиту приходит мезолит, а на основе последнего складывается неолитическая эпоха (Бобров В.В., 1983; 2003; Молодин В.И., 1985; и др.). Если для территории Верхнего Приобья в целом данная точка зрения не вызывает нарекания, то для южной зоны Обь-Иртышского междуречья эта схема требует определенных разъяснений.

Юг Обь-Иртышского междуречья является обширной территорией, в состав которой входят Приобское плато, Южно-Приалейская степная провинция или Алейская степь (составная часть Приобского плато), Кулундинская равнина. Другое название данной географической зоны — это «лесостепной и степной Алтай». С юга Обь-Иртышское междуречье обрамляет Предалтайская равнина. Это предгорная зона, в которую частично входит Рудный Алтай (рис. 1). В настоящий момент в лесостепном и степном Алтае известно несколько пунктов, где облик артефактов и условия залегания находок свидетельствуют об их принадлежности к палеолитической эпохе. Это памятники: Остров-3, где обнаружен клад галечных орудий (Иванов Г.Е., 2000: 93), Власиха, Мохнатушка-1 (Памятники ..., 1983, с. 7; Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т., 2006, с. 64). Кроме этого, в районе с. Бобково в 1964 г. открыта палеолитическая стоянка (Окладников А.П., Адаменко О.М., 1966).

Однако сам факт наличия в данном регионе мезолитических комплексов стоит под большим вопросом. В научной и учебной литературе исследователи неоднократно указывали на существование данного хронологического отрезка на территории лесостепного Алтая (Очерки истории ..., 1987, с. 12; История Алтая, 1995, с. 28). При этом либо вообще непонятно о каких памятниках идет речь, либо авторы апеллировали к поселению Павловка-1, который в 1984 г. отнесли к финальному мезолиту-раннему неолиту: «Мы имеем в лице павловской индустрии расцвет пластинчатой техники, характерный для позднемезолитического периода. Особенности памятника: отсутствие наконечников стрел на пластинах, единичность геометрических микролитов, наличие группы вкладышей с притупленным краем, торцовых и плоскостных нуклеусов, большое количество резцов и резчиков и так далее» (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1984, с. 34). Однако все перечисленные особенности памятника Павловка-1 находят прямые аналогии в неолитических комплексах Южно-Приалейской степной провинции (юго-запад Обь-Иртышского междуречья). Кроме того, в материалах этого поселения есть наконечники стрел на пластинах, которые были отнесены к более позднему периоду. В связи с этим, общий облик индустрии указывает на неолитическую принадлежность поселения Павловка-1.

Таким образом, в нашем распоряжении нет прямых данных, свидетельствующих о существовании мезолитической эпохи на территории лесостепного Алтая. По этому поводу высказывалось предположение, что памятники переходного периода от палеолита к неолиту могли размещаться на тех же участках, что и поселения последующих эпох. В связи с этим, мезолитические материалы просто «растворились» в составе многослойных памятников, а отсутствие эталонов не позволяет выделить их типологическим путем (Старков В.Ф., 1980, с. 22). Тогда почему почти на всех сопредельных регионах (Казахстан, Зауралье, Горный Алтай) мезолитические комплексы представлены многочисленными стоянками (Археология СССР, 1989; и др.)? Видимо, здесь следует принять позицию В.А. Заха, предложенную им для юга Западной Сибири: «в неблагоприятные климатические периоды верхнего плейстоцена человеческие коллективы расселялись на возвышенностях, окружающих равнину с запада, юга и востока...» (Зах В.А., 2003, с. 13). Очевидно, аналогичная ситуация сложилась на юге Обь-Иртышского междуречья. В эпоху глобальных климатических изменений верхнего плейстоцена древние население по-

кинуло данную территорию, переселившись в горные и предгорные районы. И повторно освоили равнину только в неолите. Хотя не стоит исключать вероятность, что такие попытки предпринимались и раньше.

Следует отметить, что несколько бескерамических памятников с микролитической индустрией обнаружено в Кулундинской степи: Усть-Курья, Кабанье, Береговое, Мелкое-1 (Косарев М.Ф., Куйбышев А.В., 1974; Куйбышев А.В., 1976; Кунгуров А.Л., Удодов В.С., 1993). Однако некоторые категории орудий с этих комплексов (общее типологическое разнообразие изделий; многочисленные наконечники стрел; геометрические микролиты — Береговое, Усть-Курья; шлифованные орудия и их обломки — Кабанье, Береговое) скорее свидетельствуют об их неолитической принадлежности. Учитывая природно-климатические характеристики Кулундинской степи вполне вероятно, что древние коллективы совершали постоянные перекочевки вслед за мигрирующими стадами. Такой образ жизни не способствовал развитию керамического производства. В связи с чем, частично мезолитические традиции могли сохраниться в этом регионе вплоть до начала бронзового века.

Обращаясь к проблеме распространения неолитических традиций на территории Верхнего Приобья, исследователи неоднократно отмечали, что памятники раннего неолита в регионе до сих пор не выявлены (Молодин В.И., 1985, с. 6; Археология ..., 1996, с. 264, 265). Вместо них получили распространение комплексы с пережиточными мезолитическими традициями (бескерамический неолит). В Верхнем Приобье переход от «бескерамического» неолита к «керамическому» осуществился достаточно поздно. По мнению В.А. Заха, этот процесс произошол в развитом неолите (Зах В.А., 1988; 2003), хотя из работ М.Ф. Косарева можно сделать вывод, что это осуществилось только на позднем этапе эпохи (Археология ..., 1996, с. 266). Аналогичное мнение высказывалось по отношению бескерамических комплексов Кулунды, которые, по мнению В.Ф. Старкова, следует относить к раннему неолиту (1980, с. 199).

Если принять гипотезу о том, что на рубеже плейстоцена-голоцена южная зона Обь-Иртышского междуречья была покинута древним человеком, то встает вопрос – когда произошло повторное заселение данной территории. Видимо этот процесс следует связать с рубцовской неолитической культурой, выделенной в 1999 г. на основании анализа каменной индустрии региона (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999). Это памятники: Павловка-1, Кривое-1, Гульбище, Новенькое-20, 21, Рубцовское поселение, Гусятник-2, Сибирь-3, 5, Калантырь-15, а также серия небольших стоянок в районе Семипалатинска (правобережье Иртыша), объединенных под названием «Семипалатинские Дюны» (рис. 2a). Свое развитие рубцовская культура получила на юго-западе Обь-Иртышского междуречья, в верховьях рек Алей и Барнаулка (это примерно 15% от общей площади южной зоны Обь-Иртышья). В основном древнее население использовало высококачественный камень: яшмоиды, кремень, кварцитовидный сливной песчаник (далее КСП), халцедон и т.п. Это плотные и твердые породы первичного и вторичного окремнения, хорошо колющиеся и пригодные для призматического расщепления и бифасиальной мелкофасеточной обработки. В связи с тем, что Приобское плато это лесостепной район, камень приходилось доставлять из соседних регионов – из Рудного Алтая и, вероятно, Восточно-Казахстанского мелкосопочника (Лузгин Б.Н., 1998).

В целом каменная индустрия рубцовской культуры ориентирована на призматическое расщепление. Данный технологический процесс отражает 36-60% каменных артефактов: нуклеусы, технические сколы, призматические пластины, пластинчатые отщепы – всего 71 тип. Наибольшее распространение получили одноплощадочные монофронтальные нуклеусы. Заготовками для них служили кремнистые плитки, речной галечник, отщепы средних размеров. Все ядрища предназначены для получения ровной двух-трехгранной пластины мелкой и средней размерности. Крупные призматические сколы представлены малочисленными сериями и составляют менее 5%. Вторичная обработка фиксируется у 42—44% пластин. Техника их оформления отличается большим разнообразием, за счет чего изделия на пластинах получили большое типологическое разнообразие. На призматических сколах изготавливали острия, концевые скребки, резцы (14 типов), резчики, наконечники стрел, скобели и всевозможные вкладыши. Всего по способу оформления можно выделить 42 типа, из которых наибольший интерес представляют изделия, отра-

жающие среднеазиатские традиции камнеобработки: геометрические микролиты (трапеции (рис. 3-20-22, 24, 26-28), параллелограммы (рис. 3-23), прямоугольники, сегменты), представленные на поселениях единичными экземплярами или малочисленными сериями; вкладыши «гарпунного» типа (разновидность скошенных острий или изделий с асимметричной торцовой выемкой) (рис. 3-29-38); пластины с притупленной спинкой (рис. 3-1-3, 5, 10-16, 19), а также изделия с притупленной спинкой и торцом (рис. 3-6-9, 17, 18), единичные кельтеминарские наконечники (рис. 3-25, 46). Функциональное использование призматических сколов отличается большим разнообразием. Однако основная масса использовалась для изготовления вкладышей составных орудий, прежде всего мясных ножей (преобладают средние пластины) (рис. 3-27, 28, 41) и колющеметательного оружия (преобладают мелкие пластины) (рис. 3-1-21, 23, 29-38).

Отщепы и изделия на них в материалах Рубцовской культуры составляют 40-59,2% индустрии. При этом характерно почти полное отсутствие нуклеусов, предназначенных для снятия отщепов. Исключением являются разовые ядрища и нуклевидные изделия, представленные на поселениях единичными экземплярами. Это дает основание полагать, что отщепы являются продуктом оформления преформ и призматических нуклеусов, а также отходами производства более крупных орудий. На них изготавливали скребки (11 типов), скобели (6 типов), резцы (16 типов), резчики, острия (3 типа, 6 способов оформления), шиповидные орудия, тесла и др. Всего на отщепах изготовлен 51 тип орудий. Макроформы (рубящие орудия, мотыга, отбойники-ретушеры) на поселениях представлены малочисленными сериями и составляют менее 1%. Кроме этого, они получили слабое типологическое разнообразие. Общий облик каменной индустрии дополняют рыболовные стерженьки. Несмотря на типологическое разнообразие, изделия выдержаны в одном стиле. Это вытянутые стержни, имеющие на оконечностях круговые нарезки, насечки либо хорошо выделенные головки, служившие, очевидно, для крепления линя (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999, рис. 1).

Бифасиальная техника в это время не получила широкого использования. В основном она применялись при оформлении определенных категорий изделий – долот (4 типа), рубящих орудий, наконечников (3 типа), некоторых видов острий. Общее число бифасов не превышает 2% от общего состава каменной индустрии. Еще меньшее распространение получили орудия с подшлифовкой – менее 1,5% (Шмидт А.В., 2005).

Изделия из кости и рога в рамках рубцовской культуры представлены единичными экземплярами. Наибольший интерес представляет обломок срединной накладки на лук с Рубцовского поселения и фрагмент рукояти, украшенный треугольными фигурами с памятника Гульбище (Кунгурова Н.Ю., 1987, рис. 1).

Посуда рубцовской культуры представлена остро- и круглодонными формами. Стенки наклонены вовнутрь. Их толщина составляет 0,3–1,2 см при среднем показателе 0,6–0,9 см. В районе днища толщина может достигать 2 см. Диаметр сосудов 11,5–28 см. В качестве отощителя добавляли дресву и шерсть животных. В оформлении керамики можно проследить несколько орнаментальных традиций: прочерченный орнамент (12,1%), гребенка (11,3), наколы гладкого орнаментира (6,1%). Однако наибольшее распространение получила неорнаментированная посуда (51,7%). Общий облик керамики находит близость с ранне-средненеолитическими комплексами Приаралья, Поднепровья, Южного Урала, Зауралья, Волго-Уральского междуречья и некоторых других территорий (Виноградов А.В., 1981; Моргунова Н.Л., 1995; и др.).

Каменные артефакты, подчеркнувшие самобытность рубцовской культуры (геометрические микролиты, вкладыши гарпунного типа; пластины с одним притупленным краем и их варианты с подработанным торцом; единичные кельтеминарские наконечники) находят прямые аналогии в ранне- и средненеолитических комплексах Казахстана, Средней Азии, южной зоны Волго-Уральского междуречья (Виноградов А.В., 1981; Зайберт В.Ф., 1992; Чалая Л.А., 1972).

Общий облик керамики рубцовской культуры, учитывая неорнаментированную и слабо орнаментированную посуду, находит близость с ранне- и средненеолитическими комплексами Приаралья, Поднепровья, Южного Урала, Зауралья и Верхнего Приобья (Молодин В.И., 1977, с. 10-25; Виноградов А.В., 1981; Древняя ..., 2000 и др.). Прямые аналогии происходят с памятников южной зоны Волго-Уральского междуречья – с Ивановской и второй Старо-Елшанской стоянок – так называемая «керамика елшанского типа» (Моргунова Н.Л., 1995, с. 14-33).

Таким образом, каменная индустрия и керамика рубцовской культуры находят близость с ранне- и средненеолитическими комплексами Средней Азии, Казахстана, Южного Урала, Волго-Уральского междуречья. Для этих территорий исследователи выделяют джейтунскую (Прикаспий), атбасарскую (Тоболо-Иртышское междуречье), чебаркульскую (Южное Зауралье), махантжарскую (Притоболье), волго-уральскую, сурско-днепровскую и некоторые другие культуры и типы памятников. По мнению исследователей, все эти комплексы находят определенную близость с кельтеминарскими материалами. Кроме этого, перечисленные культуры развивались в схожих природно-климатических и ландшафтно-географических условиях. Вероятно, для неолитического населения этих регионов существовали схожие пути исторического развития с единым хозяйственно-культурным типом. В этой связи есть мнение о бытовании так называемой «кельтеминарской общности» (Виноградов А.В., 1981). Если принять эту позицию, то территорию рубцовской культуры следует рассматривать как восточную переферию распространения этой общности. Тем более что рубцовские комплексы имеют хорошо выраженные сходства с ранним этапом кельтеминара.

По мнению А.В. Виноградова, распространение среднеазиатских традиций в северном и восточном направлении обусловлено двумя факторами:

- перенаселенность;
- изменения климатической обстановки (Виноградов А.В., 1981, с. 162).

По мнению исследователей, в конце VII тыс. до н.э. начинается процесс постепенного потепления и аридизации климата (атлантический оптимум). За счет этого в Средней Азии происходит значительный сдвиг пустынь и полупустынь в северном направлении. Для Казахстана и юга Западной Сибири данный процесс обусловлен расширением степных и лесостепных зон. В связи с этим происходит изменение всей экосистемы (Хотинский Н.А., 1977; Орлова Л.А., 1990; Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1995), что вынуждает неолитическое население южных районов искать более благоприятные условия для проживания.

Распространение среднеазиатских традиций в южной зоне Обь-Иртышского междуречья осуществлялось, вероятнее всего, через Южно-Приалейскую степную провинцию. Именно здесь обнаружены наиболее ранние неолитические памятники лесостепного Алтая. Кроме этого, Алейская степь является не только составной частью Приобского плато. Это еще своеобразные «ворота» из Прииртышья в Приобье, «подпертые» с одной стороны горами Рудного Алтая, а с другой лесами и болотами, расположенными на южной границе Кулундинской равнины.

К сожалению, для неолитических комплексов южной зоны Обь-Иртышского междуречья отсутствуют естественнонаучные датировки. В этой связи приходится ориентироваться на хронологические построения для сопредельных регионов (Средней Азии, Волго-Уральского междуречья, Казахстана, Зауралья, Южной Сибири и некоторых других) и использовать метод датированных аналогий.

Каменная индустрия памятников рубцовской культуры ориентирована на призматическое расщепление. Подобная черта характерна для комплексов раннего и среднего неолита. Данный период развития общества для территории Волго-Уральского междуречья Н.Л. Моргунова датирует концом VII — VI тыс. до н.э., возможно с заходом в V тыс. до н.э. (Моргунова Н.Л., 1995, с. 59). В.Ф. Зайберт памятники этого времени в Северном Казахстане предлагает относить к концу VII — V тыс. до н.э. (Зайберт В.Ф., 1992, с. 103). На основании серии радиоуглеродных дат комплексы раннего-среднего неолита Горного Алтая исследователи датируют концом VII — второй половиной V тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2003, с. 80; 2003а, с. 362; Кирюшин К.Ю., 2004, с. 15). Для территории Западной Сибири начало неолитической эпохи относят к VI тыс. до н.э. (Зах В.А., 2003, с. 146; и др.). Наиболее ранняя дата данного региона происходит с комплекса Сопка-2/1 — 8005±100 лет назад (Молодин В.И., 2001, с. 27). Чтобы скорректировать хронологическую позицию памятников рубцовской неолитической культуры необходимо привлечь конкретный археологический материал.

Для большинства типов каменных артефактов характерно широкое временное и территориальное распространение. Относительно узкую хронологическую дату дают только некоторые виды изделий. В основном это орудия на призматических сколах. Пластины с притупленной спинкой и ретушированным торцом на территории Тоболо-Иртышского междуречья использовали на протяжении мезолита, раннего и среднего неолита (Зайберт В.Ф., 1992, с. 96-107). Для Восточного Казахстана В.К. Мерц предложил ограничить датировку данного типа неолитической эпохой. При этом верхняя граница его бытования не выходит за пределы V тыс. до н.э.

Геометрические микролиты (трапеции, параллелограммы) и вкладыши гарпунного типа Н.Ю. Кунгурова отнесла к одним из наиболее ранних видов неолитических изделий региона. Верхняя хронологическая позиция их бытования не выходит за пределы V тыс. до н.э. (Кунгурова Н.Ю., 1987).

Немаловажную роль в решении проблемы хронологии памятников рубцовской культуры играет керамический комплекс. В целом, слабоорнаментированную и неорнаментированную неолитическую керамику Восточной Европы исследователи датируют концом VII – V тыс. до н.э. Для волго-уральской культуры хронологию керамики елшанского типа определяют VI – V тыс. до н.э. Верхняя граница обусловлена датой с поселения Ракушечный Яр на нижнем Дону – это 6070±100 лет от наших дней (Моргунова Н.Л., 1995, с. 59). В комплексах верхневолжской культуры неорнаментированную посуду относят к VI – V тыс. до н.э. (Жилин М.Г. и др., 2002, с. 41, 72). На нижнем Приишимье данный тип керамики датируется VI тыс. до н.э. (Зах В.А., 2003, с. 144).

Таким образом, исходя из вышеизложенного материала, автор предлагает комплексы рубцовской неолитической культуры отнести к эпохе раннего-среднего неолита и датировать их VI – V тыс. до н.э. (Шмидт А.В., 2005, с. 16).

Некоторые бескерамические комплексы Кулундинской равнины (Усть-Курья, Береговое и, возможно, Мелкое-1) по уровню развития каменной индустрии также могут быть отнесены к раннему и развитому неолиту. Для этих памятников характерен высокий процент изделий отражающих призматическую технику расщепления (Усть-Курья – 53%; Береговое – 40%), а, кроме того, большое типологическое разнообразие орудий на пластинах. К сожалению, о памятнике Мелкое-1 в нашем распоряжении только самые общие сведения (Косарев М.Ф., Куйбышев А.В., 1974, с. 86; Куйбышев А.В., 1976, с. 53). В целом каменная индустрия кулундинских комплексов заметно отличается от рубцовских памятников. В Кулунде среднеазиатские черты нашли свое выражение в значительно меньшей степени, чем в Южно-Приалейской степной провинции. В основном это геометрические микролиты, представленные исключительно сегментами (Кунгуров А.Л., Удодов В.С., 1993, рис. 2, 3). Вероятно, в раннем неолите на лесостепной Алтай оказали влияние различные территории: на Кулундинскую равнину – Зауралье; на Алейскую степь – Средняя Азия. То есть среднеазиатские традиции в Кулунде проявились через опосредованное воздействие. Кроме этого, население этих регионов развивалось в различных природноклиматических условиях. Кулундинская равнина представляет собой засушливую степь, а Южно-Приалейская степная провинция – это лесостепная территория с многочисленными озерами. Это обстоятельство, вероятно, также повлияло на общий облик материальной культуры. К сожалению, наши представления о неолите Кулунды носит фрагментарный характер, в связи с чем, мы можем делать только осторожные предположения.

Если в раннем неолите археологические памятники располагались только в западных областях региона, то в IV тыс. до н.э. комплексы новокаменного века, но уже с поздненеолитическими традициями обработки камня и украшения керамики, получили распространение по всему югу Обь-Иртышского междуречья. В настоящий момент здесь известно более 160 памятников с поздненеолитическим обликом каменной индустрии. Наиболее представительные коллекции артефактов происходят с поселений Алексеевка-1, Киприно, Остров-1, 2, Сибирь-6, 8а и др. Благодаря освоению новых территорий в позднем неолите кроме Рудного Алтая и Восточно-Казахстанского мелкосопочника, еще одним источником поделочного камня становятся северо-западные отроги Салаирского кряжа. Кроме этого, очень широко используется речной галечник — низкокачественное сырье, обладающее внутренней скрытой трещиноватостью. На основании петрографи-

ческого анализа камня, используемого древним человеком (определения к.г.н. Б.Н. Лузгина), для южной зоны Обь-Иртышского междуречья можно выделить несколько «сырьевых зон», где преобладали те или иные породы (рис. 2б).

- 1. Юго-западные районы Обь-Иртышья (Южно-Приалейская степная провинция). Памятники: Алексеевка-1, Сибирь-6, 8а и др. Здесь характерно общее преобладание тонкозернистых вулканических пород (яшмоиды, КСП, туфы порфиров различных оттенков, кварциты, кремень и др.). Какой-то одной породе древние мастера предпочтение не отдавали. Сырье поступало из Рудного Алтая и, вероятно, Восточно-Казахстанского мелкосопочника.
- 2. Центральные районы Приобского плато. Данная территория частично охватывает Барнаульскую и Касмалинскую ложбины. Памятники: Остров-1, 2, Моховое-2, Крестьянское-4 и др. Здесь по сравнению с другими породами в значительной мере преобладал КСП (40-70 %). Этот камень использовали в основном для призматического расщепления. Высокие петрофизические характеристики породы позволяли получать из нее ровные, узкие и длинные пластины. Например, в Южно-Приалейской Степной провинции призматические сколы в среднем на 2 мм шире. К сожалению, сейчас затруднительно точно ответить, откуда поступал КСП в регион.
- 3. Северные районы Приобского плато. Кроме левобережья, данная «сырьевая зона», охватывает часть обской долины, расположенной в правобережье к югу от Салаирского кряжа до р. Чумыш. На территории Приобского плато граница между центральными и северными областями региона проходила в Мамонтовском административном районе Алтайского края. Памятники: Киприно, Ребриха-1, Миронов Лог-1, 4 и др. Следует сразу отметить, что между всеми перечисленными зонами нет четких границ. Они имеют «размытые» очертания, что очевидно вызвано передвижениями древних коллективов. В качестве сырья в северных районах Приобского плато и примыкающего к нему участка обской долины преобладают крупнозернистые туфы порфиров. Эта порода слабо отвечает требованиям призматического расщепления. В связи с чем, данная техника по сравнению с другими локальными вариантами получила здесь наименьшее распространение. Единственное исключение это памятник Киприно, где призматические сколы составили 21,8 %. Основным источником сырья являлся Салаирский кряж. На Салаире есть выходы высококачественного камня, но их количество ограниченно и они не смогли существенно повлиять на общий уровень развития каменной индустрии в данной области региона.
- 4. Участок Приобья расположенный к югу от р. Чумыш. В основном данная зона охватывает правобережье Оби. В левобережье зафиксировано всего четыре памятника Усть-Алейка-5, Крутиха-3, 4, 5. Для данной территории характерно использование самых разнообразных по структуре и происхождению пород преимущественно низкого качества. Видимо, сырье поступало сюда из различных источников: туфы порфиров с Салаирского кряжа, яшмоиды с Рудного Алтая, галечник из предгорной зоны, глинистые сланцы и сургучная яшма из района Чарыша и др. Кроме этого использовали кварциты и КСП. Судя по материалам памятника Фирсово-1, часть каменного сырья попадала в обскую долину непосредственно из Горного Алтая.
- 5. Кулундинская равнина. Памятники: Мелкое-2, Кабанье, Новоильинка-3 и др. Для каменной индустрии данного региона в рамках одного поселения характерно использование самых разнообразных пород, происходивших из различных источников. Подобную черту можно проследить в комплексах сырьевой зоны №4. Камень в Кулунду поступал из Рудного Алтая и Восточно-Казахстанского мелкосопочника. Кроме этого, здесь широко использовался КСП, происхождение которого пока не выяснено, и речной галечник. Также в материалах региона зафиксированы представительные коллекции артефактов из камня с Салаирского кряжа. Здесь надо учесть, что расстояние между некоторыми памятниками Кулунды и Салаиром превышает 200 км. Использование разнообразного каменного сырья из различных регионов, вероятно, свидетельствует о широких контактах древнего населения Кулундинской равнины. Также это подтверждает наше предположение, высказанное выше, о ведении кочевого образа жизни неолитическими коллективами Кулунды.
- То, что в разных частях южной зоны Обь-Иртышского междуречья использовались различные породы камня, нашло отражение в общем облике каменной индустрии позднего неолита. Она стала представлять непохожие или малопохожие между собой ком-

плексы. В целом, в позднем неолите в регионе существенно сократилась роль призматической техники расщепления. Данный технологический процесс отражает 1,1–23,2% каменных артефактов (всего 53 типа). Типология изделий на пластинах сократилась до 26 типов. В этот период возросла роль пластинчатых отщепов, что, по мнению автора, является признаком деградации призматического расщепления. Исчезают среднеазиатские черты, получившие распространение в материалах рубцовской культуры.

Значительно увеличилось количества отщепов – 73,2–91,8% всех каменных артефактов. В целом типология большинства орудий особых изменений не претерпела (всего 59 типов). Преобразования затронули только отдельные категории изделий. Резко сократилась количество резцов и их типологическое разнообразие (с 16 до 9 типов). Прежде всего, это обусловлено сокращением производства вкладышевых орудий. Как следствие этого, происходит увеличение количества бифасиальных изделий. Если в раннем неолите наконечники составляли менее 1%, то теперь их доля в составе индустрии увеличилась до 2,2–13,2%. Расширилась типология ножей-бифасов (6 типов). Орудия с бифасиальной обработкой в материалах позднего неолита южной зоны Обь-Иртышского междуречья составили 3.3–17.6%. Характерной чертой позднего неолита являются шлифованные ножи, не получившие применения в ранних комплексах. В целом техника шлифовки остается на том же низком уровне, но в рамках отдельных памятников она может составлять 5-6%. Не происходит существенного увеличения количества макроформ, однако появляются новые виды орудий – «утюжки» и молоты. Продолжают свое бытование рыболовные стерженьки. Изделия из кости и рога в материалах позднего неолита представлены малочисленной серией, происходящей преимущественно из погребальных комплексов. Это обломки ножей, роговые острия, пластины с отверстиями и др.

Керамика представлена кругло- и остродонными формами. Диаметр сосудов 11,4—25,5 см. На памятниках Гульбище и Киприно внутри некоторых венчиков фиксируется сквозной канальчик. В тесто добавляли дресву, либо шамот. В орнаментации преобладают три традиции — отступающая палочка, гребенка, наколы гладкого орнаментира. Керамика без орнамента продолжает свое бытование, но представлена малочисленной серией. Плоскодонная посуда в зоне исследования по предварительным данным появляется только в эпоху ранней бронзы.

В настояший момент на юге Обь-Иртышского междуречья известно всего четыре единичных захоронения: Чудацкая Гора (Грязнов М.П., 1930, с. 4), Долгая-1 (Тишкин А.А., 1993, с. 99), Усть-Алейка-5 (Шмидт А.В., 1996, с. 77), Павловка-3. Последняя из перечисленных могил была разрушена. В руки исследователей попал только сопроводительный инвентарь: развал остродонного сосуда, украшенного вертикальными рядами гладкой качалки и вертикальными налепами с насечками в верхней части; листовидный каменный нож для разделки туш (Кирюшин, Клюкин, 1985, с. 78; Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, с. 219, рис. 54, 55). Все захоронения расположены в разных частях региона и, к сожалению, не создают целостной картины о погребальных традициях неолита Приобского плато. Могилы располагались на высоких террасах, на берегу водоемов. На старице Долгая и Чудацкой горе умершие лежат вытянуто на спине, руки вдоль туловища, голова наклонена вперед. Данная поза имеет очень широкие аналогии на всей территории Северной Евразии. Усть-Алейки-5 – это вертикальное захоронение ребенка. Подобных могил не много. Это погребение женщины на памятнике Заречное-1 на р. Иня (Зах В.А., 2003, с. 67) и захоронение возле с. Пеган в Степном Зауралье (Сальников К.В., 1952), а также наклонные погребения на Оленеостровском могильнике (Гурина Н.Н., 1956). Сопроводительный инвентарь представлен украшениями, изготовленных из зубов животных и раковин, а также различными орудиями. Во всех могилах отсутствуют наконечники стрел или дротиков, так характерные для эпохи в целом. Достоверных предметов рыболовства только два. Это роговой стерженек и гарпун из могилы с Чудацкой горы. Очертания изделий находят близость с аналогичными орудиями Верхнеобской долины, оз. Иткуль, предгорной зоны Алтая, а также комплексами китойской культуры. Эти данные наводят на мысль о «восточном происхождении» населения, оставившего погребение. Многие орудия труда с Усть-Алейки-5, включая все ножи, были сломаны, либо получили серьезные трещины. Также фрагментирован гарпун с Чудацкой Горы. Вероятно, это следует рассматривать как акт умышленной порчи вещей перед погребением. В предгорной зоне Алтая мы можем наблюдать похожие проявления в могильниках Усть-Иша и Солонцы-5 (Кунгурова Н.Ю., 2005, с. 19).

В отличие от памятников рубцовской культуры, материалы поздненеолитических комплексов не находит между собой единства. Каменное сырье, происходившее из разных источников, обладает различными петрофизическими свойствами. Это значительно повлияло на общий облик индустрии, придавая ей индивидуальные черты, не свойственные ансамблям соседних «сырьевых зон». Керамический комплекс характеризуется большим орнаментальным разнообразием, что видимо обусловлено различными культурными влияниями сопредельных регионов. Нет единства в общем облике погребений. Таким образом, поздненеолитические памятники в рамках региона представляют собой своеобразный «набор» из отдельно взятых комплексов.

При выделении археологической культуры эпохи неолита в качестве культурного показателя могут выступать различные критерии:

- керамика с ее орнаментацией;
- погребальный обряд;
- орудия труда и приемы их изготовления.

У каждого из предложенных культурообразующих критериев есть свои сторонники. Опираясь на точки зрения исследователей и свой личный опыт, автор приходит к выводу, что различные компоненты материальной культуры (керамика, погребальный обряд, орудия труда) отражают разные уровни жизни неолитического человека. Зачастую эти уровни не совпадают и, по идее, не должны совпадать в пространственном и хронологическом отрезке. Керамика и, прежде всего, ее орнаментация, вероятно, является отображением племенных родственных связей (Третьяков В.П., 1990, с. 9). Погребальный обряд отражает духовную культуру древнего населения (Алекшин В.А., 1990, с. 3). Орудия труда – хозяйственную направленность коллектива, а локальные варианты могут быть обусловлены разным происхождением каменного сырья (Коробкова Г.Ф., 1987, с. 14). Поэтому, выбирая один из перечисленных компонентов как основной при выделении археологической культуры, мы отдаем предпочтение тому или иному уровню общественной жизни древнего населения. В связи с этим, один и тот же памятник исследователи могут относить к двум или даже трем различным археологическим культурам. Достаточно часто ареалы распространения комплексов каменных орудий не совпадают с ареалами комплексов орнаментальных мотивов керамики. То есть, на одной территории фиксируется единство в керамике и несколько традиций обработки камня. И наоборот: каменная индустрия имеет явное сходство, а керамика делится на разные группы (Третьяков В.П., 1990, с. 10). Такие разногласия среди исследователей неизбежны, если в основу выделения археологической культуры положен не весь вещевой комплекс (включая керамику, погребальный обряд, украшения, орудия труда из кости и камня и т.п.), а только отдельно взятый компонент.

Археологи неоднократно писали о близости неолитических памятников Приобского плато и Верхнего Приобья (Уманский А.П., Клюкин Г.А., 1972, с. 39; Матющенко В.И., 1973; Могильников В.А., 1977, с. 24; Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985, с. 95). Некоторые комплексы региона являются базовыми в существующих периодизационных схемах верхнеобской неолитической культуры (Молодин В.И., 1975, 1977; Зах В.А., 1988, 1990, 2003). В основе этих схем лежит анализ керамического комплекса. Так, для завьяловского этапа, прежде всего, характерна керамика с прочерченным орнаментом (Молодин В.И., 1977, с. 12). В кипринское время посуду, в основном, украшали в отступающей технике. На ирбинском этапе преобладает керамика орнаментированная гребенкой. Для изылинских памятников характерны сосуды украшенные в ямочно-отступающе-прочерченной традиции. То есть на каждом этапе преобладает какой-то один вид орнамента. Однако все остальные орнаментальные традиции продолжали свое бытование и фиксируется как в ранних, так и в поздних комплексах верхнеобской неолитической культуры, имея значительно меньшее распространение.

При этом каменную индустрию для решения вопросов периодизации неолита Верхнего Приобья исследователи почти не привлекают, опираясь в основном на керамику, в связи с чем возникают определенные разночтения. Например, облик орудийного ан-

самбля поселения Киприно находит явную близость с материалами Завьялово-2. Однако по керамике памятники отнесены к разным хронологическим этапам (Молодин В.И., 1977). Каменная индустрия археологических объектов Завьялово-2 и 8 имеет между собой большие отличия. В основе технологического процесса изготовления орудий поселения Завьялово-2 лежит призматическое расщепление, а в основе индустрии Завьялово-8 находится техника отщепа. Если придерживаться законов эволюционной линии развития каменной индустрии, то эти комплексы должны относиться к разным хронологическим периодам: Завьялово-2 – ранний-средний неолит; Завьялово-8 – поздний неолит. Об разновременности этих памятников ранее писал В.А. Зах (1988, с. 36). Однако некоторые исследователи относят объекты к одному этапу (Молодин В.И., 1977, с. 12; Археология ..., 1996, с. 265). Аналогичная ситуация с памятниками Киприно и Иня-3 (Топтушка) – явная близость в керамике и полное несоответствие в каменной индустрии (Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П., 2001; Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., 2003). Таким образом, если за основу периодизации взять анализ каменных артефактов, то список памятников на каждом этапе будет выглядеть иначе, чем в схемах созданных по керамике. Следовательно, все предложенные периодизационные построения носят определенный отпечаток условности, что сразу ставит под вопрос правомерность выделения как отдельных этапов, так и всей верхнеобской неолитической культуры в целом.

В 1996 г. М.Ф. Косарев, анализируя неолитические материалы Верхнего Приобья, пришел к выводу, что развитие эпохи протекало в рамках одного хронологического этапа, внутри которого выделяется два типа памятников (локальные варианты): завьяловский – для равнинной части Верхнего Приобья и изылинский – для Присалаирья (Археология ..., 1996, с. 265–266). Понятие «верхнеобская неолитическая культура» исследователь не использует. По всей видимости, М.Ф. Косарев вообще отказался от идеи объединения неолитических комплексов Верхнего Приобья в какую-либо археологическую культуру.

Следует признать такой подход совершенно справедливым и обоснованным. Понятие «верхнеобская неолитическая культура», как термин, объединяющий группу памятников, сыграл очень важную роль в изучении эпохи региона. Локализация отдельных археологических объектов в единую культуру позволила выдвинуть теории становления и развития неолита Верхнего Приобья. Однако, по мнению автора, пришло время отказаться от этого термина и говорить не о культуре, а об общности памятников неолитического времени, которые следует группировать в локальные варианты. Такие «локальные варианты» имеют характерные черты в облике материальной культуры; внутреннюю периодизацию, обусловленную длительным бытованием во времени; собственные культурные связи, повлиявшие на облик керамики и орудийный набор. При этом необходимо продолжать использовать такие понятия как: «завьяловский», «кипринский», «изылинский» и др. типы памятников или керамики. Но использовать эти термины не как названия хронологических этапов, характерных для всего или большей части Верхнего Приобья, а именовать ими локальные варианты, имеющие свое временное и территориальное место.

На основании имеющихся материалов автор пришел к выводу, что памятники позднего неолита южной зоны Обь-Иртышского междуречья находят определенную близость с комплексами так называемой верхнеобской неолитической культуры. Предлагается именовать эти комплексы «неолит Верхнего Приобья» не уточняя их культурную принадлежность.

К сожалению, в нашем распоряжении нет естественно научных дат с комплексов позднего неолита южной зоны Обь-Иртышского междуречья. Но, используя хронологическое положение позднего неолита соседних регионов, а также на основании датировки некоторых типов каменных артефактов (шлифованные ножи, «утюжки») и керамики автор предлагает нижнюю границу поздненеолитической эпохи юга Обь-Иртышья отнести к началу IV, возможно к концу V тыс. до н.э.

Намного сложнее обстоит дело с верхней границей позднего неолита. Для Верхнего Приобья этот рубеж исследователи относят к середине или второй половине IV тыс. до н.э. Эта хронологическая отметка обусловлена двумя датами по С14 с могильника на Старом Мусульманском кладбище (Кирюшин Ю.Ф., 1988). Есть более древняя дата – конец V – начало IV тыс. до н.э., полученная по материалам могильника Сопка-2 (Молодин В.И., Бобров В.В., 1999, с. 5; Молодин В.И., 2001, с. 39). Для Горного Алтая рубеж позднего неолита-

энеолита относят к началу последней трети IV тыс. до н.э. (Кирюшин К.Ю., 2004, с. 15), а в Северном Казахстане к рубежу IV–III тыс. до н.э. (Зайберт В.Ф., 1993, с. 155).

Во всех этих регионах (Горный Алтай, Казахстана, Верхнее Приобье) на смену позднему неолиту приходит энеолит. Однако на юге Обь-Иртышского междуречья энеолитические традиции до сих пор не выявлены. Богатые запасы сырья для медно- и бронзолитейного производства расположены в Рудном Алтае (Предалтайская равнина). Этот регион является непосредственным соседом Обь-Иртышского междуречья. При этом лесостепной ландшафт Приобья постепенно переходит в низкогорья (Рудный Алтай). Между регионами нет труднопреодолимого препятствия, вроде широкой реки или горного хребта. И, тем не менее, несмотря на кажущуюся доступность, в неолите территория Рудного Алтая оставалась практически неосвоенной. Многолетние обследования, которые проводил здесь автор (2000–2003 гг.) и другие исследователи (Кунгуров А.Л., Шмидт А.В., 2002; и др.), позволили выявить всего два поселение эпохи позднего неолита – это стоянки Слюдянка (Марсадолов Л.С., 1998) и Усть-Колыванка на Колыванском озере в районе г. Змеиногорска. При этом общий облик каменной индустрии этих памятников имеет явные южносибирские корни. Наибольшую близость материалы поселения Слюдянка находят с комплексами усть-нарымской культурой эпохи позднего неолита-энеолита. Таким образом, вырисовывается следующая картина. На территории Приобского плато мы имеем десятки неолитических памятников. А всего на 30-50 км к Ю и ЮВ, в предгорьях, известно два небольших поселения.

В основном, памятники каменного века в Рудном Алтае связаны с плейстоценовым временем. Мезолитические, неолитические и энеолитические комплексы там не фиксируются. По всей видимости, на рубеже плейстоцена-голоцена данная территория была покинута людьми и ее повторное заселение связано с елунинской культурой эпохи ранней бронзы (XX–XVI вв. до н.э.). В настоящий момент в распоряжении исследователей нет достоверных данных о существовании собственной металлургии на юге Обь-Иртышского междуречья в III тыс. до н.э. Тем не менее, готовые медные изделия могли попадать на территорию региона по средствам обмена, например, из Северного Казахстана, где в это время получила развитие батайская энеолитическая культура, или из Горного Алтая, на территории которого проживало афанасьевское население. Согласно трасологическим определениям П.В. Волкова, в лесостепной зоне правого берега Оби (г. Новоалтайск) металлические орудия уже использовали на рубеже IV – III тыс. до н.э. (Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачёв Д.А., Семибратов В.П., 2006; Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006, с. 23). На некоторых памятниках южной зоны Обь-Иртышского междуречья с каменной индустрией поздненеолитического-энеолитического облика известно несколько металлических орудий. Однако все они происходят из сборов с поверхности. Кроме этого, не проводился их спектральный анализ. Таким образом, следов собственного металлургического производства в зоне исследования пока не зафиксировано.

В данном случае проблема верхней границы неолитической эпохи зависит от критериев разграничения неолита и энеолита. В целом они сформулированы во многих отечественных и зарубежных изданиях и получили своих сторонников и противников (Фосс М.Е., 1949; Археология СССР ..., 1982; Матющенко В.И., 1973; 1999; Кирюшин Ю.Ф., 1991; Бобров В.В., 1996, Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006; и др.). Однако когда речь заходит об эпохальной принадлежности отдельно взятых памятников внутри западносибирского региона, то зачатую разгораются жаркие споры. В связи с чем, вопрос о верхней границе неолита южной зоны Обь-Иртышья пока остается открытым.

Литература

- 1. Алекшин В.А. Проблемы культурогенеза неолитических и энеолитических культур Юго-Западной Азии (по данным погребальных обрядов) // КСИИМК. Вып. 199. М.: Наука, 1990. С. 3-9.
- 2. Археология СССР. Энеолит СССР. M.: Hayкa, 1982. 360 с.
- Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 352 с.

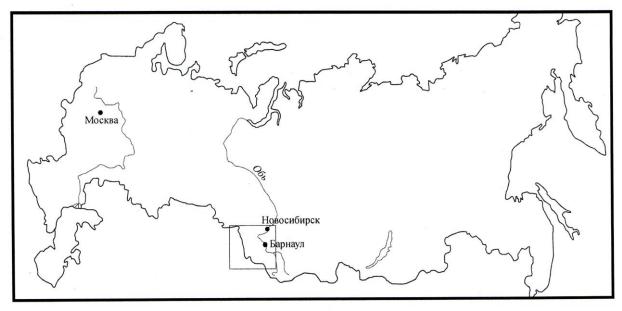

Рис. 1 Орографическая схема южной зоны Обь-Иртышского междуречья

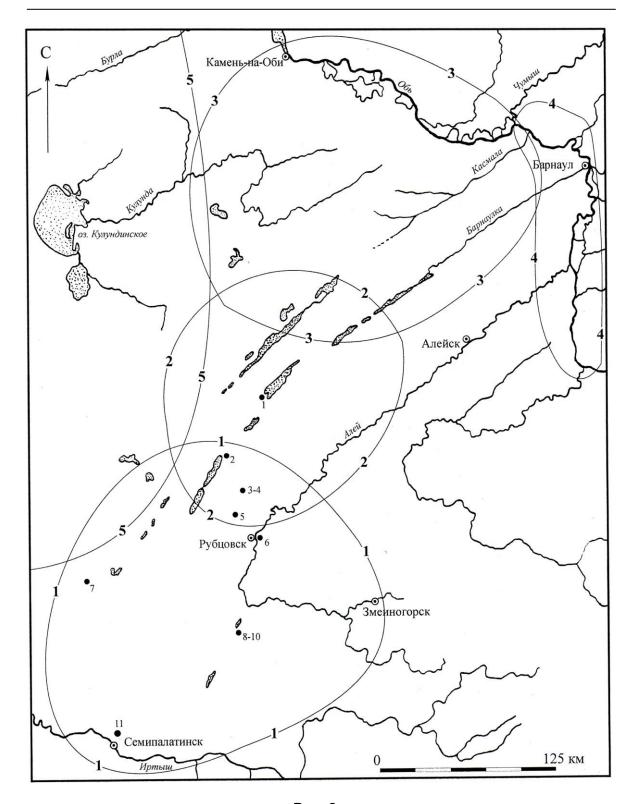

Рис. 2а

- •1 •2 Памятники рубцовской неолитической культуры: 1 Гусятник-2, 2 Гульбище, 3 Сибирь-3, 4 Сибирь-5, 5 Кривое-1, 6 Рубцовское поселение, 7 Павловка-1, 8 Новенькое-20, 9 Новенькое-21, 10 Калантырь-15, 11 Семипалатинские Дюны Рис. 26
- —1— —2— Сырьевые зоны эпохи позднего неолита южной зоны Обь-Иртышского междуречья: 1 Юго-западные районы Приобского плато, 2 Центральные районы Приобского плато, 3 Северные районы Приобского плато, 4 Участок Приобья, расположенный к югу от р. Чумыш, 5 Кулундинская равнина

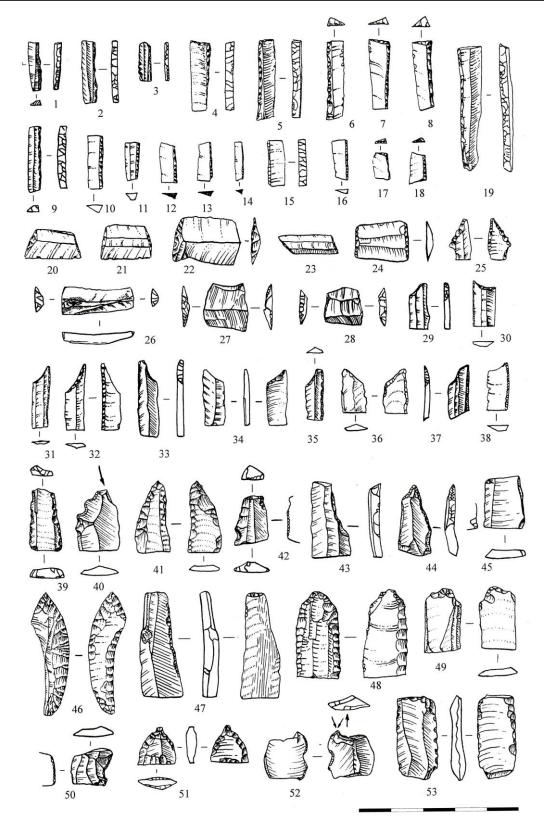

Рис. 3

Материалы рубцовской неолитической культуры.

1-3, 27, 28, 34, 35, 39-45, 47, 50-53 — Рубцовское поселение; 4-8, 12-14, 17-19, 25, 48 — Кривое-1; 10, 11, 31, 46 — Гульбище; 16, 20-23, 30, 38 — Павловка-1; 9, 29, 33, 37, 49 — Гусятник-2; 24 — Сибирь-3; 26, 36 — Сибирь-5; 32 — Калантырь-15; 15 — Новенькое-20. 1-21, 23, 29-38 — вкладыши охотничьего оружия; 27, 28, 41 — вкладыши мясных ножей; 32 — двойной концевой скребок; 25, 46 — наконечники стрел; 40 — скобель-резец; 42 — микро сверло; 47 — пилка по камню; 48, 49, 51 — развертки; 53 — пилка по дереву

- 4. Археология. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. 379 с.
- 5. Бобров В.В. К дискуссии о термине и понятии «энеолит» // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 20-22.
- 6. Бобров В.В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 11-17.
- 7. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. 175 с.
- 8. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск: Общество изучения Сибири, 1930. С. 3-11.
- 9. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. МИА. № 47. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 430 с.
- 10. Древняя история Южного Зауралья. Т. І. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.
- 11. Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М.: Наука, 2002. 245 с.
- 12. Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1992. 221 с.
- 13. Зах В.А. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: Изд-во ИИФиФ АлтГУ, 1988. С. 35-37.
- 14. Зах В.А. Неолит и бронзовый век Присалаирья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 22 с.
- 15. Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
- 16. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 160 с.
- 17. История Алтая. Ч. 1: Учебное пособие. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. 480 с.
- 18. Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.
- 19. Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачёв Д.А., Семибратов В.П. Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка памятник энеолита Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул: Изд-во ООО «Азбука», 2006. С. 222-228.
- 20. Кирюшин Ю.Ф. О хронологии термина «энеолит» и его значении // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. С. 64–75.
- 21. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 215-224.
- 22. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о кельтеминарском влиянии в эпоху неолита на Средней Катуни // Исторический опыт хозяйствования и культурного освоения Западной Сибири. Кн. І. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 75-81.
- 23. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Кельтеминарские наконечники стрел с поселения Тыткескень-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003а. – С. 359-363.
- 24. Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. С. 15-24.
- 25. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1984. С. 25–40.
- 26. Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая. // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73-117.
- 27. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Каменная индустрия неолитического поселения Иня-III (Топтушка) // Исторический опыт хозяйствования и культурного освоения Западной Сибири. Кн. І. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 90-96.

- 28. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс памятника Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул: Азбука, 2001. С. 75-79.
- 29. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.: Наука, 1987. 320с.
- 30. Косарев М.Ф., Куйбышев А.В. Древние памятники Кулундинской степи // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск: Изд-во ТГУ, 1974. С. 86-94.
- 31. Куйбышев А.В. Древние стоянки Кулунды // КСИА. № 148. М., 1976. С. 53-58.
- 32. Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2006. 200 с.
- 33. Кунгуров А.Л., Удодов В.С. Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 4-9.
- 34. Кунгуров А.Л., Шмидт А.В. Новые памятники каменного века в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VIII. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 115-120.
- 35. Кунгурова Н.Ю. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1987. С. 55-66.
- 36. Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2005. 128 с.
- 37. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р. Самара // Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. С. 177-199.
- 38. Лузгин Б.Н. Геологическое доказательство местного происхождения каменного материала из археологических памятников северо-западных предгорий Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 55-60.
- 39. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Вып. 9. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. 147 с.
- 40. Матющенко В.И. Вновь о «неолите» и «энеолите» в Западной Сибири // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 9-11.
- 41. Могильников В.А. Работа на Верхнем Алее // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 224.
- 42. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975.
- 43. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, СО, 1977. 174 с.
- 44. Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1985. С. 3-17.
- 45. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск: Издво Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 128 с.
- 46. Молодин В.И., Бобров В.В. Предисловие // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 3-8.
- 47. Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995. 222 с.
- 48. Окладников А.П., Адаменко О.М. Первая находка леваллуа-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири // Четвертичный период Сибири. М., 1966. С. 373-382.
- 49. Орлова Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). Новосибирск: Наука, СО, 1990. 128 с.
- 50. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 448с.
- 51. Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983. 144 с.
- 52. Сальников К.В. К вопросу о неолите Степного Зауралья // КСИИМК Вып. 47. М.: Издво АН СССР, 1952. С. 15-23.

- 53. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
- 54. Тишкин, А.А. Различные случайные археологические находки в северо-западных предгорьях Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. І. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 98-102.
- 55. Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 198 с.
- 56. Уманский А.П., Клюкин Г.А. Археологические разведки в верховьях Алея // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 37-39.
- 57. Фосс М.Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК. Вып. 29. М.: Издво АН СССР, 1949. С. 33-47.
- 58. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977. 198 с.
- 59. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1972. С. 161-181.
- 60. Шмидт А.В. Памятники большемысской культуры Барнаульского Приобья // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. РАЭСК XXXVI. Ч. 1. Иркутск, 1996. С. 77-79.
- 61. Шмидт А.В. Неолит Приобского плато: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.

Список сокращений к статье Шмидта А.В.

КСП – кварцитовидный сливной песчаник РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция

Соёнов В.И.

(г. Горно-Алтайск)

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Археологические памятники Алтая сегодня имеют всемирную известность благодаря исследованиям многих десятков ученых. Однако, как ни парадоксально, памятники этого горного региона, в целом, менее изучены, чем памятники соседних регионов Южной Сибири и Центральной Азии. Древняя история Горного Алтая до сих пор имеет многочисленные пробелы в изучении отдельных периодов и конкретных территорий. Интересующая нас эпоха бронзы также остается одной из недостаточно изученных.

До 80-х гг. к эпохе энеолита и бронзы Горного Алтая относили памятники афанасьевской культуры. В связи с чем возникла гипотеза о консервации афанасьевской культуры и проживании потомков афанасьевского населения практически до середины І тыс. до.н.э. (Грязнов М.П., 1957, с.21-23; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с. 74). Благодаря раскопкам последних десятилетий наши знания о жизни населения эпохи энеолита и бронзы в горах Алтая обогатились новым материалом, дающим, по мнению большинства исследователей, очень пеструю картину (Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006, с.4).

За все годы исследований на Алтае открыты сотни памятников эпохи бронзы. На 73 могильниках производились раскопки, на 50 поселениях произведены раскопки или сборы подъемного материала, а также в 50 пунктах обнаружены наскальные рисунки, чашечные

_

Работа выполнены при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-01-61110а/Т).

камни, стелы (Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006, с.4-17). Большинство исследованных памятников этого времени относятся к афанасьевской культуре, небольшая часть – к большемысской и каракольской культурам, арагольскому типу памятников. Культурная принадлежность еще ряда объектов не определена, установлена лишь предположительная датировка – эпоха бронзы. Известны также находки в слоях памятников и отдельные случайные предметы, связанные с елунинской, андроновской, ирменской, корчажкинской, карасукской культурами и крохалевским типом памятников.

Таким образом, сегодня достигнуты значительные успехи в исследованиях памятников Алтая эпохи бронзы. Но в то же время необходимо констатировать, что остались еще нерешенными многие вопросы основной схемы этногенеза и культурогенеза населения Южной Сибири и Центральной Азии стадии палеометаллов. Их решение возможно только при условии производства дальнейших интенсивных исследований. Причем на первой очереди стоит задача продолжения накопления новых материалов и их междисциплинарное изучение с широким применением естественнонаучных методов. В связи с чем возросла актуальность новых полевых исследований памятников Алтая эпохи бронзы: их выявление, разведки и раскопки. Поэтому надеемся, что результаты наших разведочных работ, публикуемые ниже, будут полезными для исследователей.

В полевой сезон 2006 года археологической экспедицией под руководством автора продолжены археологические разведки на территории трех районов Республики Алтай: Чемальского, Онгудайского и Шебалинского. В состав экспедиции входили зав. музеем археологии и этнографии Горно-Алтайского государственного университета, к.и.н. С.В. Трифанова, научный сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай Т.А. Вдовина, а также студенты исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета. Водители экспедиционных автомобилей — работники университета и Министерства культуры Республики Алтай В.А. Кривощеков и А.С. Гончаров.

Чемальский район

Работы в Чемальском районе Республики Алтай включали обследование участка урочища Чёба около устья безымянного ручья, расположенного на правом берегу р. Катуни (рис.1). Правобережье Катуни в этом районе представлена среднегорными ландшафтами: южнотаежными светлохвойными с лиственничными лесами на горно-лесных черноземовидных почвах в сочетании с высокотравными лугами на горно-луговых почвах и кустарниковозлаковыми степями на горных черноземах по склонам южной экспозиции Куминского хребта (Атлас Алтайского края, 1991, с.17, 20). Остепненные участки береговых террас Катуни разделены друг от друга бомами – местами с крутыми обрывистыми берегами (алт. *боом* – узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога (Молчанова О.Т., 1979, с.29-30)).

Активные археологические исследования в урочище Чёба осуществлялись в ходе подготовки строительства Катунской ГЭС в конце 80-начале 90-х гг. ХХ века (Кубарев В.Д., 1990, с.7-22). В 1988 г. в устье р. Чёба обнаружены палеолитические материалы (Елин В.Н., Соёнов В.И., 1990, с.166). В 1990-96 гг. в урочище раскопаны курганы раннескифского и пазырыкского времени, а также периода раннего средневековья (Киреев С.М., 1990; Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с.86-91; Соловьёв А.И., 1999, с.123-133; Худяков Ю.С., 2005, с.196-198). Поселение Чеба с материалами эпохи бронзы обнаружено в 1989 году В.И. Соёновым на правом берегу безымянного ручья, на выходе тракта Чемал – Куюс из бома (Киреев С.М., 1990). Однако левобережье этого ручья в тот период нами не рассматривался как перспективный участок для поиска поселенческих материалов. Но в связи с последующими исследованиями в долине Средней Катуни встал вопрос о дополнительном изучении левого берега безымянного ручья. Поэтому в 2006 году специально было обследовано вышеуказанное место, в результате чего обнаружен новый памятник – поселение Чёба II.

Поселение Чёба II.

Расположено в 9,6 км юго-восточнее с. Еланда Чемальского района Республики Алтай, на правом берегу р. Катуни, в 2,4 км к СВС от устья р. Чёба, на выходе тракта Чемал – Куюс из бома (рис.2). Памятник находится на левом берегу безымянного ручья, напро-

тив поселения Чёба в 100 м к юго-востоку от него. Терраса, на которой расположено поселение, ограничена с запада крутым скальным берегом Катуни, с северо-запада – таким же берегом ручья. С северо-востока терраса ограничена склоном горы, вдоль которого проходит дорога тракт Чемал – Куюс. Площадка террасы имеет мощный, высокий травяной покров. На западном краю площадки заложен шурф 1х1 м, ориентированный сторонами по сторонам света (рис.3-5). Географические координаты шурфа по GPS-приемнику: N-51°09'333", E-86°11'244". Высота 486 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

При снятии дернового слоя в юго-западном углу шурфа обнаружены рубленые и колотые фрагменты костей животных, фрагменты неорнаментированной керамики, отщеп, несколько мелких галек. Под дерном мощностью около 0,05 м имелся слой гумусированной почвы в северо-западном и юго-восточном углах шурфа, мощностью до 0,18 м. Остальную часть шурфа занимает скальный выход. В слое 1 обнаружены фрагменты неорнаментированной керамики, фрагменты костей животных и две мелкие гальки. У западной стенки шурфа зафиксировано пятно светло-коричневого цвета. Возможно, это остатки выброса из норы грызуна.

Точная датировка памятника затруднена, т.к. инвентарь поселения представлен только небольшими фрагментами неорнаментированной керамики, фрагментами костей и кремнистым отщепом. Скорее всего, поселение многослойное и слои перемешаны в результате распашки (?) участка в прошлом веке. Материалы Чёбы II по внешнему виду фрагментов керамики можно предположительно датировать эпохой бронзы — средневековьем.

Онгудайский район

Археологические разведки в Онгудайском районе Республики Алтай включали обследование северного побережья Теньгинского озера севернее с. Озерное и участка дороги в с. Беш-Озек Шебалинского района через перевал Каменное Седло (рис.1).

Теньгинская котловина входит в Семинский физико-географический район, включающий, наряду с котловиной, вершинную часть и южный макросклон Семинского хребта, долину р. Урсул в среднем течении. Характер рельефа и набор экзогенных процессов на протяжении участка разный. Вершинная часть Семинского хребта представляет собой массивное слаборасчлененное среднегорье с абсолютными высотами 1600-1800 м. Ось хребта на этом участке ориентирована с северо-запада на юго-восток. Перевальные седловины заболочены, низинные болота и заболоченные луга встречаются также на пологих приседловинных склонах и водосборных воронках. Верховья расположенных здесь рек и ручьев, как правило, многорукавные, без ярко выраженного вреза. Верхняя ступень Семинского хребта довольно крутым уступом отделена от Теньгинской котловины, наиболее пониженная часть, которой и занята озером. Озеро имеет заболоченную озерную террасу. Основная поверхность котловины слабо наклонена к центру и заливами вдается в соседние долины некрупных водотоков. В восточной и южной части котловины сохранились отдельные сопки. В нижних частях окружающих склонов часто выражены делювиальнопролювиальные шлейфы. Из озера вытекает р. Теньга, впадающая в р. Урсул (Атлас Алтайского края, 1991, с.17, 20; Сухова М.Г., Русанов В.И., 2004, с.28-58).

Территория Теньгинской котловины привлекла внимание археологов в XX веке. В 1960-90 гг. А.П. Окладников, Е.А. Окладникова, В.Д. Кубарев, А.И. Мартынов, Е.А. Миклашевич, В.Н. Елин исследовали стелы, изваяния, петроглифы у с. Озерное. Памятники датированы различными историческими периодами (Кубарев В.Д., 1988, с.85-87; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с.59, Миклашевич Е.А., 2006, с.102-127).

В 1976 г. А.П. Погожевой, Б.Х. Кадиковым, в 1990 г. В.И. Соёновым, А.В. Эбелем, в 2005 г. Т.А. Вдовиной и С.В. Трифановой были произведены аварийные раскопки окуневского (каракольского) могильника Озерное, расположенного в черте с. Озерное, который был датирован эпохой бронзы (Погожева А.П. Кадиков Б.Х., 1979, с.80-85; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.45-47; Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В., 2006, с.61-66). В 1978 г. В.А. Могильниковым на могильнике Озерное II был исследован один курган, датированный эпохой бронзы (Могильников В.А., 1987, с.23-34). В 1987 г. П.И. Шульга произвел разведочные работы в долине р. Теньга, в ходе которых им был

выявлен целый ряд поселений в окрестностях с. Озерное, датированных эпохой раннего железа (Шульга П.И., 1990). В 2003 г. С.В. Трифанова обследовала поселение Озерное, расположенное на западной окраине с. Озерное Онгудайского района и обнаружила и зафиксировала могильник Озерное XIII. Оба объекта предварительно были датированы эпохой бронзы (Трифанова С.В., 2005, с.64-67).

В ходе произведенных археологических разведок нами обнаружены древняя каменоломня и могильник.

Каменоломня Озерное.

Небольшая каменоломня Озерное находится в 5 км к северу от с. Озерное, в восточной части котловины примерно в 2,3 км севернее Теньгинского озера, на левобережье безымянного ручья, текущего со стороны перевала через Семинский хребет параллельно р. Верхний Борбок и теряющегося в заболоченной старице озера на его северной стороне (рис.6). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-50°57′270″, E-85°33′647″. Высота 1152 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). В 15 м к западу от каменоломни находится опора высоковольтной линии ЛЭП-110.

Выработка производилась на западном склоне холма, на маленьком скальном останце (рис.7). Каменоломня обнаружена нами по отколотым от останца блокам и плитам правильных форм. Определение породы камня не осуществлялось. Каким образом производилось отделение каменных блоков и плит от скального выхода пока сложно судить. При осмотре блоков и скалы обнаружены выбитые углубления, желобки или их остатки на торцевых сторонах камней. На месте остались несколько каменных блоков и обломков прямоугольных плит, а также целая прямоугольная плита с одним скошенным верхним углом.

Вероятнее всего, обнаруженная каменоломня относится к эпохе бронзы. Именно такие каменные плиты, какие добывались на каменоломне Озерное, обнаружены в погребениях окуневского (каракольского) могильника Озерное, и на афанасьевском могильнике Озерное II, расположенных в Теньгинской котловине (Погожева А.П. Кадиков Б.Х., 1979; Могильников В.А., 1987; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992; Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В., 2006). Несомненно, обнаруженная каменоломня требует дальнейшего всестороннего детального изучения с привлечением специалистов разных направлений, а в первую очередь геологов.

Могильник Верх-Песчаная.

Могильник Верх-Песчаная находится в 4 км западнее вершины г. Вершина Туяхты, на правом берегу р. Верх-Песчаная, в ложбине у подножья отрога Семинского хребта, напротив маральника (рис.6,8). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-51°01′565″, E-85°31′391″. Высота 1340 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Включает около десятка сильно задернованных каменных объектов. Один объект частично разрушен при прокладке грунтовой дороги между селами Озерное Онгудайского района и Беш-Озек Шебалинского района. Памятник обнаружен нами по большим подтесанным каменным плитам, сбуртованным на обочине дороги.

Точная датировка могильника не установлена. Но, судя по расположению могильника, сильной задернованности объектов и наличию массивных каменных плит в конструкции надмогильных сооружений он предварительно может быть отнесен к памятникам афанасьевской культуры эпохи ранней бронзы.

Шебалинский район

В Шебалинском районе по заявке Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай нами произведены археологические разведки на следующих участках: ниже с. Актел по правому берегу р. Актел до ее впадения в р. Сема; ниже с. Черга по правому берегу р. Сема от села до устья р. Шергаил; в приустьевой зоне р. Верх-Арбайта по обоим берегам р. Песчаной, расположенном между селами Ильинка и Барагаш (рис.1). Основной целью работ был сбор сведений о новых археологических памятниках для сводного издания по археологическим памятникам и объектам района. Необходимость обследования данных участков была вызвана их слабой археологической изученностью по сравнению с другими.

Села Актел и Черга, а также участок в устье р. Верх-Арбайта расположены в Чергинском физико-географическом районе. В структурно-геоморфологическом отношении это окраинная зона средневысотных блоков. Село Актел находится в узкой долине на западном склоне Семинского хребта, который ориентирован с СВС на ЮВЮ. Село Черга расположено непосредственно в долине р. Сема, в расширении на месте впадения в нее р. Черга. Участок устья р. Верх-Арбайта – правого притока р. Песчаной находится на западном склоне Чергинского хребта, расположенного параллельно Семинскому хребту. Река Песчаная разграничивает Чергинский и Ануйский хребты, поэтому участок, обследованный на левом берегу у подножья одного из отрога г. Бошту, входит уже в систему Ануйского хребта. В районе сел Актел и Черга господствуют лесные низкогорные ландшафты, переходящие в среднегорные. Среди древесной растительности распространены береза и лиственница. Развит кустарниковый подлесок и травяной покров, который достигает значительной высоты (до метра и более). Северные и северо-западные склоны окрестных гор лесисты, а южные и юго-восточные заняты травянистыми луговыми и степными сообществами. Абсолютные высоты не превышают 1300 м. В долине р. Песчаной, в пределах Шебалинского района Республики Алтай, высоты вдоль водораздельных линий хребтов достигают 1500-1700 м. Высота уреза воды в Песчаной постоянно повышается к истоку. В таких условиях глубина расчленения достигает 600-800 м. В целом рельеф характеризуется как среднегорный крутосклонный со значительным придолинным расчленением. Лесо-лугово-степная террасированная долина реки с комплексом низких песчано-валунно-галечниковых террас с разнотравно-злаковыми остепненными лугами в сочетании с древесно-кустарниковыми зарослями на лугово-черноземных почвах переходит в луговую пойменную суглинисто-песчано-галечниковую долину этой же реки с разнотравно-злаковыми и осоково-злаковыми заболоченными лугами в сочетании с древесно-кустарниковыми зарослями на луговых и лугово-болотных аллювиальных почвах (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с.82-88; Атлас Алтайского края, 1991, с.17, 20; Сухова М.Г., Русанов В.И., 2004, с.28-58).

В результате разведочных работ нами обнаружены три местонахождения и одиночный курган.

Одиночный курган Актел I.

Одиночный курган Актел I расположен на правом берегу р. Актел, в 1,5 км к западу от центра села, в устье большого лога, справа от автодороги на высоком террасовидном уступе (рис.9). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-51°31′109″, E-85°38′477″. Высота 711 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Представляет собой сильно задернованное круглое сооружение с каменной крепидой по периметру насыпи, расположенное на краю обрыва. Диаметром около 10 м, высотой около 0,1 м. Объект находится в аварийном состоянии: юго-восточная часть насыпи разрушена при разработке карьера для дорожных работ в конце XX века (рис.10).

Точная датировка одиночного кургана Актел I не установлена. Судя по косвенным признакам: расположению в специфической узкой горной долине, сильной задернованности и особенностям расположения других памятников данной физико-географического района, курган предположительно может относиться к памятникам афанасьевской культуры эпохи ранней бронзы.

Местонахождение Актел II.

Расположено на правом берегу р. Актел, в 1,5 км к западу от центра села, в устье большого лога, справа от автодороги в 80 м северо-западнее одиночного кургана Актел I (рис.9, 10). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-51°31′109″, E-85°38′477″. Высота 707 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). При осмотре грунтовой дороги, ведущей в лог, обнаружен каменный отщеп.

Датировка памятника не установлена. Предположительно может относиться к поздней поре каменного века в широком понимании термина. Хотя не исключено, что местонахождение Актел II как-то связано с одиночным курганом Актел I, который может иметь отношение к памятникам афанасьевской культуре эпохи ранней бронзы, когда еще традиция изготовления каменных орудий на Алтае не только не закончилась, но и даже продолжала еще развиваться.

Местонахождение Шергаил.

Находится в 2,5 км к северо-востоку от центра с. Черга, на правом берегу р. Сема и левом берегу ее правого притока — рч. Шергаил, на высоком мысовом выступе, образованном наносами Семы и Шергаила (рис.9). Географические координаты памятника по GPS-приемнику: N-51°35′296″, E-85°35′770″ N-51°35′284″, E-85°35′765″, N-51°35′292″, E-85°35′733″. N-51°35′305″, E-85°35′733″. Высота 443 м над уровнем моря (по балтийской системе высот).

Мысовидный выступ перерезан грунтовой дорогой, уходящей с юга на восток в лог вверх по ручью Шергаил (рис.11). На нем также установлена опора высоковольтной линии. При осмотре грунтовой дороги на местах среза грунта бульдозером собрана коллекция из нескольких крупных каменных сколов. Хотя обращает на себя внимание такой факт, как отсутствие патины на них, все же палеолитический характер предметов несомненен. Судя по технике расщепления камня и массивности отщепов, местонахождение предположительно можно датировать верхним палеолитом.

Местонахождение Мост-Песчаная.

Местонахождение Мост-Песчаная находится в 7,5 км к юго-востоку от центра с. Ильинка, в 13 км к северу от с. Барагаш, на левом берегу р. Песчаная, напротив устья р. Верх-Арбайта – правого притока Песчаной, на мысовидном выступе горного склона, в 150 м к западу от моста через р. Песчаная (рис.12, 13). Географические координаты по GPS-приемнику: N-51°23′369″, E-085°09′ 640″; N-51°23′373″, E-085°09′621″; N-51°23′369″, E-085°09′659″; N-51°23′354″, E-085°09′624″. Высота над уровнем моря 844 м (по балтийской системе высот).

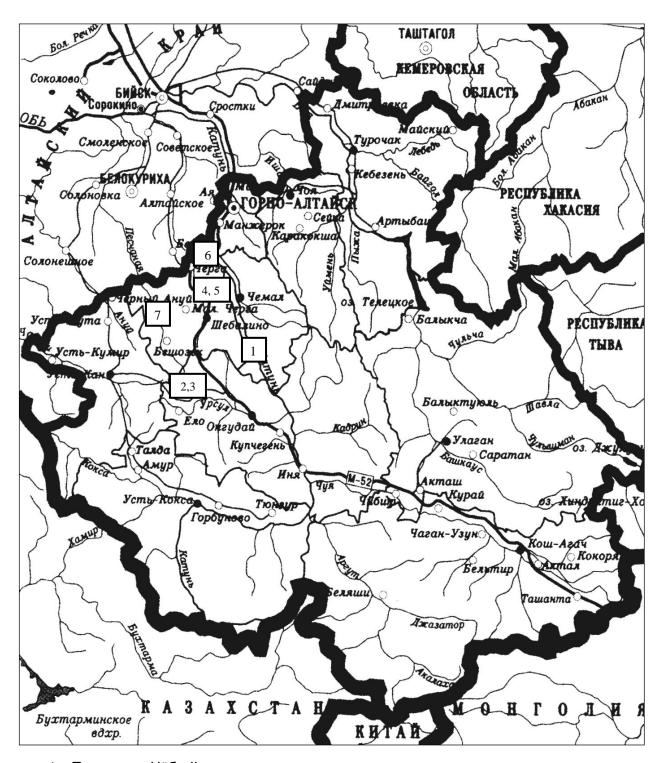
При обследовании мест размыва склона и тропы, ведущей на седловину одного из отрогов г. Бошту, входящей в систему Ануйского хребта, собраны: несколько фрагментов неорнаментированной керамики; один фрагмент керамики, орнаментированной гребенчатым штампом; 2 каменных отщепа и обломки челюсти животного.

Небольшая площадка на мысовидном уступе на склоне вряд ли может служить удобным местом для длительного проживания людей, поэтому не совсем понятен характер памятника. Материалы с местонахождения немногочисленны, в связи с чем уверенно их датировать пока невозможно. Но, судя по внешнему виду неорнаментированной керамики, а также по характеру гребенчатой орнаментации одного фрагмента, основную часть находок памятника можно предварительно отнести к афанасьевской культуре эпохи ранней бронзы.

Таким образом, всего в ходе работ обнаружены семь новых археологических объектов. Исследовавшиеся памятники разные по характеру и датировке: местонахождения, поселение, могильник, одиночный курган и каменоломня, относящиеся к верхнему палеолиту и эпохе бронзы — средневековья. Без проведения раскопочных работ невозможно установить окончательную хронологическую принадлежность памятников. В двух случаях не совсем ясен характер памятников. Тем не менее, произведенные в 2006 г. исследования расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая. Полученные результаты позволяют наметить планы дальнейших полевых исследований обнаруженных памятников и продолжения разведок на соседних участках. Сведения о новых памятниках, зафиксированных на территории Шебалинского района, включены в сводное издание «Археологические памятники и объекты Шебалинского района» (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006).

Литература

- 1. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С.52-77.
- Атлас Алтайского края. М., 1991. 35 с.
- 3. Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В. Коллективное погребение эпохи бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Выпуск №3-4. С. 61-66.
- 4. Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С.21-28.
- 5. Елин В.Н., Соёнов В.И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С.161-177.

- 1. Поселение Чёба II
- 2. Каменоломня Озерное
- 3. Могильник Верх-Песчаная
- 4. Одиночный курган Актел І
- 5. Местонахождение Актел II
- 6. Местонахождение Шергаил
- 7. Местонахождение Мост-Песчанная

Рис.1

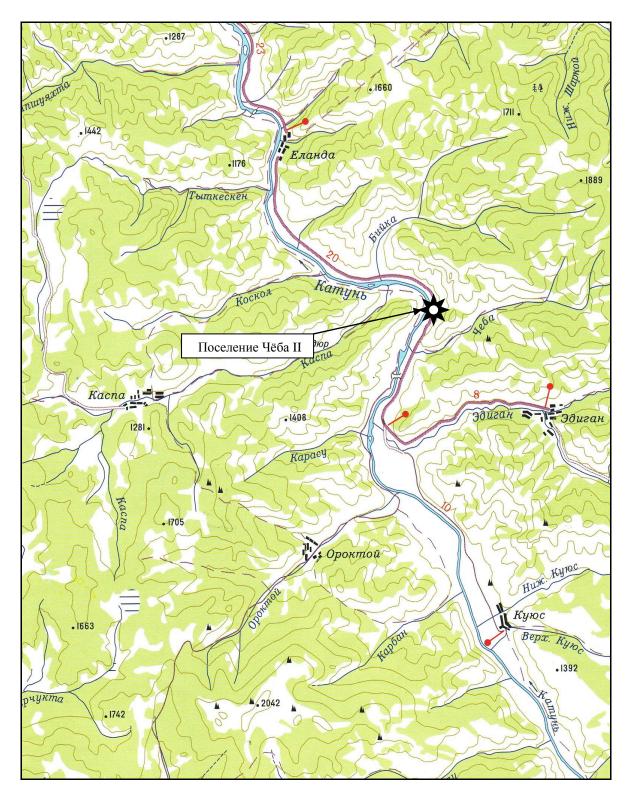

Рис.2 Месторасположение поселения Чёба II на карте местности

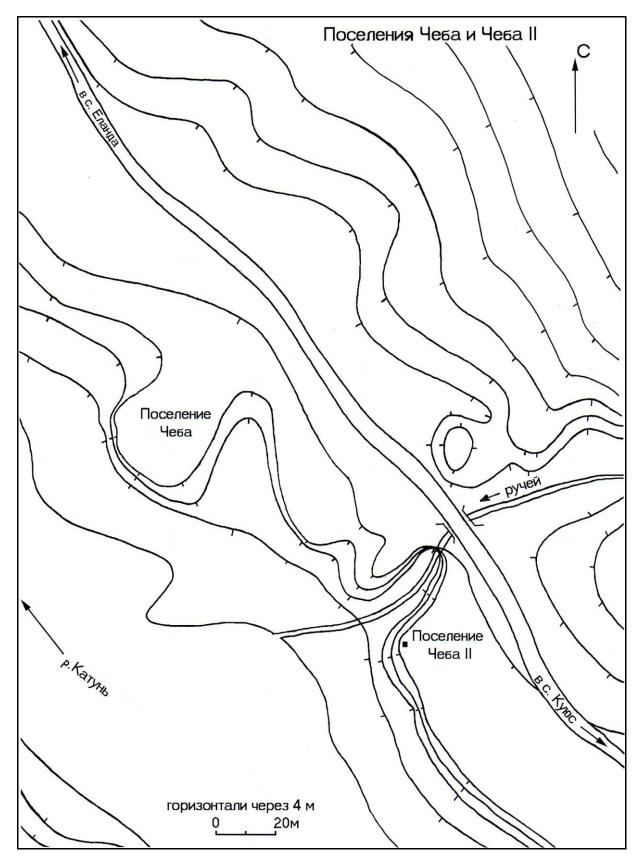
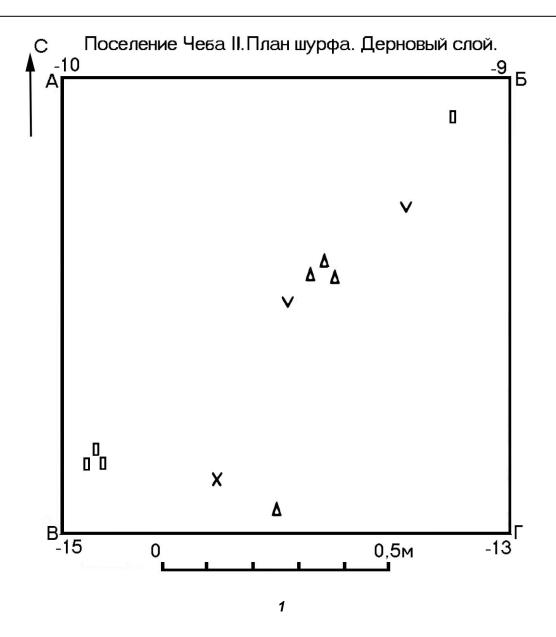

Рис.3 Глазомерный план поселения Чёба II

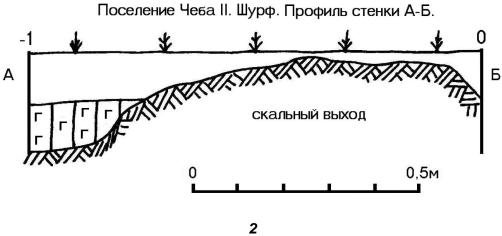
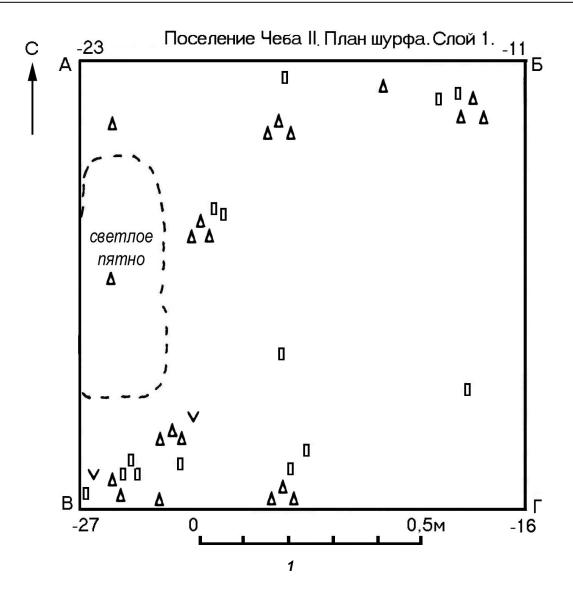

Рис.4Поселение Чёба II. План расположения находок дернового слоя шурфа и профиль стенки шурфа по А-Б

Поселение Чеба II. Шурф. Профиль стенки В-А.

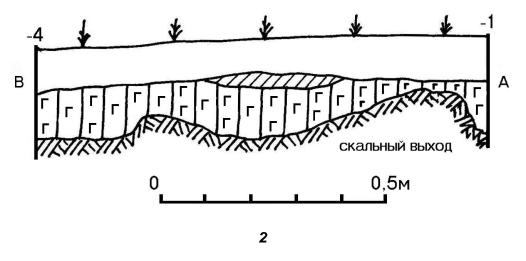

Рис.5
Поселение Чёба II. План расположения находок первого слоя шурфа и профиль стенки шурфа по В-А

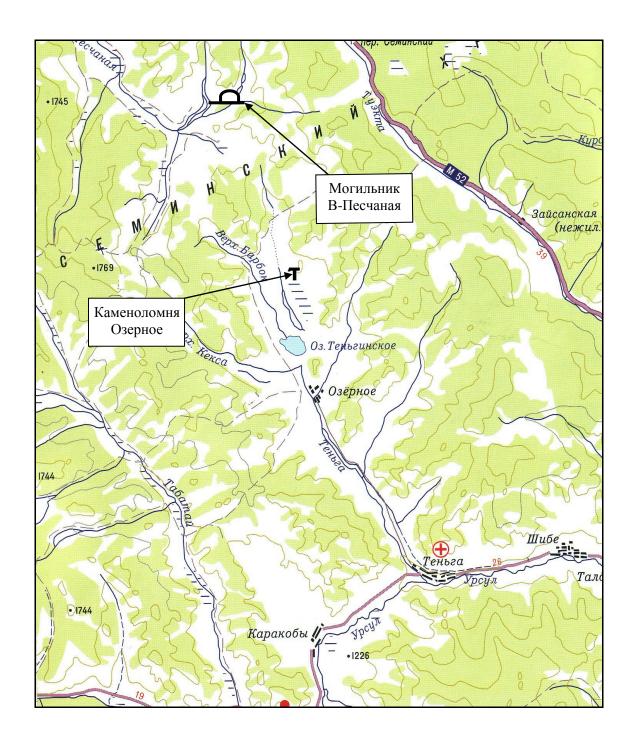

Рис.6 Месторасположение каменоломни Озерное и могильника Верх-Песчаная на карте местности

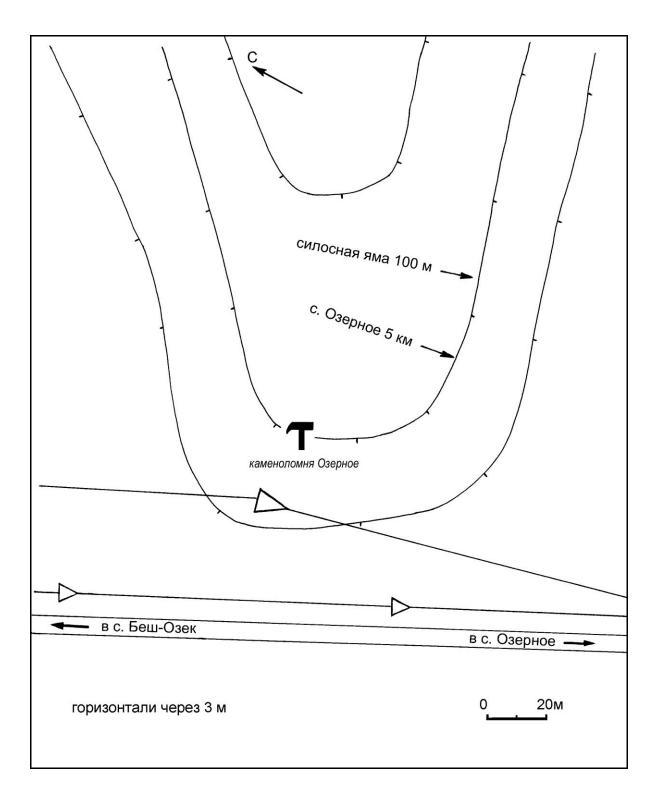

Рис.7 Глазомерный план каменоломни Озерное

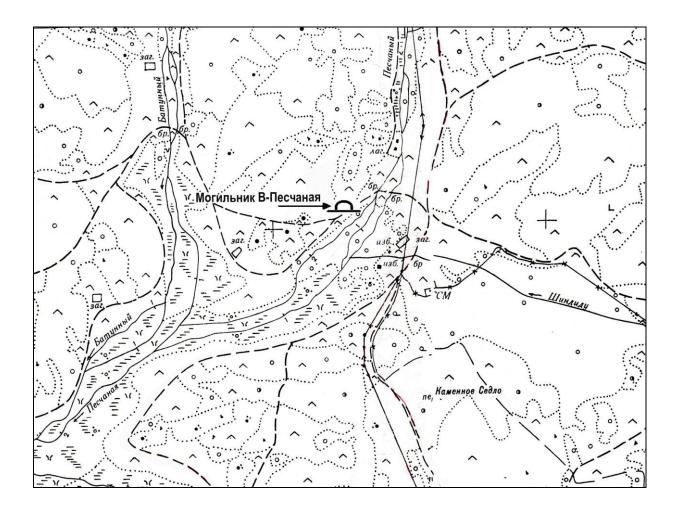

Рис.8 Месторасположение могильника Верх-Песчаная на плане местности М1:25000

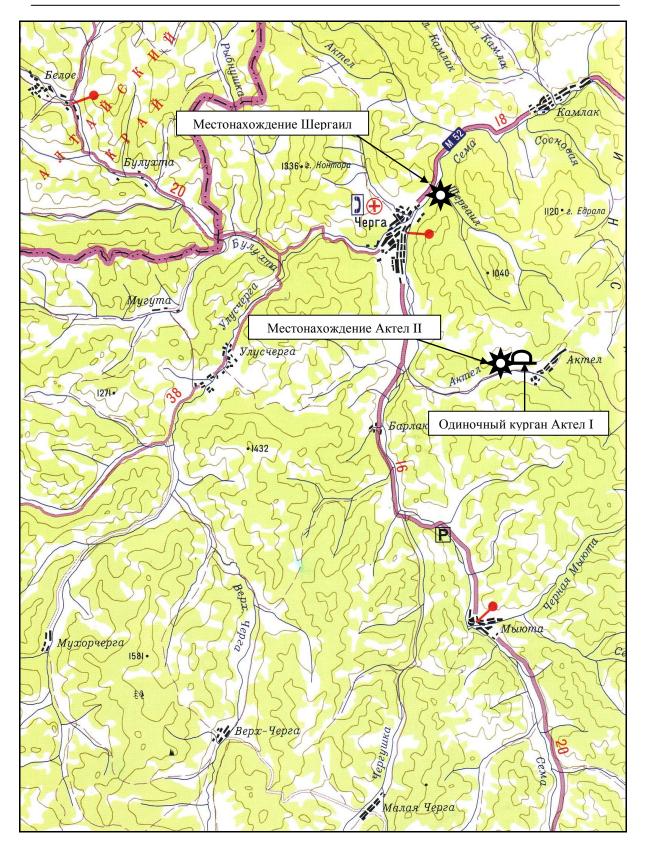

Рис.9
Месторасположение одиночного кургана Актел I,
местонахождений Актел II и Шергаил на карте местности

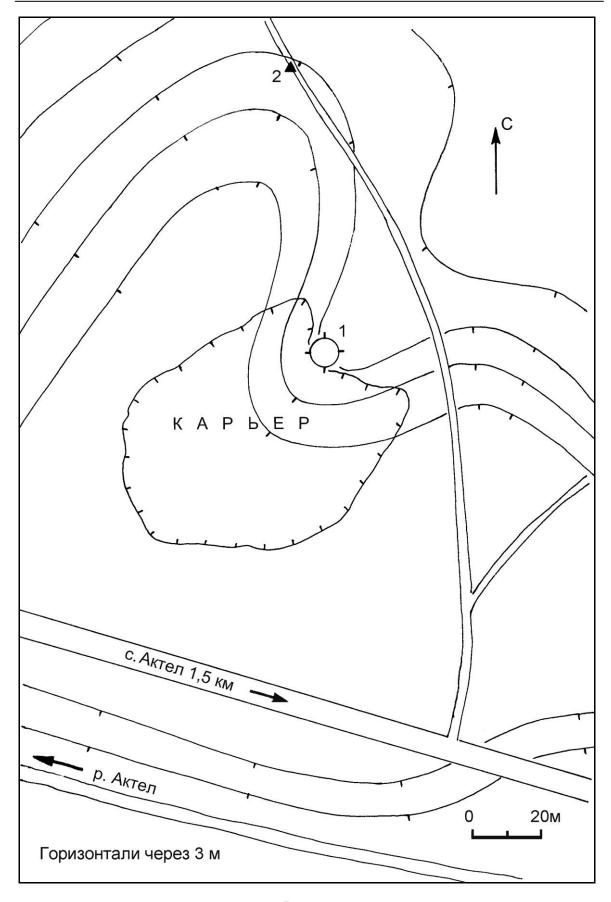

Рис.10 Глазомерный план одиночного кургана Актел I и местонахождения Актел II

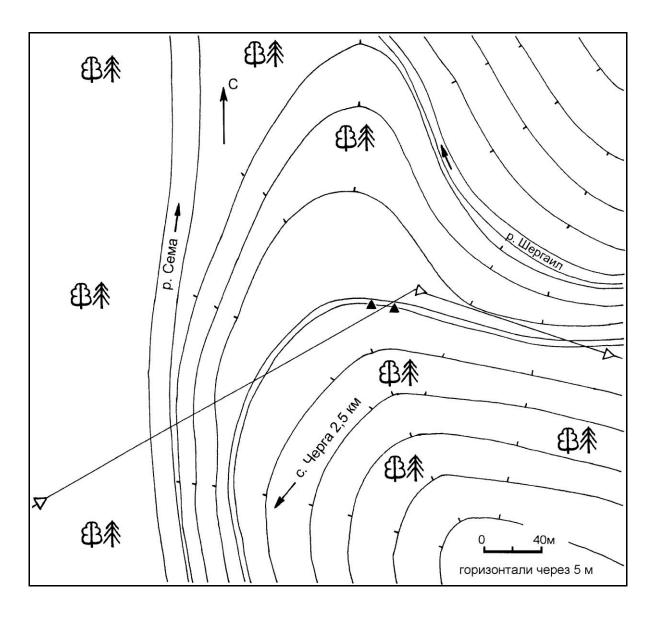

Рис.11 Глазомерный план местонахождения Шергаил

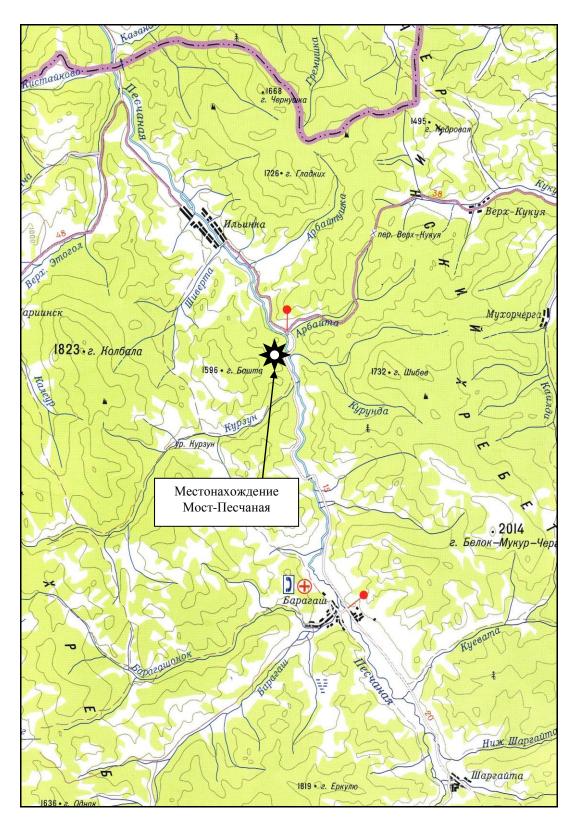

Рис.12 Месторасположение местонахождения Мост-Песчаная на карте местности

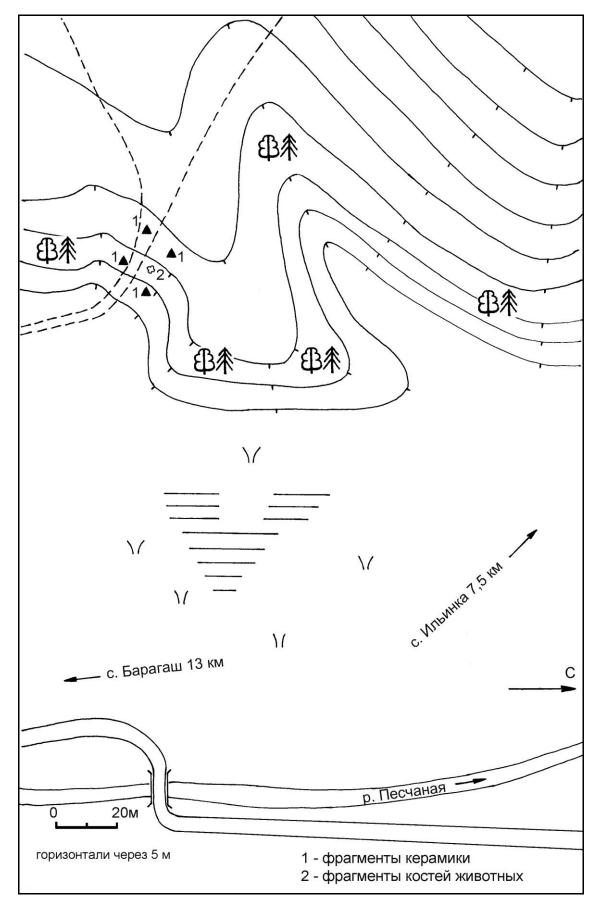

Рис.13 Глазомерный план местонахождения Мост-Песчаная

- 6. Киреев С.М. Отчет об археологических исследованиях в долине р.Чеба на Средней Катуни в 1989 году. (Зона затопления Катунской ГЭС). Горно-Алтайск, 1990.
- 7. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 173 с.
- 8. Кубарев В.Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 7-22.
- 9. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
- 10. Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 45-47
- 11. Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-7 // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С.86-91.
- 12. Маринин А.М., Самойлова Г.С, Физическая география Горного Алтая. Барнаул, 1987. 110 с.
- 13. Миклашевич Е.А. Памятники древнего искусства у села Озерного (Горный Алтай) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2006. С.102-127.
- 14. Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 23-34.
- 15. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 398 с.
- 16. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80-85.
- 17. Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Часть 1. 234 с.
- 18. Соловьёв А.И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-1 на Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 123-133.
- 19. Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. 100 с.
- 20. Сухова М.Г., Русанов В.И. Климаты ландшафтов Горного Алтая и их оценка для жизнедеятельности человека. Новосибирск, 2004. 150 с.
- 21. Трифанова С.В. Материалы к археологической карте Кош-Агачского, Онгудайского и Улаганского районов РА // Изучение историко-культурного наследия Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005, № 2. С. 64-67.
- 22. Худяков Ю.С. Аварийные раскопки на памятнике Чоба-Бильдыр в 1995-1996 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. С. 196-198.
- 23. Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Кемерово, 1990. 212 с.

Тур С.С., Рыкун М.П.

(г. Барнаул, г. Томск)

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ В ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ^{*}

Анализ маркеров физиологического стресса, визуально фиксируемых на черепе, создает основу для реконструкции социальной и биологической среды обитания древних популяций. Целью данного исследования было изучить на основании краниологических материалов показатели состояния здоровья и особенности биологической адаптации населения андроновской культуры Алтая эпохи средней бронзы.

Материал и методы

Материалом для данного исследования послужила сборная краниологическая серия андроновской культуры, объединяющая черепа из могильников Барсучиха, Березовский,

_

[·] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-01-00378a).

Ближние елбаны, Гилевский, Елунинский-2, Малопанюковский, Маринка, Павловка, Подтурино, Степной Чумыш, Фирсово-14, Чекановский лог-2, Чекановский лог-10. Исследованная выборка включает 104 индивида, не достигших взрослого возраста (до 1 года – 53, 1-6 лет – 32, 7-12 лет – 14, 13-19 лет – 5), и 82 взрослых (48 мужчин и 34 женщины).

Пол индивидов определялся на основе морфологических особенностей черепа и костей посткраниального скелета в соответствии с общепринятыми в палеоантропологии методиками. При оценке возраста взрослых учитывались облитерация швов черепа (Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985, p.57-66), стертость моляров (Scott E.C., 1979, p.214), возрастные изменения лобкового симфиза (Brooks S., Suchey J., 1990, p.227-238) и ушковидной поверхности (Lovejoy C.O. et al., 1985, p.15-28). Интегральная оценка возраста взрослых индивидов получалась при анализе данных методом главных компонент (Lovejov C.O. et al., 1985, p.1-14). Возраст детей устанавливался по срокам прорезывания зубов (Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994, p.51), синостозированию первичных и вторичных центров оссификации и срокам прирастания эпифизов (Алексеев В.В., 1966, с.27-39; Bass W.M., 1995, p.194), а также по длине диафизов длинных костей конечностей (Scheuer L., Black S., 2000, p.289, 299, 308, 394, 416, 426).

Программа исследования предусматривала регистрацию маркеров механического стресса и показателей состояния здоровья зубо-челюстной системы (травматических повреждений и скорости стирания зубов, остеоартроза височно-нижнечелюстных суставов, torus mandibularis, кариеса, зубного камня, пародонтоза, прижизненной утраты зубов), а также эмалевой гипоплазии. Кроме того, учитывалось наличие маркеров анемии (cribra orbitalia, поротического гиперостоза), неспецифических воспалений и холодового стресса (Бужилова А.П., 1997, с.104-105), а также травматических повреждений костей черепа.

Для определения уровня стертости передних зубов измерялась высота коронки. Скорость стирания задних зубов устанавливалась на основе разницы в уровне стертости первых и вторых моляров, возникающей за 6-летний период, который отделяет моменты появления их в зубном ряду (Scott E.C., 1979, р.204-205). Зубы, стертость которых превышала 36 баллов, при анализе скорости стирания не учитывались. Травмы зубов регистрировались как легкие (мелкие сколы эмали в пределах 1-3 мм) и тяжелые (отлом существенной части коронки, частичный или полный перелом корня). Остеоартроз височнонижнечелюстных суставов определялся по степени выраженности признаков эрозии или пролиферации как легкий, средний или сильный (Richards L.C., Brown T., 1981, р.293-307). В развитии пародонтоза выделялись 4 стадии в соответствии со схемой Turner II (1979). В качестве эмалевой гипоплазии регистрировались горизонтальные бороздки на буккальной поверхности резцов и клыков обеих челюстей (за исключением сильно стертых зубов), заметные невооруженным глазом. Развитие cribra orbitalia оценивалось по 3-балльной шкале (Buikstra J.E., Ubelaker D., 1994).

При анализе стертости зубов, которая в первую очередь зависит от возраста, применялись количественные техники (анализ главных компонент, регрессия), позволяющие исключить возрастную компоненту из общего разнообразия. Для статистической обработки данных использовались также анализы корреляций, варианс и коварианс (Generalized linear models).

Результаты и их обсуждение

Стертость зубов. Стертость зубов зависит не только от возраста индивидов, но и от состава диеты, методов приготовления пищи, а также практики использования зубов в качестве рабочего инструмента в различных трудовых операциях.

У мужчин-андроновцев разница в уровне стертости первого и второго моляров (М1 и М2 соответственно), которая характеризует скорость стирания коренных зубов, существенно больше, чем у женщин (Р=0,007). Величина разницы М1-М2 на статистически значимом уровне положительно коррелирует с величиной стертости М1, особенно тесно у мужчин (для верхних зубов – 0,76, для нижних – 0,48), однако от величины стертости М2 варьирует независимо. Из этого следует, что скорость стирания М1 не остается неизменной на протяжении всей жизни и возрастает по мере увеличения стертости коронки. Для индивидов, у которых стертость М1 не превышает 16 баллов (до появления участков

обнаженного дентина), средняя величина М1-М2 составляет: у мужчин 4,5 на верхних и 5,0 на нижних зубах, у женщин 4,65 на верхних и 4,58 на нижних зубах. Отсутствие половых различий по величине разницы М1-М2 в данном случае свидетельствует о том, что скорость стирания моляров у мужчин и женщин в детском возрасте и раннем периоде взрослой жизни, скорее всего, была одинаковой. Следовательно, отсутствовали и существенные половые различия в диете. При сравнении в межгрупповом масштабе (Scott Е.С., 1979, р.206) данные значения признака М1-М2 можно оценить как умеренно высокие для популяций с производящей экономикой. Как было установлено, скорость стирания моляров увеличивается, когда его уровень приближается к эмалево-цементной границе (Molnar S., 1968, р.361-368). Однако в исследованной выборке возрастание скорости стирания М1 в отличие от М2 у мужчин регистрируется уже на стадии обнажения небольших участков дентина, что может быть связано с дополнительными нагрузками на эти зубы. У мужчин-андроновцев в отличие от женщин (при контроле возраста) отмечается также ускоренное стирание передних зубов (Р=0,000). Не исключено, что повышенные нагрузки на передние зубы и первые моляры были обусловлены практикой использования зубов в различных трудовых операциях.

Кариес. Из 1273 обследованных зубов, принадлежавшим 83 взрослым индивидам, небольшие кариозные полости имели только 3 моляра одного из мужских и 3 моляра одного из женских черепов. Оба черепа происходили из одного могильника.

Появление кариеса зависит от целого ряда факторов, однако ведущим среди них является питание. Обычно популяции, диета которых богата углеводами, особенно сахарозой и фруктозой, имеют наиболее высокий уровень распространения этого заболевания. При диете с высоким содержанием белков риск появления кариеса существенно снижается. Судя по всему, основу рациона алтайских андроновцев составляло мясо. В то же время наличие единичных случаев заболевания кариесом (0,5%) и их концентрация в одной из локальных популяций, возможно, свидетельствуют в пользу некоторой хозяйственной неоднородности в пределах андроновского ареала.

Зубные травмы. Характерной особенностью состояния зубной системы андроновской выборки является высокий уровень травматических повреждений непреднамеренного происхождения различной степени тяжести. Микротравмы зубов были отмечены у 3 детей в возрасте 8-9 лет и одного юноши. Общее количество травмированных зубов у мужчин существенно выше, чем у женщин (30,9% против 18,3%, P=0,000), хотя количество индивидов с травмированными зубами от пола практически не зависит (87,5% мужчин и 81,8% женщин, P=0,480). Наиболее серьезные травмы, приводившие к утрате существенной части коронки и частичному или полному перелому корня, имеют 4,2% зубов (27,1% индивидов) в мужской группе, 2,5% зубов (24,2% индивидов) в женской группе. Частота встречаемости травм в целом последовательно нарастает от мезиальных резцов к первому моляру, на который и приходится наибольшее число всех повреждений (53,2% — у мужчин, 32,6% — у женщин). Тяжелые травмы чаще всего регистрируются на мезиальных резцах и первых премолярах, как у мужчин, так и у женщин, и на первых молярах у мужчин. Возможно, микротравмы коронки и серьезные повреждения зубов имели разное происхождение.

Помимо скотоводов афанасьевской культуры Алтая (24,3% травмированных зубов у мужчин и 16,3% у женщин (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.103), аналогичные повреждения зубов (chipping, notches), были характерны для целого ряда доисторических и протоисторических популяций алеутов, эскимосов и северо-американских индейцев, в рационе которых также преобладало мясо. Происхождение зубных травм в этих группах остается неясным, однако предполагается, что они были связаны с практикой использования зубов при извлечении костного мозга (Turner II C., Cadien J.D., 1969, р.303-310). Серьезным травмирующим фактором при случайном попадании на зуб могут служить также мелкие обломки костей, застрявшие в мясе. Так или иначе, но именно кости животных представляются наиболее вероятным источником массового зубного микротравматизма у скотоводов андроновской и афанасьевской культуры Алтая. Наиболее тяжелые травмы могут быть связаны с практикой использования зубов в качестве рабочего инструмента в некоторых трудовых операциях.

Зубной камень. Отложение зубного камня, который может раздражать мягкие ткани пародонта, вызывая воспалительный процесс, у андроновского населения начиналось уже в детском возрасте — с 2-2,5 лет. У взрослых он располагался практически на всех зубах, с лингвальной и буккальной стороны.

Образование зубного камня имеет сложную этиологию и частично зависит от диеты. Известно, что витамин С замедляет его формирование, а витамин А, кальций и углеводы, наоборот, стимулируют (Stanton G., 1969, р.167-172). Способствует образованию зубного камня и пища с низкими абразивными свойствами, обеспечивающими естественное очищение зубов от бактериального налета. Скорость минерализации бактериального налета в определенной степени зависит от рН слюны и возрастает при повышенном уровне потребления белков, вследствие увеличения в крови и всех тканевых жидкостях концентрации мочевины (Wong L., 1998, р.15-18; Lieverse A.R.,1999, р.219-232).

Судя по имеющимся данным, широкое распространение зубного камня было характерно в целом для скотоводческих популяций Евразии эпохи бронзы (Schultz M., 1991, s.30; Медникова М.Б., 2006, с.48-49; Добровольская М.В., 2005, с.292-293, Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.103), однако оценить реальный размах их межгрупповой вариабельности по этому признаку пока трудно.

Одонтогенный остеомиелит (альвеолярный абсцесс) Следы одонтогенного остеомиелита, независимо от половой принадлежности, имеют 27,5% черепов или 1,9% сохранившихся зубных лунок. Наиболее часто заболевание связано с первыми молярами (4,0%- у мужчин, 7,7%- у женщин), а у мужчин также с мезиальными резцами (3,3%) и первыми премолярами (3,2%). Развитие одонтогенного остеомиелита достоверно коррелирует с возрастной стертостью зубов (P=0,000) и, независимо от возраста, с тяжелыми зубными травмами (P=0,001).

Частота одонтогенного остеомиелита у андроновского населения Алтая существенно ниже, чем у афанасьевского (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.104), но, по-видимому, несколько превышает соответствующие показатели ряда других скотоводческих популяций с территории Евразии (Круц С.И., 1974, с.81-82; Медникова М.Б., 2005, с.279; Schultz M., 1991, s.30).

Пародонтоз. Признаки локального или генерализованного пародонтоза встречаются у 62,7% андроновского населения Алтая, с одинаковой частотой у мужчин и женщин. Развитие пародонтоза коррелирует с возрастом и возрастной стертостью зубов (Р=0,000), а также зубо-челюстными патологиями, имеющими возрастную зависимость: одонтогенным остеомиелитом (Р=0,006), прижизненной утратой зубов (Р=0,000), артрозом височно-нижнечелюстных суставов (Р=0,000). Связь пародонтоза со стертостью моляров (Р=0,049) и серьезными травматическими повреждениями зубов (Р=0,005) прослеживается независимо от возраста. Помимо сильной стертости и серьезных травматических повреждений зубов, причиной развития пародонтоза, как известно, могут служить такие факторы как дефицит витамина С, белковая недостаточность или зубной камень (Ortner D.J., Putschar W.G., 1981, р.443).

У андроновского и афанасьевского населения Алтая пародонтоз встречался с одинаковой частотой (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.104-105).

Прижизненная утрата зубов. Прижизненная утрата зубов в исследованной выборке регистрируется на 33,3% мужских и 24,2% женских черепах (P=0,385). При этом доля утраченных зубов в общем числе всех обследованных практически не зависит от пола (3,2 и 3,7%, P=0,548). Прижизненная утрата зубов положительно коррелирует с их возрастной стертостью (P=0,000), а также с остеоартрозом височно-нижнечелюстных суставов (P<0,001) и пародонтозом (P<0,001). Наиболее часто прижизненно отсутствовали резцы (5,17%), затем премоляры (3,70%) и моляры (2,71%). Подобное распределение, возможно, было не случайным. Повышенная частота прижизненной утраты резцов объясняется не только сильной стертостью и пародонтозом, но и тяжелыми травмами, поскольку в нескольких случаях регистрируется поперечный перелом корня. В то же время в выборке были отмечены случаи врожденного отсутствия второго премоляра, когда у взрослых на его месте сохранялся молочный коренной. Однако в тех случаях, когда соответствующий молочный зуб был утрачен, причину отсутствия второго постоянного премоляра (не про-

резался или утрачен), установить было нельзя. Не исключено, что данная генетическая аномалия имела более широкое распространение.

Частота прижизненной утраты зубов в выборке андроновских скотоводов (3,4%) существенно ниже, чем в выборке афанасьевских скотоводов Алтая (11,5%) (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.105).

Интерпроксимальные бороздки. На зубах 16 из 77 андроновских черепов (20,8%), независимо от их половой принадлежности (P=0,432), встречаются бороздки абразивного происхождения, которые имеют горизонтальное направление и локализуются в области шейки зуба. Они располагаются с одной или обеих сторон интерпроксимального пространства, как в верхней, так и в нижней челюсти. Распределение бороздок зависит от класса зубов: значительная часть их (61,7%) локализуется на премолярах и первых молярах, 9,6% — на вторых молярах, 4,3% — на резцах, и в одном случае были отмечены на третьем моляре. На латеральной стороне зубов бороздки более глубокие и встречаются чаще, чем на мезиальной (1,61:1,0).

Данный признак имеет очень широкое географическое и хронологическое распределение, однако сведения, касающиеся его распространения в степях Евразии в эпоху бронзы, практически отсутствуют.

Существуют две основные гипотезы, не являющиеся, однако, взаимоисключающими, которые объясняют возникновение интерпроксимальных бороздок. Это использование «зубочистки» (Ubelaker D.H., Phenice T.W., Bass W.M., 1969, p.145-149; Berryman H.E., Owsley W., Henderson A.M., 1979, p.209-212; Hlusko L., 2003, p.738-742) и обработка сухожильных нитей, в процессе которой, как показывают этнографические данные, их протягивают между зубами (Brown T., Molnar S., 1990, p.545-553). Некоторые особенности расположения и морфологии бороздок, отмеченные в исследованной выборке андроновского населения (часто не доходят до лингвального угла, иногда имеют коническую форму), свидетельствуют скорее в пользу первой из этих гипотез. Судя по всему, андроновцы использовали тонкие цилиндрические предметы (деревянные палочки, небольшие рыбьи кости или жесткие стебли травы) для очистки межзубных пространств и боковых поверхностей зубов. Можно предположить, что подобная процедура имела лечебно-профилактическое значение при парадонтозе и отложении камня в межзубном пространстве.

Остеоартроз височно-нижнечелюстного сустава. Дегенеративно-дистрофические изменения височно-нижнечелюстных суставов в виде эрозии или краевых разрастаний на мужских черепах андроновской выборки встречаются чаще (62,2% против 41,2%) и выражены сильнее (1,5 балла против 1,3 балла), чем на женских (P=0,021). Развитие остеоартроза достоверно связано с возрастным стиранием и прижизненной утратой зубов, а также с пародонтозом, однако не зависит от частоты зубных травм.

Остеоартроз височно-нижнечелюстных суставов является неспецифическим маркером механической перегрузки зубо-челюстного аппарата, возникающей при усиленном жевании или использовании зубов в качестве рабочего инструмента в различных трудовых операциях (Richads L.C., Brown T., 1981, p.293-307).

Частота дегенеративно-дистрофических изменений височно-нижнечелюстных суставов, отмеченная в выборке андроновского населения, относится к категории высоких величин. В современных популяциях этот патологический признак встречается не более, чем в 30% случаев (Eversole L.R. et al., 1985, р.401-406). Согласно клиническим данным заболевания височно-нижнечелюстного сустава, включая остеоартроз, чаще поражают женщин и нередко развиваются в связи с утратой моляров, что объясняется биомеханическими свойствами зубо-челюстного аппарата (Mew J.R., 1997, р.249-258). Палеопатологические данные малочисленны и противоречивы (Hodges D.C., 1991, р.367; Sheridan S.G. et al., 1991, р.201-205; Ресhenkina E.A. et al., 2002, р.30-31;). У скотоводов афанасьевской культуры Горного Алтая эпохи ранней бронзы остеоартроз височно-нижнечелюстного сустава встречался практически с такой же частотой, как и у андроновского населения (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.106). Как отмечалось ранее, мужская и женская части андроновской выборки существенно различаются по скорости стирания передних зубов. С позиций биомеханики высокие нагрузки на передние зубы, должны играть более значительную роль в развитии остеоартроза височнонижнечелюстного сустава, чем соответствующие нагрузки, приходящиеся на моляры. Вознижнечелюстного сустава, чем соответствующие нагрузки, приходящиеся на моляры. Вознижнечелюстного сустава, чем соответствующие нагрузки, приходящиеся на моляры. Вознижнечелюстного сустава встретова височно-

можно, именно этим объясняется большая подверженность мужчин-андроновцев дегенеративно-дистрофическим изменениям височно-нижнечелюстных суставов.

Torus mandibularis. Слабо выраженные лингвальные экзостозы нижней челюсти отмечены на 28,2% мужских и 17,6% женских черепов (P=0,403). Развитие их сопряжено с возрастом (P=0,002), повышенной скоростью стирания передних зубов (P=0,006), развитием пародонтоза (P=0,034) и повышенной частотой травматических повреждений зубов (P=0,034).

Челюстные экзостозы имеют сложную этиологию и определяются как генетическими, так и средовыми факторами. Известно, что torus mandibularis чаще встречается в монголоидных популяциях, чем в европеоидных (Pechenkina E.A., Benfer R.A., 2002, p.123-124), однако в целом влияние наследственности на развитие этой особенности оценивается как довольно слабое (Eggen S., 1989, р.409-415). Считается, что у генетически предрасположенных индивидов челюстные экзостозы появляются лишь тогда, когда средовой стресс достигает определенного уровня. К первоочередным средовым факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, относят жевательную гиперфункцию. В андроновской выборке статистически значимая связь между мандибулярными экзостозами и повышенными нагрузками на передние зубы прослеживается независимо от возраста индивидов. В то же время степень стирания моляров практически не оказывает влияния на развитие этого признака. Скорее всего, биомеханический стресс зубо-челюстного аппарата, вызывающий компенсаторные реакции в виде torus mandibularis, у андроновского населения был обусловлен не столько особенностями питания, сколько практикой использования зубов в качестве рабочего инструмента в различных трудовых операциях. Поскольку два из четырех факторов, влияющих на развитие torus mandibularis (скорость стирания передних зубов и частота травматических повреждений зубов), у мужчин оказались существенно выше, чем у женщин, половые различия в частоте встречаемости мандибулярных экзостозов в андроновской выборке, скорее всего, не случайны, хотя и не достигают при данной численности статистически значимого уровня.

Эмалевая гипоплазия. Эмалевая гипоплазия, чаще слабо или средне выраженная, характерна для большинства индивидов андроновской выборки (39 мужчин, 20 женщин, 10 детей). Хотя бы одну бороздку имели 70% из 166 обследованных мужских зубов, 63% из 84 женских и 62 % из 55 детских зубов. В среднем у мужчин на 1 зуб приходится 1,7 бороздки, у женщин — 1,9 бороздки, у детей — 1,3. Половые и возрастные различия в распределении эмалевой гипоплазии несущественны.

Появление линейной эмалевой гипоплазии связано с воздействием неблагоприятных факторов среды (белковой и витаминной недостаточности питания, острых инфекционных заболеваний), которые поражают организм в детском возрасте, в период формирования коронок постоянных зубов. Признак возникает в результате прерывания ростовых процессов.

Можно предположить, что наличие у многих андроновцев, как правило, нерезко выраженной множественной эмалевой гипоплазии, отражающее воздействие частого, но не сильного физиологического стресса, было обусловлено сезонными колебаниями в поступлении пищевых ресурсов.

Последствия холодового стресса. Регулярное воздействие холодного воздуха на открытые участки лица, усиливающее периферическое кровообращение, вызывает увеличение количества и диаметра отверстий, через которые проходят мелкие сосуды, питающие кость, в результате чего кость приобретает вид, напоминающий корку апельсина (Бужилова А.П., 1998, с.104-105).

В краниологической выборке андроновской культуры Алтая последствия холодового стресса (гиперваскуляризация) в той или иной мере выражены на 86,1% мужских и 15,2% женских черепов. На мужских черепах интенсивность признака варьирует – в половине случаев он имеет сильное или среднее проявление, на женских – только слабое. Наиболее уязвимыми для холодового стресса были латеральные участки верхнего края орбит (скуловые отростки лобной кости), а также надбровные дуги и надпереносье.

Следы холодового стресса были отмечены также на черепах андроновской культуры Минусинской котловины (Медникова М.Б., 2005, с.279). У алтайских андроновцев по сравнению с афанасьевцами холодовой стресс выражен слабее (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.106), что объясняется различиями в климате.

Периостити. Следы периостита на костях черепа, являющиеся неспецифическим маркером воспалительных заболеваний, в исследованной выборке встречаются практически у всех детей, умерших в возрасте до полугода (23/24, или 95,8%), и более, чем у половины детей, умерших во втором полугодии жизни (7/12, или 58,3%). На черепах детей от 1 до 6 лет данный признак встречается уже почти в два раза реже (7/21, или 30,0%), на черепах детей более старшего возраста, а также черепах взрослых он отсутствует. Возрастная динамика признака свидетельствует о том, что неспецифические инфекции и воспаления были основной причиной смерти детей грудного возраста.

Признаки анемии. Поротические изменения в верхней стенке орбиты (cribra orbitalia) на черепах взрослых выражены слабо (балл 1) и встречаются редко (4/66, или 6,1%). У детей они появляются не ранее 1,5 лет (20/33, или 60,6%) и только в одном случае были выражены сильно, в 3 случаях — умеренно, в остальных — слабо. Поротический гиперостоз (cribra cranii) в лямбдатических частях затылочной теменных костей, этиологически связанный с cribra orbitalia в исследованной выборке отсутствует.

Поротический гиперостоз формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний (Stuart-Macadam P., 1992, р.41-43). Однако слабо выраженные признаки cribra orbitalia не всегда служат проявлением адаптивной реакции на анемию, они могут возникать также при локальных воспалительных процессах (Wapler U. et al., 2004, р.336-338).

В скотоводческих популяциях Евразии эпохи бронзы поротический гиперостоз в целом встречается редко (Медникова М.Б., 2005, с.279; 2006, с.49; Добровольская М.В., 2005, с.293). Однако у андроновского населения Алтая по сравнению с афанасьевским частота встречаемости данного признака возрастает, что объясняется различиями в природных условиях их обитания. Как известно, в горах поротический гиперостоз встречается реже, чем на равнинах, а в холодном климате реже, чем в теплом (Stuart-Macadam P., 1992, р.42-43).

Травматические повреждения костей черепа. Прижизненные травмы костей черепа в исследованной выборке отмечены у 40,0% мужчин (10/25) и 4,0% женщин (1/25). В одном случае фиксируется перелом теменной кости, остальные травмы локализуются на лобной или носовых костях. Все они имеют более или менее явные признаки заживления. Скорее всего, подобные травмы связаны с проявлениями межперсональной агрессии на «бытовой» почве.

Частота травматических повреждений костей черепа у андроновского населения Алтая существенно превышает соответствующие показатели афанасьевского населения (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.107).

Заключение

Результаты исследования показывают, что скотоводы андроновской культуры степного и лесо-степного Алтая эпохи средней бронзы и скотоводы афанасьевской культуры Горного Алтая эпохи ранней бронзы имели сходные черты биологической адаптации и близкие показатели состояния здоровья, что обусловлено их общей хозяйственно-экономической основой. Для тех и других были характерны высокий уровень механического стресса зубо-челюстной системы, отсутствие кариеса, широкое распространение зубного камня, пародонтоза и эмалевой гипоплазии, а также периостита у детей, слабое развитие признаков анемии у детей и отсутствие их у взрослых, половые различия по уровню зубного травматизма и холодового стресса.

Вместе с тем в палеопатологическом профиле алтайских андроновцев выявляются некоторые особенности, связанные с различиями в природно-климатических условиях и социально-экономической ситуации. К ним относятся пониженная частота встречаемости одонтогенного остеомиелита и прижизненной утраты зубов, меньшая интенсивность холодового стресса, повышенная частота cribra orbitalia у детей и повышенная частота травматических повреждений на «бытовой» почве у мужчин, а также отсутствие половых различий в распределении эмалевой гипоплазии, одонтогенного остеомиелита и прижизненной утраты зубов. Судя по всему, гендерное неравенство в доступе к основным ресурсам питания, являвшееся одной из адаптивных стратегий афанасьевского общества (Тур С.С., Рыкун М.П., 2006, с.109), в андроновских коллективах отсутствовало.

Литература

- 1. Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М., 1966. 252 с.
- 2. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. М., 1998. С.87-121.
- 3. Добровольская М.В. Человек и его пища. М., 2005. 368 с.
- 4. Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев, 1984. 208 с.
- 5. Медникова М.Б. Данные антропологии к вопросу о социальных особенностях и образе жизни населения восточного бассейна р.Маныч в эпоху бронзы (по материалам из раскопок могильника Чограй IX // Вестник антропологии. М., 2006. Вып.14. С.41-51.
- 6. Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып.14. М., 2006. С.102-108.
- 7. Bass W.M. Human osteology: A Laboratory and Field Manual. Columbia, 1995.
- 8. Berryman H.E., Owsley D.W., Henderson A.M. Non-carious Interproximal Grooves in Arikara Dentitions // American Journal of Physical Anthropology, 1979. V.50. No.2. P.209-212.
- Brook S., Suchey J.M. Skeletal Age Determination Based on the Os Pubis: a Comparison of the Acsadi-Nemeskeri and Suchey-Brooks Methods // Human Evolution, 1990. V.5. P.227-238.
- 10. Brown T., Molnar S. Interproximal Grooving and Task Activity in Australia // American Journal of Physical Anthropology, 1990. V.81. No.4. P.545-553.
- 11. Buikstra J.E., Ubelaker D. Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, 1994. No.44.
- 12. Eggen S. Torus Mandibularis: an Estimation of the Degree of Genetic Determination // Acta Odontologica Scandinavica, 1989. V.47. P.409-415.
- Eversole L.R., Pappas J.R., Graham R. Dental Occlusal Wear and Degenerative Disease of the TMJ: a Correlational Study Utilizing Skeletal Material from a Contemporary Population // Journal of Oral Rehabilitation, 1985. V.12. No.5. P.401-406.
- 14. Hlusko L. The Oldest Hominid Habit? Experimental Evidence for Toothpicking with Grass Stalks // Current Anthropology, 2003. V.44 (5). P.738-742.
- 15. Hodges D.C. Temporomandibular Jont Osteoarthritis in a British Skeletal Population // American Journal of Physical Anthropology, 1991. V.85. No.4. P.367-377.
- 16. Lieverse A.R. Diet and the Aetiology of Dental Calculus // International Journal of Osteoarchaeology. 1999. V.9. P.219-232.
- 17. Lovejoy C.O., Meindl R.S., Mensforth R.P., Barton T.J. Multifactorial Determination of Skeletal Age at Death: a Method and Blind Tests of its Accuracy // American Journal of Physical Anthropology, 1985. V.68. No.1. P.1-14.
- 18. Molnar S. Experimental Studies in Human Tooth Wear // American Journal of Physical Anthropology, 1968. V.28. P.361-368.
- 19. Ortner D.J, Putschar W.G. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Smithsonian Contributions to Anthropology 28. Washington, 1981. 481 p.
- 20. Pechenkina E.A., Benfer R.A. The Role of Occlusal Stress and Gingival Infection in the Formation of Exostoses on Mandible and Maxilla from Neolithic China // Homo, 2002. V.53. No.2. P.112-130.
- 21. Pechenkina E.A., Benfer R.A., Zhijun W. Diet and Health at the End of the Chinese Neolithic: The Yangshao/Longshan Transition in Shaanxi Province // American Journal of Physical Anthropology, 2002. V.117. P.15-36.
- 22. Richards L.C., Brown T. Dental Attrition and Degenerative Arthritis of the Temporomandibular Joint // Journal of. Oral. Rehabilitation., 1981.V.8. P.293-307.
- 23. Scheuer L., Black S. Developmental Juvenile Osteology. London, 2000. 587 p.
- 24. Schultz M. Archaeologische Skelettfunde als Spiegel der Lebensbedingungen Fruher Viehzuchter und Nomaden in der Ukraine // Золото Степу. Археологія України. Київ; Шлезвиг, 1991. S.27-42.

- 25. Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique // American Journal of Physical Anthropology. 1979. V.51. P.213-218.
- 26. Scott E.C. Principal Axis Analysis of Dental Attrition Data // American Journal of Physical Anthropology. 1979. V.51. P.203-212.
- 27. Sheridan S.G., Mittler D.M., Van Gerven D.P., Govert H.H. Biomechanical Association of Dental and Temporomandibular Pathology in a Medieval Nubian Population // American Journal of Physical Anthropology, 1991. V.85. P.201-205.
- 28. Stanton G. The Relation of Diet to Salivary Calculus Formation // Journal of Periodontology, 1969. V.40. No.3. P.167-172.
- 29. Stuart-Macadam P. Porotic Hyperostosis: A New Perspective // American Journal of Physical Anthropology. 1992. V.87. P.39-47.
- 30. Turner II, C.G., Cadien J.D. Dental Chipping in Aleuts, Eskimos and Indians // American Journal of Physical Anthropology. 1969. V.31. P.303-310.
- 31. Turner II, C.G. Dental Anthropological Indications of Agriculture Among the Joman People Central Japan // American Journal of Physical Anthropology, 1979. V.51. P.619-635.
- 32. Ubelaker D.H., Phenice T.W., Bass W.M. Artificial Interproximal Grooving of the Teeth in American Indians // American Journal of Physical Anthropology, 1969. V.30. No.1. P.145-149.
- 33. Wapler U., Crubezy E., Schultz M. Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // American Journal of Physical Anthropology. 2004. V.123. P.333-339.
- 34. Wong L. Plaque Mineralization in Vitro // New Zealand Dental Journal, 1998. V.94. P.15-18.

Кубарев В.Д.

(г. Новосибирск)

КОНЬ И ВСАДНИК В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ

«Конь – это крылья» (алтайская пословица)

Одной из актуальных проблем центрально-азиатской археологии является происхождение скифо-сибирского искусства и формирование так называемого «звериного стиля». Другая, еще более сложная проблема связана с интерпретацией предметов мобильного искусства и изобразительных «текстов» петроглифов, которые разные исследователи «дешифруют» от упрощенной трактовки рисунков как охотничьей или хозяйственной деятельности кочевников, до отражения в них мифологического мышления древнего человека. И, наконец, третьей проблемой остается определение времени приручения дикой лошади и зарождение коневодства на горно-степных пространствах Центральной Азии.

В традиционном хозяйстве кочевых народов, как известно, лошадь всегда занимала, особое место. Она и сегодня используется как тягловая сила и под седло, а упряжь и система тренинга лошади, судя по археологическим и письменным источникам, почти не изменились со времени ее приручения. Можно согласиться с В. Даржей, что и в наши дни кочевники выпасают, «ловят, обучают коней, ездят на них, находят потерявшихся по следам, – также как обращались со своими лошадьми древние скифы, гунны, тюрки, монголы и другие народы, тысячелетиями населявшие великую степь» (2003, с.5).

От лошади кочевники также получают мясо и целебный кумыс. Весьма заметную роль она играла в духовной сфере: в мировоззрении, различных ритуалах и обрядах (Ковалевская В.Б., 1977; Акишев А., 1984; Нестеров С.П., 1990; Кузьмина Е.Е., 2002; и др.).

Образы священной лошади или волшебного коня сохранились в мифах и героическом эпосе кочевников. В древних алтайских сказаниях конь родится в один день с героем, а

воином становится только тогда, когда приобретает своего коня (Жирмунский В.М., 1974). В алтайском эпосе: «эпитетами коня обычно являются слова эрјине и койлоо. Последним словом в древности называли коня, которого хоронили вместе с хозяином» (Суразаков С.С., 1985, с. 31). Этот погребальный обычай, характерный для алтайских тюрок (Кубарев Г.В., 2005, с. 14), возможно, генетически связан с похоронной обрядностью населения пазырыкской и булан-кобинской культур Алтая. Он сохранился у алтайцев и тувинцев, вплоть до этнографической современности (Тощакова Е.М., 1978; Дьяконова В.П., 1975).

Наряду с археологическими, этнографическими и письменными данными, весьма полноценным источником по древней истории и искусству кочевников служат петроглифы. В течение последних четырнадцати полевых сезонов (1993–2006 гг.) в Баян-Улэгейском аймаке Монголии и на территории Республики Алтай проводились научные исследования, в основном, нацеленные на изучение наскальных рисунков (Кубарев В.Д., 2006а). В реализации международных проектов принимали участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Института археологии МАН (г. Улан-Батор), университета Орегон (США) и ученые из Южной Кореи (г. Сеул). Изобразительные материалы, полученные в ходе экспедиционных работ, суммированы в монографических альбомах, изданных как в России, так и в зарубежных странах (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2005; Јасоbson Е., Kubarev V.D., Tseevendorj D., 2001).

Введение в научный оборот новых данных по петроглифам Монголии, а также публикация материалов из элитных курганов древних кочевников Саяно-Алтая (Čugunov K., Parzinger G., Nagler A., 2003; Чугунов К.В., 2004; Молодин В.И., 2000; Полосьмак Н.В., 2001) и Казахстана (Самашев З.С. и др., 2000), позволили более аргументировано датировать и интерпретировать главнейшие образы наскального искусства Центральной Азии.

В петроглифах Алтая и Монголии изображения лошадей и всадников многочисленны и разнообразны, что создает определенные трудности при классификации и датировании, как отдельных сюжетов, так и больших композиций. Исследование петроглифов, их разделение на тематические блоки, позволяют наметить несколько исторических этапов формирования и эволюции древнего сюжета «Конь и всадник».

Так в эпоху неолита и ранней бронзы заметна тенденция, группировать изображения лошадей на каменной плоскости в виде небольшого табуна. Одно такое скопление рисунков лошадей и жеребцов известно на выдающемся памятнике наскального искусства, который находится в пограничной зоне с Россией, у слияния рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур. Судя по экстерьеру лошадей и отсутствию в сценах человека, они могут быть определены как изображения диких лошадей. Учитывая близость рисунков к воде, неолитической стоянке и древней кочевой тропе, следует определить их как самые древнейшие, может быть относящиеся к эпохе неолита. Да и многие другие изображения лошадей, также датируются архаической порой, особенно те, которые выполнены в контурной технике и имеют большие размеры. К ним можно отнести рисунки лошадей из Цагаан-Салаа (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2006, рис.5, 18-21), Арал-Толгоя (рис.I – 1) (Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2005, табл. 12) и Калгуты (рис.I – 2) (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1999).

Эпохой ранней бронзы, могут быть датированы и крупные рисунки лошадей, выполненные сочетанием контурной (туловище) и сплошной выбивкой (голова и ноги), а также силуэтные фигуры, выбитые по всему изображению. Подобные рисунки лошадей известны на скалах Чандамань (рис.I - 3,5) (Окладников А.П., 1981; Новгородова Э.А., 1984; Кубарев В.Д., 2004б), в долинах рек Цагаан-Гол (рис.I - 4) и Елангаша (Кубарев В.Д., 1979, рис.22). Надо отметить, что и на ранних рисунках лошадей из Арал-Толгоя, уже присутствуют дополнительные элементы, выбитые на туловищах животных. В основном это волнистые или прямые линии, нанесенные вдоль или поперек туловища лошадей (рис.I - 6,7), которые нанесены и на корпусах отдельных лошадей из комплекса Цагаан-Салаа IV (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2006, рис. 350, 351). Любопытно, что и на самой большой лошади из Арал-Толгоя (см. рис.I - 1) нанесена схематичная фигурка жеребенка? и этот же сюжет повторяется на изображении лошади из Цагаан-Салаа IV (Там же, рис. 350).

Датирующих аналогий этой серии рисунков в других археологических памятниках Центральной Азии очень мало, но особенно идентичны им по иконографии уникальные профильные фигурки лошадей, выгравированные на каменной чаше (рис.I – 8). Она найдена в погребении эпохи ранней бронзы Тувы (Стамбульник Э.У., Чугунов К.В., 2006, с.302). На другом каменном сосуде, из предгорно-степной зоны Алтая и датируемым также периодом ранней бронзы, — в технике граффити выполнена сцена охоты (рис.II – 2). На ней «собаки гонят двух лошадей...» (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с.102, рис.132-136). Техника исполнения и сам сюжет очень напоминает многочисленные сцены загонной охоты на петроглифах алтайских гор. К ранней бронзе, Ю.Ф. Кирюшин относит и каменные жезлы с навершием в виде головы лошади и ножи с фигурками коней на навершиях (рис.II – 1,3) (Там же, с. 56). Они близки по стилю рисункам лошадей из петроглифов долины р. Хар-Салаа в Монгольском Алтае (рис.II – 4,5). У них короткое туловище, такая же торчащая грива, иногда разделенная на отдельные пряди, острые уши, короткая шея и длинный хвост.

В плане сопоставления предметов искусства с наскальными рисунками лошадей, для нас интересны две золотые серьги с литыми фигурками лошадей (рис.II – 6,7), – достаточно редкие ювелирные украшения в эпоху бронзы. Одна из них найдена в Казахстане в могильнике Мын-Шункур (Акишев К.А., 1992, рис.1). К. А. Акишев предполагает, что серьга с идущими или стоящими фигурками лошадей, служит наиболее ранним образцом звериного стиля и своего рода «предтечей распространенного мотива...шествия зверей...» (Там же, с.9). Вторая серьга с идентичным мотивом обнаружена на Алтае П.И. Шульгой в андроновском погребении на р. Чарыш (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, рис.2; Шульга П.И., 1998). Ю.Ф. Кирюшин также относит обе серьги к андроновскому времени, полагая, что «на алтайской серьге кони стоят на туловище змеи, заглатывающей свой хвост» (2002, с.57). Хотя фигурки коней на серьгах весьма схематичны, но их стилистические особенности дают возможность выделить в петроглифах Алтая небольшое число вычурных, стилизованных изображений лошадей. Они напоминают скульптурные изображения на навершиях рукоятей карасукских бронзовых кинжалов и ножей, а также миниатюрных лошадей на отдельных оленных камнях Алтая и Монголии (рис.III – 1-19).

Первые изображения коней появляются на монументальных памятниках Центральной Азии уже в начале I тыс. до н.э. В это время в круг священных зооморфных персонажей, популярных у древних кочевников, наряду с оленем и кабаном, уже прочно вошел образ коня. Так, на оленном камне из Кара-Дюргуна (Российский Алтай) реалистично изображен конь с подогнутыми ногами, четко смоделированным глазом и ухом (рис.III – 1). Рисунок коня включен в цепочку выбитых ямок, возможно, означающую ожерелье или пояс каменной фигуры. Совершенно аналогичный по стилю рисунок лежащей (летящей?) лошади выполнен на лицевой части оленного камня из Саглы-Бажи в Туве (рис.III – 2) (Грач А.Д., 1980, рис.54). Необходимо упомянуть и известный оленный камень, открытый Г.Н. Потаниным в 1887 г. у оз. Даян-Нуур в Монголии. На нем изображен конь, стоящий на кончиках копыт (рис.III – 3) (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2000, рис. 5, 1). Оригинальный камень найден у с. Мухор-Тархата на Алтае (рис.III – 5) (Елин В.Н., Ларин О.В., 2004, рис. 2). На нем в верхней части выбиты три фигурки коней, от которых на боковые грани отходят три параллельных ряда углублений, возможно, обозначающих три ожерелья или три пояса?

Одиночные, парные и даже в виде небольшого табуна фигурки лошадей встречаются на оленных камнях Монголии (рис.III -3,4,6-19) и Тувы (рис.IV -1-7). Рисунки одиночных коней, впрочем, как и изображения других животных (олень, кабан, баран), выбитые на оленных камнях Юстыда, Узунтала (Алтай), с р. Уюк (Тува), из местности Мухар асхат в Монголии (Кубарев В.Д., 1979, табл. IX, 1,3; Килуновская М.Е., Семенов Вл. А., 1998, рис.3; Волков В.В., 2002, табл. 130,2) имитируют реальные металлические украшения или поясные пряжки, бытовавшие у кочевников Центральной Азии в раннескифское время.

Профильная фигурка стоящего коня сохранилась на обломке оленного камня из юстыдского комплекса (Кубарев В.Д., 1979, табл. V, 9). Еще одно изображение коня известно на Чуйском оленном камне (Там же, табл. I). Глубокими резными линиями живо подчеркнут круп коня, одной незамкнутой линией показана грива (рис.V – 1). На голове коня, по расположению коротких черточек можно предположить узду? на спине седло с одной подпругой? в виде пунктирной линии. По контурной технике нанесения и анализу изо-

бражений, выгравированный конь на Чуйском камне также должен быть отнесен к архаичным (VII-VI вв. до н.э.) образцам алтайского звериного стиля. Несколько непривычным выглядит на Чуйском камне расположение рисунка коня головой вниз. Но при внимательном рассмотрении можно заметить, что фигура связана двумя короткими чертами с налучьем. Может быть, таким весьма незамысловатым приемом показано второе, – утилитарное назначение фигурки коня: в качестве украшения налучья или подвесного портупейного ремня.

На оленных камнях Монголии и Тувы, как и на Чуйском камне из Алтая, контурные и силуэтные рисунки коней очень часто размещены около пояса антропоморфной фигуры (см. рис.V). Они, как правило, размещены рядом с оружием: кинжалами, ножами, чеканами, луками и налучьями (Волков В.В., 2002, табл. 15, 1; 38, 2 и т.д.; Килуновская М.Е., Семенов Вл. А., 1998, рис.2, 4 и т.д.). Вполне очевидным представляется, что и они служили для декора оружия или фурнитуры для портупейных ремней. И в данном случае следует привести в качестве аналогии уникальные серебряные фигурки коней, служившие наконечниками подвесных ремней для оружия из второго Пазырыкского кургана (Руденко С.И, 1960, рис. 142, а). Отметим идентичную традицию украшения зооморфными бляшками ремней для подвешивания оружия у племен казылганской культуры Тувы (Вайнштейн С.И., 1974, рис. 9) или золотые обоймы с фигурками козлов, украшавшие портупею для кинжала из элитного кургана Аржан 2 (Чугунов К.В., 2004, с. 37).

Но, существует и другая интерпретация рисунков животных на оленных камнях, отражающая, по мнению Д.Г. Савинова: «идею жертвоприношения» (2007, с. 107). Исследователь считает, что на лицевой части камня лежащая лошадь с подогнутыми ногами является изображением жертвенного животного, а рядом с ним находится орудие (обычно кинжал) для жертвоприношения (Там же, с. 107). Действительно на многих оленных камнях Монголии и Тувы рисунки коней с подогнутыми ногами сочетаются с рисунками кинжалов карасукского типа (см. рис. V), но на оленных камнях Алтая с одиночными фигурами коней оружие отсутствует (см. рис.III - 1-5). Как объяснить такое несоответствие? Вместе с тем поза животных (прямые или согнутые ноги, опущенная или приподнятая голова, характерные очертания туловища, и т.п.) не являются четким культурнохронологическим индикатором и определяющим семантику изображения. На Алтае, в петроглифах рисунки различных животных с подогнутыми под брюхо ногами известны уже с эпохи бронзы до позднего средневековья. Трактовка их неоднозначна: они могут изображать «отдыхающих», «летящих», «плывущих», «скачущих» или животных приготовленных к жертвоприношению? Семантика подобных рисунков должна рассматриваться в совокупности с другими изображениями, если они конечно одновременны. В петроглифах Хар-Салаа есть очень выразительная сцена, в которой три всадника пытаются окружить и догнать крупную лошадь, скачущую галопом (рис.XI – *11*). В данном случае другие трактовки явно неуместны.

Любопытен и редкий сюжет, выполненный в аржано-майэмирском стиле: воин с кинжалом держит за повод коня (рис.VI – 3,4). Эта оригинальная миниатюра запечатлена, возможно, на одном из обломанных оленных камней, найденных в насыпи кургана Аржан 2 в Туве (Чугунов К.В., 2004, с. 35). Она также служит отправной точкой для установления более точной хронологии многочисленных наскальных изображений коней Алтая и Монголии.

Одними из самых ранних на Алтае находок раннескифского времени (VII-VI вв. до н.э.) можно считать два массивных бронзовых котла. Их ручки оформлены в виде скульптурок стоящих коней. Котлы в настоящее время экспонируются: 1) в Барнаульском краеведческом музее (рис.VI – 1) (Папин Д.В., Фролов Я.В., 2006, рис. 1, 19); 2) в Горно-Алтайском республиканском музее (рис.VI – 2). Предполагаемую дату косвенно подтверждает и несложный орнамент, нанесенный на котле с Семинского перевала (Республика Алтай). Он выполнен в виде зигзагообразных перекрещенных линий, создающих орнамент из чередующихся ромбов (Кубарев В.Д., 1979, с. 76, рис. 23). Подобным образом украшены и некоторые ранние котлы у саков и скифов.

Покрытые золотом фигурки коней с рогами козерога (рис.VII – 1) служили главным украшением сакрального головного убора молодого воина, погребенного в кургане Иссык (Акишев К.А., 1978, рис. 9). Как известно, саки Семиречья отождествляли коня с образом

солнца. «Четверка иссыкских коней – это квадрига. В виде колесницы в индоиранских мифах фигурировало Солнце, весь Космос» (Акишев А., 1984, с. 33). Две пары золотых пластинчатых фигурок коней украшали также головной убор вождя из кургана Аржан 2 (Чугунов К.В., 2004, с. 22). На спинах двух фигурок имеются небольшие крылья (рис.VII – 2,3), как и у позолоченных коней из кургана Иссык. И невольно возникает вопрос: не является ли крылатые кони из аржанского элитного кургана прототипом небесных коней из Иссыка?

В редких случаях иконография изображений лошадей на ювелирных изделиях из курганов и в петроглифах настолько совпадает (рис.VII -4.5), что позволяет датировать отдельные наскальные рисунки коней раннескифской эпохой.

На многих оленных камнях Центральной Азии небольшие фигурки лошадей выбиты вместе с крупными изображениями оленей. Точно такое же сочетание небольших скульптурок лошадей (высота от 2,5 до 10 см) и более крупных барельефных фигурок оленей (высота от 12 до 15 см) наблюдается и в археологических материалах из курганов пазырыкской культуры Алтая (Киселев С.В.,1951; Кубарев В.Д.,1981; 1987а; 1987б; 1991; 1992; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000).

Общее число сохранившихся фигурок коней, найденных автором, преимущественно в курганах Чуйской степи, на сегодняшний день составляет около 70 экз. Все они выполнены из дерева (рис.VIII – 1-17) и ранее были полностью покрыты листовым золотом, украшая головные уборы мужчин и подростков. В головах коней проделаны отверстия для вставных ушей и рогов, на крупах – отверстия для хвостов. Все эти дополнительные детали изготавливались из кожи или даже из дерева и также обертывались листовым золотом. Как правило, у всех без исключения фигурок коней были вставлены рога козерога, которые полностью сохранились только на отдельных скульптурках (например, см. рис.IX – 4). У одной фигурки из Уландрыка имеются даже характерная прорезь в спине, предназначенная, как представляется автору, для вставных крыльев (Кубарев В.Д., 2006б, рис. 10).

Ряд головных уборов из Уландрыка и Юстыда имел навершия в виде деревянных пластин (высотой 8-9 см, толщиной 0,5-0,6 см), напоминающих формой гребень, увенчанный скульптурной фигуркой коня (см. рис.VIII – 15,17) или птицы. В основании пластинчатых наверший имеется уплощенный шип, функционально необходимый для крепления к головному убору. Деревянные «гребневидные» навершия головных уборов, впервые найденные в погребальных комплексах Чуйской степи, все-таки нельзя назвать оригинальными находками, так как они копируют в предельно упрощенной форме художественно выполненные навершия из второго кургана Пазырыка. Речь идет о двух предметах, вырезанных из дерева в виде голов фантастических грифов, держащих в клюве голову оленя (Руденко С.И., 1953, табл. XXXШ, 1; табл. XXIV, 4). У нас нет сомнения, что пластинчатые навершия из рядовых погребений Чуйской степи и плато Укок, весьма схематично и условно также передавали голову птицы, изображенную в профиль. На некоторых из них даже намечен острый выступ, имитирующий клюв птицы. Назначение рассмотренных изделий из Пазырыка было непонятно нашим предшественникам. Но в настоящее время, есть все основания считать их навершиями головных уборов древне-алтайской элиты, идентичных по форме «гребневидным» навершиям, венчавшим головные уборы мужчин и подростков, погребенных в рядовых курганах Чуйской степи и Укока (Кубарев В.Д., 19876; Полосьмак H.B., 2001, c. 57).

Предположение автора о том, что на Алтае в скифское время бытовали два основных типа мужских головных уборов, подтвердилось дальнейшими исследованиями курганов древних кочевников. В настоящее время в погребениях пазырыкской культуры Алтая, исследованных на плато Укок, найдено три мужских, хорошо сохранившихся головных убора (Полосьмак Н.В., 2001, рис. 105, 106). Четвертый, совершенно аналогичный по покрою укокским, войлочный «шлем» обнаружен в кургане с мерзлым грунтом, раскопанном Российско-германско-монгольской экспедицией в высокогорной части Монгольского Алтая (Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. и др., 2006). В трех из них, своеобразным каркасом жесткости войлочного «шлема» служило такое же пластинчатое гребневидное навершие в форме головы птицы, как и найденные ранее навершия в курганах Чуйской степи. Благодаря этим находкам стало известно более точное расположение фигурок коней на головных уборах древних кочевников Алтая. Очевидно, у населения пазырык-

ской культуры существовал своеобразный и стандартный набор зооморфных персонажей (два коня + олень) на одном головном уборе. Он неизменно повторяется в десятках курганов, исследованных автором в Чуйской степи. Но, на остатках головного убора из большого кургана в Катанде и в нескольких погребениях Уландрыка зафиксирован набор из 8 фигурок животных (олень, «кони-близнецы» и фантастические: конь-грифон и коньбаран). Как они были размещены на головных уборах, пока не ясно.

О разнообразии головных уборов у пазырыкцев свидетельствует и сложное по конструкции навершие, обнаруженное в разграбленном кургане № 2 могильника Юстыд I (Кубарев В.Д., 1991, табл. V, 17). Достаточно хорошая сохранность позволяет детально рассмотреть редчайшую находку. Основой навершия является толстый (0,3-0,4 см) и плотный кусок войлока продолговатой формы. Его верхняя часть слегка сужается и на конце закруглена, нижняя часть, очевидно, крепилась к головному убору шлемовидной формы. Войлочная основа навершия оказалась обернутой в тонкую шерстяную ткань и прошита крученными шерстяными нитками. С тыльной стороны навершия, между войлоком и тканью вставлены две каркасные палочки для придания жесткости всей конструкции. На лицевой стороне прикреплены тонкие бронзовые бляшки, покрытые золотым листом. Затем навершие было заключено в чехол из тонко выделанной кожи, прошитой для прочности сухожильными нитями в несколько рядов. Поверх чехла, также на лицевой? стороне, пришита кожаная аппликация в виде фигурки крылатого коня. Высота сохранившейся части навершия 29-30 см, ширина 8-9 см. Сложная конструкция навершия, его заведомая непрочность были явно рассчитаны на одноразовое использование в погребальном ритуале.

Многие археологи задавались вопросом, являются ли деревянные позолоченные фигурки сакральных животных на головных уборах имитациями настоящих украшений? А сам головной убор служил только для погребальных целей или использовался в повседневной жизни? Н.В. Полосьмак считает, что «войлочный шлем был парадным (и погребальным) головным убором, о чем могут свидетельствовать находки в «замерзших» захоронениях мужчин на Укоке более простых шапок (рис. 107). Их обычно укладывали у плеча умершего» (2001, с. 162). Но уже через несколько страниц Н.В. Полосьмак утверждает обратное, – что вся одежда погребенных людей была «повседневным костюмом, а деревянные украшения, покрытые золотой фольгой...также носились постоянно» (Там же, с. 166). Если согласиться с мнением Н.В. Полосьмак, что покрытые тонкой золотой фольгой украшения использовались в повседневной жизни, то почему фигурка оленя (главный доминантный персонаж) всегда пришита на левую теменную часть головного убора, а не была, например, размещена в центре или на правой части войлочного шлема? Такая асимметричность объясняется просто, – она была обусловлена традиционным погребальным обрядом, когда умершие укладывались на правый бок и соплеменники при похоронах могли обозревать только левую половину головного убора. Этот, казалось бы, малозначительный факт, свидетельствует, что, по крайней мере, головной убор, а не одежда в целом, был предназначен только для погребальных целей. Как представляется автору этой статьи, изготовление миниатюрных фигурок оленей и коней, а также моделей гривн и диадем происходило незадолго до момента погребения человека. На многих деревянных изделиях видны следы грубой и поспешной работы: заусеницы от ножа, случайные нефункциональные порезы, неосторожные, сквозные проколы в головах животных для вставных рогов и ушей, и другие дефекты. Для отдельных фигурок коней (см. рис.VIII – 13) и птиц была использована даже лиственничная кора. Поэтому трудно представить, что деревянные украшения, покрытые к тому же тонким листовым золотом, толщиной всего в несколько микрон, длительное время могли служить в качестве украшения костюма воина-кочевника, а тем более являться повседневным украшением одежды женщин и детей. Не надо забывать и то, что многие изделия в погребениях древнеалтайских кочевников представляли собой имитации настоящих предметов. Из бронзы и дерева делали не только украшения костюма, но и вотивное оружие: луки, стрелы, кинжалы, ножи и чеканы. Надо полагать, не были исключением и сакральные зооморфные атрибуты на головных уборах пазырыкцев.

Если перейти к реконструкции одеяния знатного сакского воина, погребенного в кургане Иссык, то можно сослаться на мнение К.А. Акишева. Он писал, что «Это была одеж-

да, которую носили в дни торжественных приемов, массовых собраний и парадных смотров. Для повседневной носки она слишком роскошна и слишком неудобна, а существование специальной погребальной одежды маловероятно. Она была предназначена для поражения воображения живых, возвеличивала высшего над низшим» (1978, с. 43).

Золотые пластинчатые изображения лошадей как впрочем, и многие другие золотые украшения головного убора и «царской» одежды из кургана Аржан 2, никогда в быту не использовались (Минасян Р.С., 2004, с. 42, 44). Таким образом, вся атрибутика богатых и рядовых захоронений была тесно связана с устойчивой погребальной традицией ранних кочевников, предписывающей оставлять в могилах умерших соплеменников не только имитации украшений, но и оружия, а также копии некоторых культовых предметов (деревянные зеркала, деревянные гребни и т.п.). В погребениях пазырыкской культуры Алтая также часто находят непригодную для дальнейшего использования посуду (отремонтированные керамические сосуды, сломанные деревянные блюда, кружки) и сильно изношенные ножи.

Но вернемся к петроглифам. Летом 2004 года стационарные работы международной экспедиции проводились у восточного подножия горы Шивээт-Хаирхан (Монгольский Алтай). Со скалы открывается живописная панорама на долину р. Цагаан-Гол, на окружающие ее горы и озера. Здесь было обнаружено необычайно плотное скопление рисунков. Только на одной каменной плоскости (20 х 10 м) было нанесено более 700 отдельных рисунков. Многие изображения представляются законченными и безупречными во всех отношениях произведениями древнего искусства. Петроглифы, в основном, относятся к позднему бронзовому веку (карасукская эпоха?). Сюжеты представляются вполне традиционными для данного исторического периода. Они включают рисунки колесниц, быков, лучников в серповидных головных уборах, снежных барсов, волков, собак и кабанов. Очевидно, одновременны им крупные изображения пятнистых оленей и лошадей. Значительная часть рисунков животных выполнена в «зверином стиле». Одним из первых исследователей такое определение применил Ю.Н. Рерих для характеристики и описания небольшой коллекции предметов из Северного Тибета. Он считал, что «...звериный стиль состоит из декоративных мотивов, состоящих из фигур животных, которые иногда комбинируются, формируя наиболее выразительные орнаментальные композиции. Некоторые из этих мотивов высоко стилизованы и образовывались в результате длительного развития. Художники, создавшие их, были острыми наблюдателями природы, и хорошо знали характер и привычки животных, которых они изображали. Этот стиль распространился по огромным регионам, и был общим для всех кочевых племен верхней Азии. Центр этой великой культуры кочевников, которая так сильно повлияла на искусство более цивилизованных соседей, находился в Алтайских горах – области, изобилующей золотом и металлической рудой, и фауна которой часто отображается в предметах в зверином стиле» (Рерих Ю.Н., 1994, с. 337).

Вторым по значимости и числу изображений после образа оленя в Шивээт-Хаирхане является образ священного коня и всадника — культурного мифического героя или, возможно, даже какого-то божества древних кочевников. Совершенно необычный, огромный рисунок коня (длина фигуры 185 см), выбитый по контуру глубоким желобком, находится в южной части плоскости (рис.IX — 1). Пропорции фигуры коня явно не соответствуют реалистичному стилю: большая голова с открытым ртом, короткое туловище, тонкие и короткие ноги опираются на кончики копыт. Поза животного создает иллюзию какой-то неустойчивости и одновременно передает момент внезапной остановки. На шее коня можно предположить нагривник с двумя или тремя? прядями, в виде коротких черточеквыступов, на голове навершие в виде рога быка? или козерога? На тонком хвосте, очевидно, показан узел, завязанный в виде петли.

Среди рисунков коней из Шивээт-Хаирхана, только одна фигура определенно имеет рога козерога (рис.IX - 2), у остальных изображений коней рога напоминают бычьи. Но, возможно, подобным образом могли изображаться и длинные уши или собранная в пучок челка лошадей? В торевтике и деревянной скульптуре древних кочевников Алтая нет подобных изображений. Только в единственном случае бычий рог показан на золотой обкладке несохранившейся деревянной фигурки коня (рис.IX - 3). Н.В. Полосьмак и В.И.

Молодин трактуют эту находку как изображение «рогатого бычка», венчавшего головной убор мальчика (2000, рис. 13). Но образ быка или «бычка» неизвестен среди популярных зооморфных персонажей пазырыкского искусства. Его изображения отсутствуют в сакральных атрибутах из курганов Чуйской степи, неизвестен он и среди находок из больших курганов древне-алтайской кочевой знати, не встречается этот образ и на головных уборах мужчин, хорошо сохранившихся в погребениях на плато Укок. В заблуждение авторов, очевидно, ввела обкладка и деформированный рог козерога, вырезанные из одного золотого листа, в который и была обернута деревянная фигурки коня. Надо учитывать и то, что многие фигурки коней из рядовых погребений настолько стилизованы и можно даже, сказать, настолько примитивны, что их легко спутать с любыми животными. Так указанные исследователи определяют навершие на женской шпильке по аналогии из курганов Пазырыка и Аржана 2 (?) как изображение оленя на шаре (Там же, рис. 28). Автор данной статьи, в точно такой же шпильке видит фигурку «небесного коня» на шаровидном подставе (2006б, рис. 7). В нашем случае определяющим признаком вида животного послужили золотые рога козерога, найденные рядом с женской шпилькой для волос. Да и анализ иконографии образов оленя и коня, нашитых на головных уборах мужчин и подростков мужского пола показал, что фигурки коней всегда имеют меньшие размеры, чем олени и выполнены в виде миниатюрной скульптуры. Во всех известных случаях, они ранее были увенчаны рогами козерога, тогда как фигуры оленей были более крупными и барельефными, с отдельно приставленной и скульптурно оформленной головой. На их головах или рядом с ними всегда находились «меандрирующие» позолоченные рога оленя. (Кубарев В.Д., 1978а, табл. XXVIII, *9*; 1979, рис. 20; 1981, табл. XXXVIII, *14*; Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, рис. 29, 2; и т.д.). Точно такой же формы рога показаны у оленей, выбитых на оленных камнях Центральной Азии, а также в наскальных рисунках оленей Алтая и Монголии, датируемых скифской эпохой. Логично представить, что и на фигурках оленей из погребений на Укоке были позолоченные рога оленя, а не козерога, как это представлено на реконструкциях Е.В. Шумаковой женского головного убора из кургана № 1, мог. Ак-Алаха 3 и войлочного «шлема» из кургана № 3, мог. Верх-Кальджин 2 (Полосьмак Н.В., 2001, с. 143, 157).

Но как объяснить такое различие в форме рогов у коней из петроглифов горы Шивээт-Хайрхан? Возможно, оно связано с обычаем древних кочевников Алтая украшать головы коней масками с навершиями различной формы: в виде оленьих или козлиных рогов (рис.IX – 5,6). В Пазырыке найдены еще более усложненные маски, украшенные объемными фигурами грифонов и птиц (Грязнов М.П., 1950, рис. 16; Руденко С.И., 1953, рис. 134, 136, 13). Интересно отметить, что и в петроглифах гор Алашань (Внутренняя Монголия) изредка встречаются рисунки всадников на конях, головы, которых также увенчаны рогами оленя (см. рис.IX – 8, 9) (Gai Shanlin, Lou Yudong, 1993, fig. 4, 15). Семантика маскированных парадно-церемониальных лошадей из элитных курганов Алтая и Восточного Казахстана, а также аналогичный обычай украшения коней у других народов Евразии подробно рассмотрены: Е.Е. Кузьминой (2002, с. 47-73), О.С. Советовой (2005, с. 36-45), Д.В. Черемисиным (2005, с. 121-140) и казахскими археологами (Самашев З.С. и др., 2001, с. 38-39). Поэтому, автор, специально не останавливается на этой теме, заметим только, что не случайно маски с позолоченными рогами козерога украшали четырех «царских» коней в Берели (Там же, с. 39). Такое же число масок с подобными навершиями (восемь пар рогов козерога) сохранилось и в первом Туэктинском кургане (Руденко С.И., 1960, с. 231). По четыре золотых фигурки коней было нашито на головной убор знатных воинов из курганов Иссык и Аржан 2. Да и в рядовых курганах Уландрыка то же самое число деревянных изображений коней присутствует в нескольких погребениях мужчин. По-видимому, в числе 4 заложена числовая символика и можно только догадываться, почему именно это число фигурирует в древних верованиях азиатских кочевников.

Изображение коня из Шивээт-Хаирхана, имеющего на голове навершие в виде рогов козерога (см. рис.IX – 2), можно попытаться сравнить с конями, захороненными в больших курганах Алтая (Руденко С.И., с. 230) и Восточного Казахстана (Самашев З.С. и др., 2000, с. 30). Головы отдельных коней, как уже упоминалось, украшались деревянными имитациями рогов горного козла, снаружи обклеенных золотыми и серебряными листа-

ми. В парадном убранстве коней имеются позолоченные деревянные и кожаные нагривники, а хвосты некоторых коней завязаны в узел. Точно такие же детали воспроизведены и на самом большом изображении коня в Шивээт-Хаирхане (см. рис.IX-1). Еще несколько рисунков всадников, открытых на восточном побережье озера Хотон-Нуур, Монголо-американско-казахской экспедицией, также отличаются большими размерами: первая фигура всадника – 206 х 159 см; вторая, – 224 х 193 (Kortum R. et all, 2004, fig. 14). Округлые утолщения на хвосте одного из коней (рис.X-8), очевидно, могут интерпретироваться, как узлы, завязанные на хвосте.

С.В. Киселев, рассматривая катандинские реалистичные изображения коней, усматривает в них сходство с высокопородистыми конями из больших курганов Алтая. Он отмечает: что в отдельных случаях кони изображены лежащими, с подогнутыми ногами (в такой позе покоятся все лошади, погребенные в курганах пазырыкской культуры). На фигурках есть поперечные валики, напоминающие луки седла; гривы показаны коротко подстриженными (Киселев С.В., 1951, с. 341). Добавим сходство наверший в виде рогов козла на масках погребенных коней из Пазырыка, Башадара, Туэкты и в Берели с деревянными фигурками коней из погребений Чуйской степи и плато Укок.

При рассмотрении пропорций и зоологических особенностей лошадей в петроглифах и мелкой культовой скульптуре нетрудно заметить, что натурой для них послужили лошади двух различных пород. Первая, наиболее многочисленная группа фигурок коней явно копирует местную степную лошадь «монголку». Она отличается невысоким ростом и плотным телосложением: туловище короткое, голова большая. Лошади монгольской породы, по мнению специалистов, происходят от диких лошадей, близких тарпану (Eguus Caballus Gmelini) и лошади Пржевальского (Eguus przewalskii) (Боголюбский С.Н., 1959, с. 496). Диких лошадей и одомашненных «монголок», хорошо приспособленных к суровым условиям горно-степных ландшафтов Центральной Азии, можно определить по их стилизованным изображениям в петроглифах и на оленных камнях Монголии. Однако сравнение останков лошадей из больших курганов древне-алтайской знати с захороненными лошадьми в рядовых погребениях пазырыкской культуры показало их полную идентичность. Тем не менее, необходимо все же отметить, что самые малорослые (128-136 см в холке) лошади происходят из могильников Уландрык I, II (Васильев С.К., 2000, с. 241), где и найдена основная масса деревянных фигурок коней.

Вторая группа изображает легкоаллюрных поджарых коней с тонкими длинными ногами, изящной «лебединой» шеей и небольшой сухой головой (рис.III -9,10; рис.VI -1-4; рис.IX -7; рис XI -6,8,10,11; рис.X -1-3,8;). Изредка они показаны в так называемом «ассирийском» галопе (см., например, рис.VIII -4; рис.XI -11). Появление таких изображений в малых курганах пазырыкской культуры и в петроглифах свидетельствует о том, что высокопородистые лошади были известны и рядовым кочевникам Алтая. Такая же закономерность наблюдается и при анализе изображений коней в тагарском искусстве. Здесь также четко выделяются две различные породы лошадей: «местная» и «высокопородистая» (Членова Н.Л., 1981, с. 91).

Еще одной любопытной особенностью фигурок коней из курганов Чуйской степи является имитированный след от чекана на отдельных головках коней и оленей (Кубарев В.Д., 1981). Нанесенный между ушами, он, возможно, символизировал «убийство» изображения жертвенного животного (ср. все лошади в курганах пазырыкской культуры убиты ударами чекана в голову). Обряд, когда в жертву приносили не самого коня, а только его изображение или даже изображение его головы, был довольно распространенным у древнейших индоиранских народов (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 37-43).

Очевидно, представление о коне как о существе, способном даровать умершему человеку духовную энергию, плодовитость и богатство скотом, нашло отражение и в деревянных позолоченных фигурках коней из алтайских курганов. По-видимому, ритуальное убийство коня, кстати, наиболее характерная черта погребального обряда пазырыкской культуры Алтая, должно было, по представлениям древних кочевников, помочь умершему перевоплотиться, возродившись для новой бессмертной жизни на «том свете». Возможно, как результат этих представлений во многих курганах древних кочевников Алтая и встречаются сопроводительные захоронения коней. Отдельного внимания заслуживает

обряд обособленных погребений лошадей и захоронения конских черепов в специально сооруженных выкладках. Особое отношение к голове коня наблюдается в археологических культурах кочевых народов от неолита до раннего средневековья (сводку работ см. Шелепова Е.В., 2007, с. 185). Возможно, ритуальные действия с черепом коня как-то семантически связаны с появлением в искусстве древних кочевников изображений головы коня (Руденко С.И., 1953, табл. *CV. 2;* Кубарев В.Д., 1987а, рис. 43, 7,8). Да и в наскальных рисунках голова лошади нередко выполнялась более тщательно, чем остальные части тела (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э,, 2005, рис. 50, 16; фото 11). Удивительно реалистичны и грациозны фигуры всадников на породистых скакунах из Шивээт-Хаирхана, Хар-Салаа и Билуут-Толгоя в петроглифах Монголии (рис.Х – 1-9). Некоторые из них вооружены луками, клевцами и запечатлены в момент охоты на оленей и козлов. По стилю и технике исполнения они могут быть датированы эпохой поздней бронзы или даже началом аржано-майэмирского этапа.

В петроглифах Центральной Азии натурой древнему художнику послужили дикие и домашние лошади. Диких лошадей можно различить в сценах охоты на них (рис.XI - 1,2), домашних, — в сценах хозяйственной жизни номадов (рис.XI - 6-11). Первые сюжеты можно интерпретировать и как инсценировку убийства: жертвоприношение лошади при обрядах поклонения предкам или высшим божествам, при заключении клятвенных договоров, и т.п. Подобная практика была широко распространена у многих азиатских кочевых народов, а лошадь всегда числилась первой среди других жертвенных животных. Лошадь, очевидно, также являлась не только культовым, но и тотемным животным, о чем свидетельствует «... тот факт, что среди киданей было одно из племен, носивших имя *Морин* — лошадь» (Викторова Л.Л., 1980, с. 150). Древние тотемистические представления монголов, связанные с конем или лошадью послужили основой для более поздних мифологических сюжетов о *Хий Морь* — Небесном Коне (Там же, с. 152). Этот персонаж часто фигурирует в монгольском эпосе о Гэсэре, являясь посредником между героем и духами предков, обшеплеменными божествами, и даже ассоциируется с самим Вечным, Синим Небом.

В средневековых рисунках всадников Алтая развивается и звучит все та же тема удачной охоты, древний культ коня и единоборство богатырей. Особенно яркий и выдающийся комплекс древнетюркских петроглифов в Монголии теперь известен и исследован нами в долине высокогорной реки Хар-Салаа. В репертуаре этой оригинальной, в художественном отношении «галереи» наскальных шедевров, главенствует образ конного воина. Сюжетам и образам этого памятника посвящены две опубликованные работы автора (Кубарев В.Д., 2001; 2004а) и нет смысла повторяться в этой статье. Однако следует упомянуть о редкой сцене для петроглифов Монгольского Алтая, которая недавно была открыта на скалах урочища Хох-Чулуу. На ней всадник вертикально держит копье, древко которого в верхней части украшено знаменем с двумя короткими выступами-лентами. В левой руке воина изображен круглый щит, отставленный в сторону. На уровне груди, возможно, показана стрела, которая снабжена округлым свистунком с вильчатым наконечником. Поза всадника статична, у коня голова слегка опущена вниз и соединена поводом с рукой другого человека, наверное, слуги или оруженосца знатного тюрка. Подобные средневековые изображения воинов-знаменосцев широко распространены в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии. В данном случае уместно сослаться на интересную работу О.С. Советовой и А.Н. Мухаревой (2005), в которой приводятся подробные сведения об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников.

Религиозные представления, связанные с погребальным обрядом и конем хорошо сохранившиеся в этнографических свидетельствах и эпических сказаниях, все больше находят подтверждение в археологических материалах. Например, в погребении, исследованном автором в долине р. Юстыд (Алтай), на поясе древнетюркского воина была найдена шелковая сумочка, в которой хранился конский волос, скрученный в колечко (Кубарев Г.В., 2005, рис.15, 24). Несомненно, что эта уникальная находка отражает веру в магическую силу конского волоса. Так, «...в эпосе тюрко-монгольских народов герой, очутившись в трудном положении, сжигает волосок, данный ему конем при расставании, и этим вызывает того. Конский волос служит также «мостом» в подземное царство, куда другого пути нет» (Липец Р.С., 1982, с. 223).

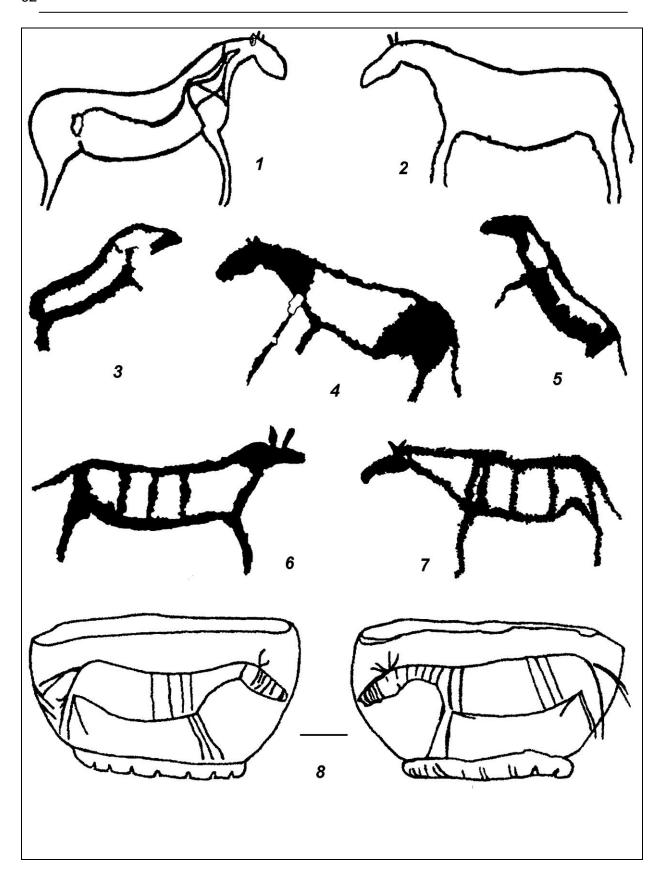

Рис.І

Древнейшие изображения лошадей:

1,6,7 – Арал-Толгой; 3,5 – Чандамань, 4 – Цагаан-Гол (Монгольский Алтай);

2 – Калгуты (Российский Алтай); 8 – гравированные изображения
на каменном сосуде из Аймырлыга (Тува)

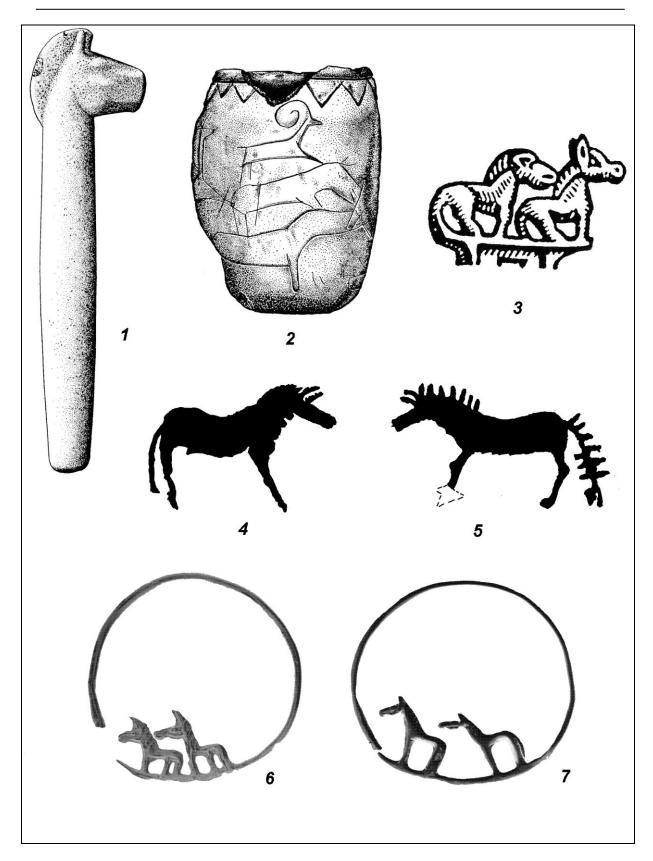

Рис.II

Предметы и петроглифы эпохи ранней и развитой бронзы: 1 – каменный пест из погр. у с. Шипуново, 2 – каменный сосуд из с. Лаптев Лог (Алтайский край); 3 – навершие бронзового ножа (Сейминский могильник); 4,5 – петроглифы долины р. Хар-Салаа (Монгольский Алтай); 6,7 – золотые серьги андроновского времени из Мын-Шункур (Казахстан) и Чесноково I (Алтайский край)

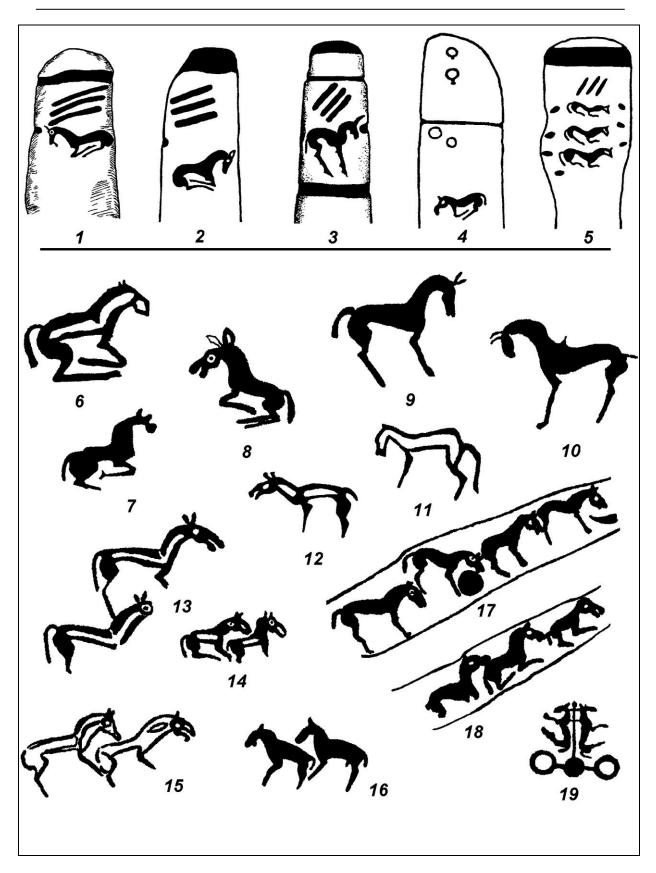

Рис.III

Оленные камни саяно-алтайского типа:

1 – Кара-Дюргун, 2 – Саглы-Бажы, 3 – Даян-Нуур, 4 – Гурван-Булаг, 5 – Мухор-Тархата (1,5 – Российский Алтай, 2 – Тува, 3,4 – Монголия); 6-19 изображения коней и колесницы на оленных камнях Монголии

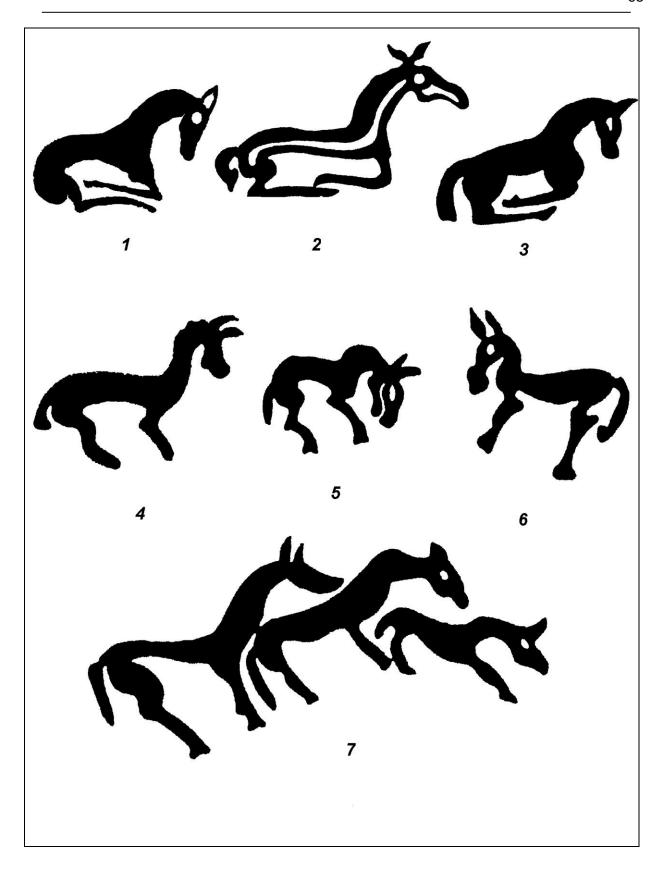

Рис.IV Изображения коней на оленных камнях Тувы

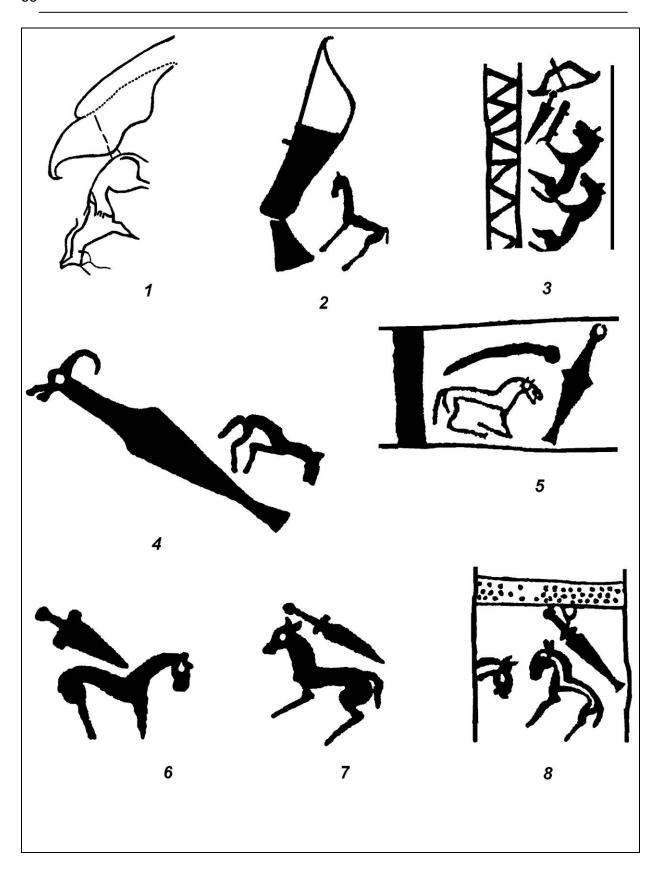

Рис. V

Изображения коней на оленных камнях в контексте с различными видами оружия: 1 – Чуйский камень (Российский Алтай); 2 – Хар говь; 3 – Шатар Чулуу; 4 – Зуун гол; 5 – Шавартий ам; 6 – Чулуутын огтох; 7 – пос. Агар; 8 – Дааган дэл (Монголия)

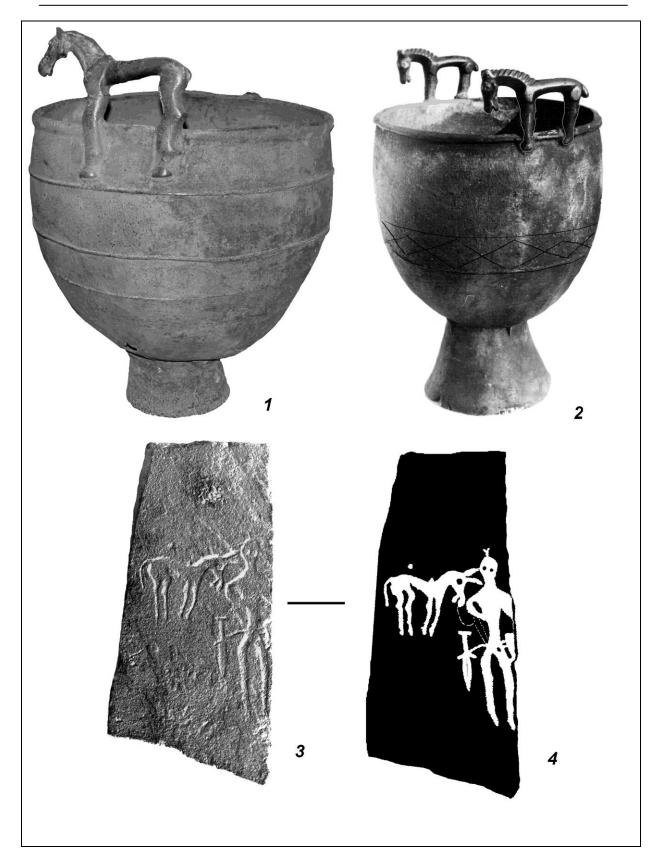

Рис.VI
Бронзовые котлы VII-VI вв. до н.э.:
1 – с. Серебренниково. Алтайский край; 2 – перевал Семинский. Республика Алтай; 3 – Выбитый рисунок воина с конем на каменной плите и его прорисовка (4).
Курган Аржан 2. Тува

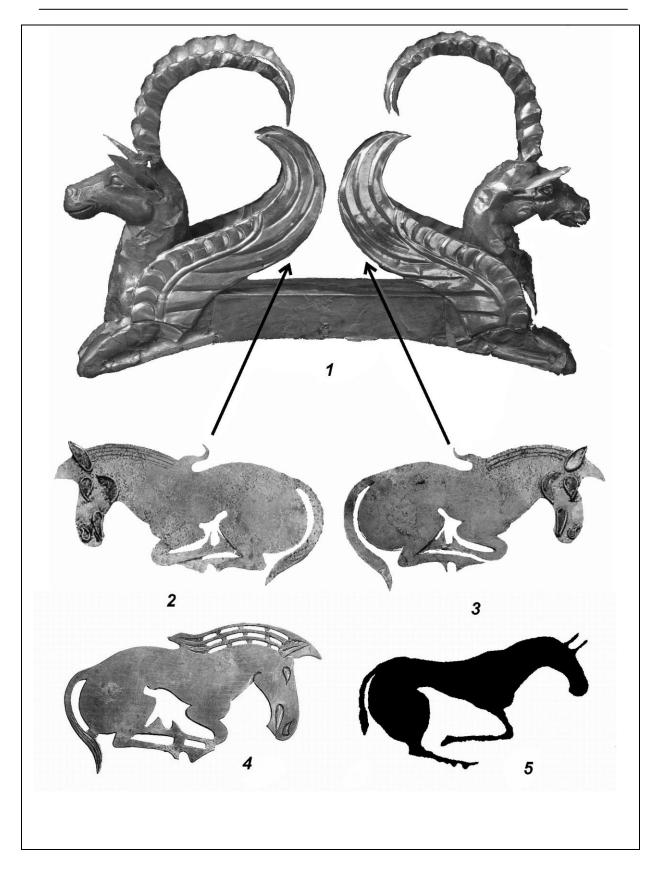

Рис.VII

Изображения коней в торевтике и петроглифах:

1 – парные крылатые кони из кургана Иссык (Казахстан); 2,3 – парные крылатые кони из кургана Аржан 2 (Тува); 4 – золотая фигурка из кургана Аржан 2 (Тува); 5 – петроглиф из долины р. Хар-Салаа (Монгольский Алтай)

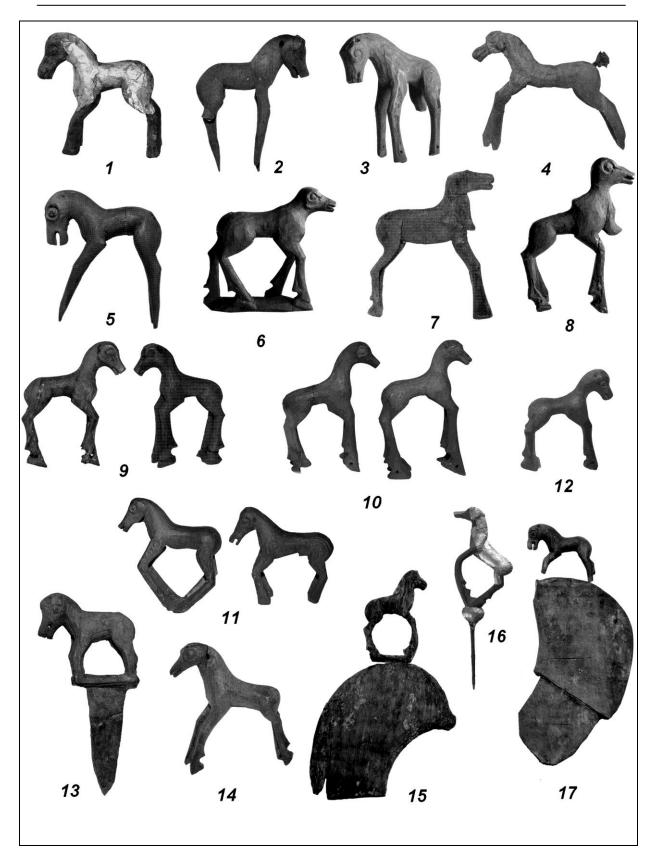

Рис.VIII Деревянные фигурки коней из курганов Чуйской степи (раскопки автора). Пазырыкская культура Алтая

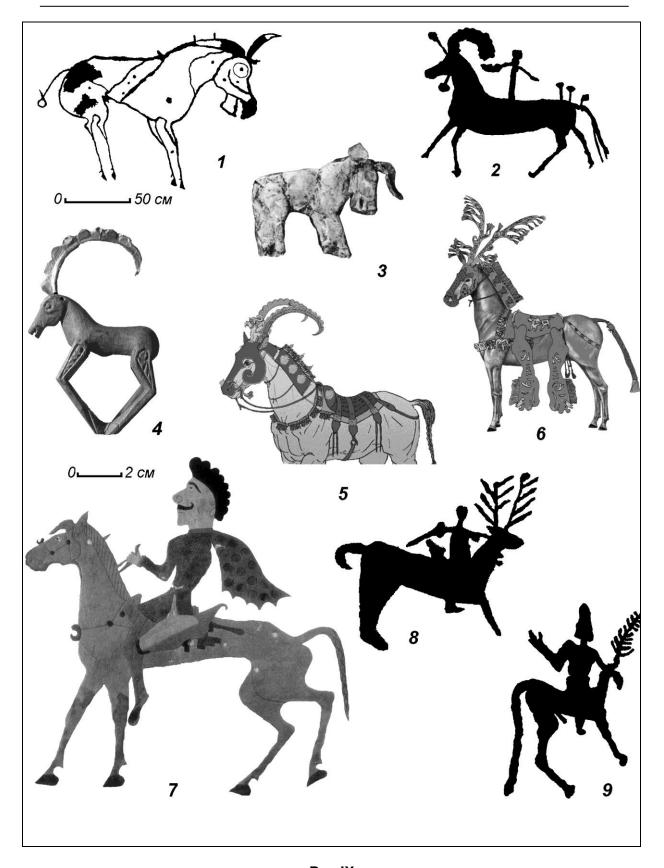

Рис.IX Изображения коней и всадников:

1,2 – петроглифы Шивээт-Хаирхана (Монгольский Алтай); 8,9 – петроглифы гор Алашань (Внутренняя Монголия); 3,4,7 – в прикладном искусстве пазырыкской культуры Алтая; 5,6 – реконструкция убранства коней из Берели (Казахстан) и Пазырыка (Алтай)

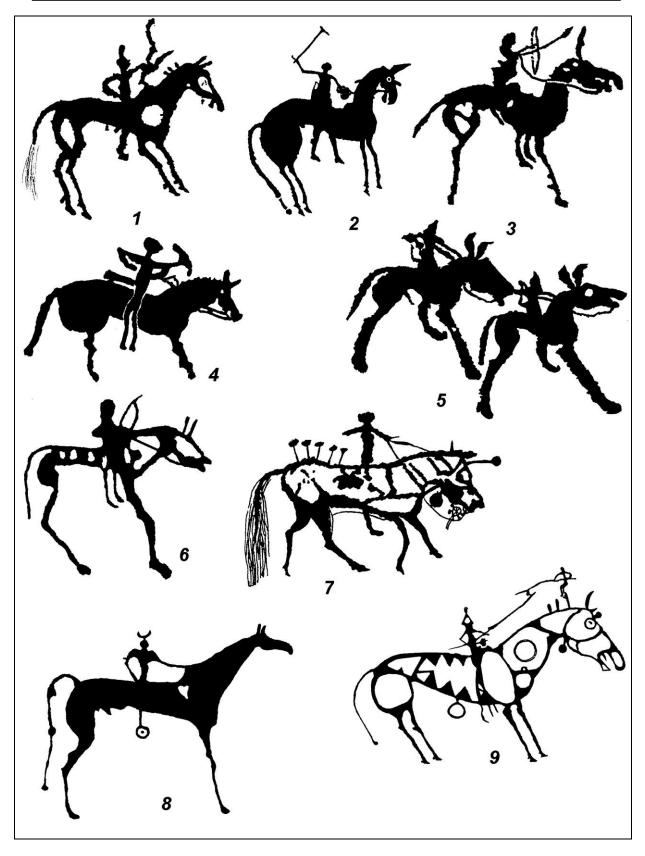

Рис.ХИзображения раннескифских всадников в петроглифах Монгольского Алтая: 1-3,7 – Шивээт-Хаирхан; 4-6 – Хар-Салаа; 8,9 – Билуут-Толгой

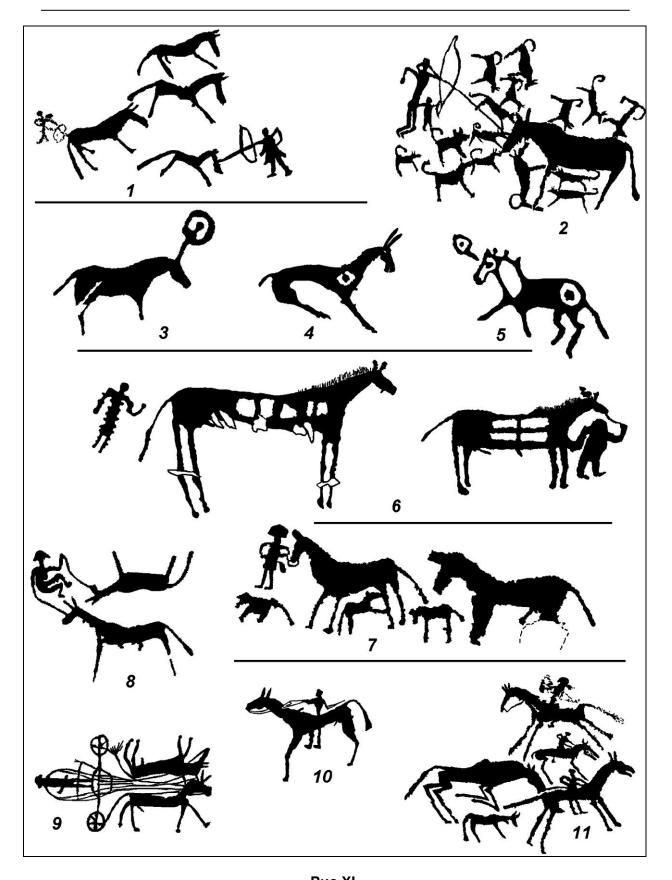

Рис.XI Изображения коней, всадников и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая: 1,7-11 – Хар-Салаа; 2,8 – Бага-Ойгур; 3-6 – Хох-Чулуу

Кратко рассмотренные произведения древнего искусства Центральной Азии, объединенные темой «Конь и всадник», показали, что и в данном случае петроглифы являются полноценным историческим источником. Благодаря новым изобразительным материалам, можно утверждать, что и многие идеологические представления о лошади зародились, очевидно, уже сразу после ее приручения и использования ее в качестве транспортного средства и для верховой езды. Так, уже в ранних петроглифах эпохи бронзы появляются одиночные изображения «небесных» коней, маркированных солярными знаками (см. рис.XI - 3-5). В последующие эпохи образ «небесного» коня или «небесного» всадника очень часто фигурирует не только в петроглифах (см. рис.X - 8,9), но и воплощен на ритуальных каменных и бронзовых сосудах, в золотых украшениях представителей кочевнической элиты, в мелкой культовой пластике населения пазырыкской культуры Алтая, и т.д.

В петроглифах Монгольского Алтая мифический образ «коня-козерога» встречен впервые, но в Тамгалы казахские археологи в палимпсесте (первоначально бык, после подновления лошадь и всадник) видят изображение коня в рогатой маске (Самашев З.С. и др., 2001, рис. 32). Малое число подобных сюжетов компенсируется достаточно представительной серией миниатюрных изображений коней из курганов Чуйской степи и плато Укок, а также присутствием разнообразных рисунков коней на оленных камнях и всадников в петроглифах Западной Монголии. А они, как выясняется, несут в себе богатую информацию о зарождении культа коня, эволюции и семантике его образа у кочевников Центральной Азии.

Литература

- 1. Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1984. 176 с.
- 2. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана М.: Искусство, 1978. 131 с.
- 3. Акишев К.А. Происхождение "звериного" стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения. М.: ИА РАН, 1992. Ч. І. С. 4-9.
- 4. Боголюбский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М.: Сов. Наука, 1959. 593 с.
- 5. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 234 с.
- 6. Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научн. мир, 2002. 248 с.
- 7. Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2000. С. 237-242.
- 8. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1984. 224 с.
- 9. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- 10. Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003. 184 с.
- 11. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- 12. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука 1974. 727 с.
- 13. Елин В.Н., Ларин О.В. Два оленных камня из Горного Алтая // Материалы по истории и культуре республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 50-52.
- Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М.: Наука, 1977. 152 с.
- 15. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 638 с.
- 16. Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы // Археологические Вести. СПб: ИИМК РАН, 1998. № 5. С. 143-154.
- 17. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- 18. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 84-94.
- 19. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987а. 302 с.
- 20. Кубарев В.Д. О назначении зооморфных наверший из курганов Пазырыка и Уландрыка // Скифо-Сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987б. С. 169-173.
- 21. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- 22. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- 23. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4. С. 95-107.

- 24. Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004а. № 3. С. 65-81.
- 25. Кубарев В.Д. О петроглифах горы Чандамань Хар узуур (Ховд аймак, Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2004б. – Т. X. – С. 296-300.
- 26. Кубарев В.Д. О работах Российско-Монгольско-Американской экспедиции по изучению наскальных изображений Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 2006а. № 3. С. 8-12.
- 27. Кубарев В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006б. № 3. С. 41-54.
- 28. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Издво Алт. Гос. Ун-та. 2007. 282 с.
- 29. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. 640 с.
- 30. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. 400 с.
- 31. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 28-54.
- 32. Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (Культурологические очерки). М.: Рос. Ин-т культурологии, 2002. 288 с.
- 33. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002 294 с.
- 34. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия Алт. Гос. Ун-та, 1996. № 2. С. 33-38.
- 35. Минасян Р.С. Секреты скифских ювелиров // Аржан источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: ГЭ, 2004. С. 40-45.
- 36. Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИА-Эт СО РАН, 2000. С. 86-119.
- 37. Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 160 с.
- 38. Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков И.А., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиезонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования Российско-германско-монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2006). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 428-433.
- 39. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
- 40. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- 41. Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.
- 42. Савинов Д.Г. Об оленных камнях смешанного типа // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 105-108.
- 43. Советова О.С. Петроглифы тагарской культуры на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. 140 с.
- 44. Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Сб. научн. тр., посвящен. 60-летию В.В. Боброва. Вып. 23. С. 92-105.
- 45. Папин Д.В., Фролов Я.В. О формировании культур скифского круга на верхней Оби // // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр.— Новосибирск: 2006. Т. II.
- 46. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- 47. Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Памятники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 4. С. 44-87.
- 48. Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара: Агни, 1994. 480 с.
- 49. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

- 50. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 359 с.
- 51. Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2001. 108 с.
- 52. Самашев 3., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. Алматы: Берел, 2000. 57 с.
- 53. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.
- 54. Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 292-302.
- 55. Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. 158 с.
- 56. Черемисин Д.В. О семантике маскированных рогатых лошадей пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 129-140.
- 57. Членова Н.Л. Тагарские лошади // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 80-94.
- 58. Чугунов К.В. Аржан источник // Аржан источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: ГЭ, 2004. С. 10-39.
- 59. Шелепова Е.В. Новые сведения о захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 185-188.
- 60. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково–І // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. № 3. С. 58-69.
- 61. Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д. Якобсон Э. Арал толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал толгой. Монголия). Улаанбаатор: Монгол улс шинжлэх ухааны Академи археологийн Хурээлэн (Институт археологии МАН). 2005. 204 с.
- 62. Gai Shanlin, Lou Yudong. Zhongguo yanhua (The rock arts of China). Beijing: Wenwu, 1993. 197 pp.
- 63. Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 2001. T.V.6. 481 p.
- 64. Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan, Gambrell J. Another new complex in the Altai mountains, Bayan Olgii ainag, Mongolia: Biluut 1,2 and 3. // International Newsletter on Rock Art (INORA). 2005. No. 41. P. 7-14.
- 65. Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva (Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000 –2002) // Eurasia Antiqua. 2003. Band 9. S. 113-162.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.

(г. Новосибирск)

ТИПОЛОГИЯ БРОНЗОВЫХ БЛЯШЕК
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКОВ И ЛОШАДЕЙ
НА ТОРЕВТИКЕ ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Важным информативным источником по истории военного дела средневековых тюркоязычных кочевых этносов степного пояса Евразии являются изображения воинов и боевых коней на предметах торевтики, бронзовых бляшках и подвесках, входивших в состав украшений головного убора и костюма номадов. Бронзовые бляшки с изображением всадников в пределах кочевого мира были распространены в степных районах в Забай-калье, Монголии, Саяно-Алтае, на Урале. В сопредельных регионах подобные предметы обнаружены в городских и ремесленных центрах Средней Азии. В Восточном Туркестане

^{*} Работа выполнена по программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Проект № 21.2.

найдены бронзовые бляшки в виде фигур взнузданных и заседланных лошадей. Данный круг предметов имеет определенное стилистическое сходство и связан своим происхождением с декоративно-прикладным искусством городских и ремесленных центров Ирана, Согда оазисов Восточного Туркестана. В других регионах Евразии в декоративно-прикладном искусстве средневекового населения также представлены металлические предметы с изображением всадников. Подобные бляшки имеются в предметном комплексе раннесредневековых культур финно-угорских народов Северной Евразии и аланского населения Северного Кавказа.

Однако, бронзовые бляшки, изображающие всадников, характерные для культур лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири, или культур Северного Кавказа, по стилю и набору реалий существенным образом отличаются от подобных изделий в комплексах раннесредневековых кочевников восточного ареала степного пояса Евразии. Поэтому бляшки с изображением всадников в составе предметного комплекса кочевнических культур могут быть объектом целенаправленного специального исследования.

Впервые эти находки попали в поле зрения западноевропейских ученых и путешественников, посещавших южные районы Западной Сибири в первой трети XVIII в. Подобные «диковинные» предметы попадали в руки бугровщиков, профессиональных грабителей древних и средневековых курганов, опустошивших многие памятники на территории Западной и Южной Сибири, которые пытались продавать эти «курьезные» вещи заинтересовавшимся иностранцам.

Одним из первых такую бляшку осмотрел и оставил ее описание участник российского посольства в Китай, англичанин Д. Белл, проезжавший через г. Томск в 1719 г. В описании своего путешествия, опубликованном через несколько десятилетий, он сообщил, что по сведениям, полученным от бугровщиков в восьми-десяти днях пути на юг от Томска в степях находится «много могил и захоронений древних героев», в которых «много людей из Томска и других мест» производили грабительские раскопки. В ходе раскопок грабители находили «среди мертвых останков значительное количество золота, серебра, меди и различных драгоценных камней, а иногда и части рукояток мечей и доспехов». Среди «курьезных вещей», извлеченных из разграбленных могил бугровщиками, которые показали Д. Беллу, он упомянул «вооруженного человека верхом на коне, отлитого из желтой меди, непонятного назначения и происхождения» (Зиннер Э.П., 1968, с. 51-52). Судя по всему, бугровщики показали англичанину бронзовую бляшку, выполненную в виде всадника, найденную в одном из разграбленных курганов эпохи раннего средневековья в Верхнем Приобье, Степном Алтае или Прииртышье.

Спустя полтора десятилетия, в 1734 г., в ходе путешествия по Алтаю участниками Второй Камчатской экспедиции, Г.Ф. Миллером и И.Г. Гмелиным, была приобретена у бугровщиков еще одна бронзовая бляшка из разграбленных ими могил «между Обью и Иртышом». Эта находка была довольно точно зарисована в альбоме «курьозных вещей», собранных участниками экспедиции в данном районе Сибири. Благодаря рисунку экспедиционного художника И.В. Люрсениуса, эта находка, хотя она и не сохранилась в коллекциях Кунсткамеры и Эрмитажа, является доступной для научного изучения (Миллер Г.Ф., 1999, рис. 24, 3). На рисунке И.В. Люрсениуса изображена небольшая профильная фигура всадника, скачущего верхом на лошади справа налево. Конный воин изображен в коническом головном уборе, вероятно, шлеме или колпаке. Он правой рукой держит поводья, а в левой руке, согнутой в локте и отведенной в сторону, держит за середину кибить сложносоставного, рефлексирующего лука с натянутой тетивой. Всадник сидит в седле, его левая нога показана непропорционально короткой. На лошади изображены поводья узды, нагрудный и подфейный ремни седла. Задние ноги лошади обломаны (рис. 3, 4). Хотя данная находка не имеет точных аналогий среди обнаруженных позднее в южных районах Западной Сибири бронзовых бляшек, изображающих всадников, по своим параметрам она вполне может быть отнесена к числу аналогичных вещей в культурах енисейских кыргызов и кимаков.

В первой трети XVIII в. в Прииртышье была обнаружена еще одна бронзовая бляшка, изображающая панцирного всадника. В этот период большую коллекцию древних и средневековых «куриозных вещей» собрал управляющий казенными металлургическими

заводами Урала и Сибири, генерал-лейтенант Г.В. Де Геннин, который находился в подведомственных ему городах с 1722 по 1734 г. (Геннин Г.В., 1937, с. 627). В собранной им коллекции было немало предметов средневековой торевтики. Однако ни в описании ни на рисунках нет бляшки, изображавшей панцирного всадника (Формозов А.А., 1986, с. 24-25). Вероятно, эта бляшка была найдена бугровщиками и приобретена у них П.Г. Демидовым, одним из потомков горнозаводчика Н.А. Демидова, основавшего медеплавильные заводы на Алтае, уже после отъезда с Урала Г.В. Де Геннина.

В 1764 г. П.Г. Демидов послал в Англию члену Лондонского общества древностей П. Коллинсону письмо с описанием некоторых археологических находок из Прииртышья, рисунки вещей из коллекции Г.В. Де Геннина, дополненные рисунками предметов буддийской культовой пластики, собранной на развалинах джунгарского ламаистского монастыря Аблайкит в верховьях Иртыша, среди которых была бляшка, изображающая панцирного всадника. Через несколько лет, по просьбе президента Лондонского общества древностей, рисунки археологических находок из Прииртышья были прокомментированы известным немецким ученым, почетным членом общества древностей, И.Р. Форстером, который ранее проводил исследования в России, в Поволжье, и интересовался древностями кочевых народов Центральной Азии (Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 2002, с. 65-67).

Сама находка не сохранилась, однако на рисунке, выполненном художником Бэзиром, очень точно и реалистично изображена бронзовая бляшка, передающая панцирного всадника. Воин верхом на коне, идущим справа налево. Он двумя руками держит древко копья. На голове у воина показан сферический шлем с округлым шариком-навершием и приостренным наносником. У воина четко, в полуфас, изображено лицо, брови, глаза, нос и рот, широкие скуластые щеки и короткий подбородок. Воин одет в панцирь, составленный из широких квадратных пластин, закрывающий корпус, руки до запястья и ноги ниже колен. На поясе изображен подвешенный меч или палаш в ножнах с ладьевидным перекрестьем и прямой рукоятью. Нога в обтянутом мягком сапоге с приостренным носком, продета в стремя. За спиной у воина двойной диск, один большого диаметра за головой и туловищем, второй меньших размеров с отверстием в центре над головой. На лошади изображена узда с поводом и седло или чепрак, на котором сидит всадник. Конь с крупной головой, короткой шеей, плотным туловищем, короткими ногами и хвостом (рис. 3, 1).

В первой половине XIX в., в 1840-1843 гг., в степном Алтае проводил исследования А.И. Шренк, который собрал значительную коллекцию археологических находок. В окрестностях с. Кулундинского им была найдена или приобретена бронзовая бляшка, изображающая пешего панцирного воина-лучника. Эта находка сохранилась в коллекции А.И. Шренка в Музее антропологии и этнографии им Петра Великого (Кунсткамере). Воин изображен в коническом шлеме, на навершии которого находится кольцевая петля, за которую подвешивалась бляшка. У воина показана округлая голова, нечетко изображены глаз, нос и рот. Правой рукой он держит кибить лука, левой натягивает тетиву. На теле воина длиннополый панцирь, составленный из прямоугольных пластин. Ноги полусогнуты в коленях. На ногах изображены мягкие сапоги. Лук в руках у воина сложносоставной с выгнутыми плечами и загнутыми концами. Стрела с крупным наконечником, напоминающим ударник ярусного типа с обособленным бойком и выступающими лопастями. На поясе наклонно подвешен колчан с расширенной горловиной и днищем. За головой, плечами и спиной воина большой, округлый щит (рис. 3, 6). В дальнейшем находка из с. Кулундинского неоднократно переиздавалась в разных, не всегда точных прорисовках (Демин М.А., 1989, с. 52; Евтюхова Л.А., 1948, рис. 196).

В 1886 г. находку бляшки с изображением всадника из Минусинской котловины из окрестностей с. Колмаково, хранящуюся в Минусинском музее, опубликовал Д.А. Клеменц (1886, табл. VIII, 21).

В 1890 г. эту находку опубликовал И.Р. Аспелин в числе других древностей Центральной Азии. Им была издана и еще одна находка бронзовой бляшки с изображением всадника, обнаруженная у д. Колмаково на р. Тубе в Минусинской котловине (Aspelin J. R., 1890, fig. 8, 9). Всадник сидит верхом на лошади, идущей слева направо. Он изображен в длиннополом одеянии, вероятно, панцире, с копьем в обеих руках и мечом или па-

лашом на поясе. За головой и спиной всадника находится крупный диск с отверстием. У лошади показана крупная голова и туловище, короткие ноги и хвост. Передние ноги изображены раздельно, задние – вместе. На голове у лошади изображена узда. Поводья узды показаны на шее у лошади (рис.3, 2). Однако, прорисовка бляшки в публикации И.Р. Аспелина менее точная, чем в атласе Д.А. Клеменца.

Позднее эти находки были переизданы А.А. Спицыным, который опубликовал находку бляшки из Семипалатинска. На этой бляшке изображен воин верхом на лошади, идущей слева направо с копьем в руках, мечом, подвешенным к поясу и диском за головой и плечами. У лошади обломана голова (Савинов Д.Г., 1976, табл. I, 25).

В 1917 г. А.М. Талльгрен опубликовал в числе находок из коллекции П. Товостина, приобретенной для Гельсингфорского музея, бронзовую бляшку с изображением всадника, найденную в долине р. Ут на юге Минусинской котловины. Всадник изображенедущим верхом на лошади слева направо. У него показаны длинные, распущенные волосы за спиной, налучье, выступающее из-за спины и колчан, подвешенный к правому боку всадника. На голове у коня султан, под головой подшейная кисть и поводья. На лошади показан чепрак, нагрудный и подфейный ремни (рис. 5, 3) (Tallgren A.M., 1917, plan. IX, 10).

В 1925 г. одна, или две бронзовых бляшки с изображением всадника с копьем в обеих руках и диском за головой и плечами были обнаружены при раскопках могильника Сростки в Верхнем Приобье. Вероятно, они происходят из недокументированных раскопок М.Н. Комаровой, проведенных в том же году. Поскольку в материалах раскопок С.М. Сергеева, проведенных в 1930 г., такой находки нет (Савинов Д.Г., 1998, с. 175-190). На одной бляшке изображен всадник, едущий верхом на лошади справа налево. В руках у всадника копье, на голове — шлем, за спиной — диск. У коня передние ноги показаны раздельно, задние — вместе. У другой бляшки у коня обломаны задние ноги. Сросткинские бляшки очень похожи на находки из д. Колмаковой и Семипалатинска. В работе В.В. Горбунова были впервые опубликованы две бляшки с изображением всадников из могильника Сростки I (рис. 5, 1, 2) (Горбунов В.В., 2003, рис. 36, 1,2). Вполне возможно, что это парные фигурки, аналогичные более поздним находкам из могильника Кондратьевка в Степном Алтае.

В 1930 г. эта находка была опубликована в числе других находок из Сросткинского могильника и отнесена к поздней стадии железного века (Грязнов М.П., 1930, с. 9). В дальнейшем материалы этих раскопок были положены в основу выделенной в 1956 г. сросткинской культуры и датированы IX — X вв. (Грязнов М.П., 1956, с. 145). Со времени выхода работы М.П. Грязнова находки бронзовых бляшек с изображением всадников стали связывать тюркоязычным кочевым населением Саяно-Алтая.

В 1925 г. была сделана еще одна находка бронзовой бляшки с изображением всадника на местонахождении Средние Дурены на р. Чикой в Забайкалье. Всадник изображен верхом на лошади, идущей слева направо. У него показаны длинные, до плеч волосы, усы. Всадник одет в халат с отворотами на груди. Левой рукой он держит повод, ладонь правой руки на рукояти палаша с кольцевым навершием. Палаш подвешен к поясу. За спиной всадника лук в налучье. У лошади изображена узда с поводом, начельный султан и подшейная кисть — науз. Всадник сидит в седле с длинным чепраком и нагрудным и подфейным ремнями. У коня показаны раздельно все четыре ноги и длинный хвост (рис. 1, 4). Эта находка была описана П.С. Михно и подробно проанализирована Б.Э. Петри, который сравнил изображение чикойского всадника с рисунками людей в халатах с отворотами на груди на каменной плите из долины р. Богдын-гол близ г. Улясутая в Монголии (Михно П.С., Петри Б.Э., 1929, с. 323, 326). В дальнейшем эта находка была проанализирована А.П. Окладниковым, который сравнил ее конское убранство с изображениями на Шишкинской и Сулекской писаницах и обосновал хронологию и культурную принадлежность этих групп рисунков (Окладников А.П., 1951, с. 143-144).

Бронзовую бляшку с изображением всадника из Минусинской котловины, вероятно, находку из д. Колмаково, привел в сводной таблице и описании средневековых материалов в своей классификации культур эпохи металла Южной Сибири С.А. Теплоухов в 1929 г. Он отнес находку «всадника из бронзы» к кругу предметов, характерных для каменных курганов VIII – X вв. на Енисее (Теплоухов С.А., 1929, с. 55). На рисунке всадник изображен едущим справа налево, с копьем в руках и диском за головой и плечами. У лошади

передние ноги показаны раздельно, задние вместе. Назначение этой находки С.А. Теплоухов определил как «бронзовое украшение» (Теплоухов С.А., 1929, табл. II. 57).

В 1940 г. Л.А. Евтюхова и С.В. Киселев опубликовали, обнаруженные ими в ходе раскопок кургана № 6 на Копенском чаа-тасе на Енисее бронзовые бляхи с изображениями всадников, мчащихся во весь опор верхом на быстроногих конях и стреляющих на всем скаку из луков, обернувшись назад, в гонящихся за ними тигров. Согласно реконструкции исследователей, эти бляхи входили в состав украшений передней луки седел, аналогично резным изображениям на костяных обкладках лук, найденных в древнетюркском могильнике Кудыргэ в Горном Алтае (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940, с. 50; Евтюхова Л.А., 1948, с. 48). В 1948 г. Л.А. Евтюховой были проанализированы изображения всадников на Копенских рельефах, находки из Колмаково и Семипалатинска, бляшка из Клундинскоо. Л.А. Евтюхова сравнила копенских всадников с гравированными рисунками на кубке Д.Г. Мессершмидта, найденном на Енисее в XVIII в. Л.А. Евтюхова отметила, что композиция конной охоты на тигра восходит к искусству Сассанидского Ирана, но указала на элементы характерные для искусства Танского Китая (Евтюхова Л.А.,1948, с. 52). Ею кратко описаны бронзовые рельефные фигурки воинов из Минусинской котловины и Алтая, которые отнесены к IX в. на основании датировки Сросткинского могильника (Евтюхова Л.А., 1948, с. 106). Все эти находки были более детально и подробно описаны и проанализированы С.В. Киселевым. Согласно его анализу «центральной фигурой» сцен охоты на копенских рельефах «является всадник на мчащемся в галоп коне. Всадник обернулся и стреляет из лука в разъяренного тигра, изображенного в прыжке с понятыми лапами». И далее главный персонаж композиции описан таким образом: «Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает повязка, затянутая, сзади узлом. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук – сложный, в виде буквы М. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и нагрудном ремнях навешаны кисти; стремена широкие, дугообразные; уздечка плетеная, с поводом и чумбуром. Ясно видны не только круглые бляхи на пересечении ремней уздечки, но даже эсовидные псалии от удил. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни...» (рис. 2, 4; 4, 3) (Киселев С.В., 1949, с. 352). С.В. Киселев отметил степные кочевнические, иранские и китайские элементы в этих рельефах (Киселев С.В., 1949, с. 352, 354). По описанию С.В. Киселева, сросткинская бляшка «изображает всадника с копьем в руках и искривленной саблей на левом боку. Ясно видно, что конный воин одет в мягкие сапоги и шаровары. На голове у него округлый, слегка заостренный кверху шлем. Характерно, что голова воина дана на фоне большого диска, передающего своеобразный нимб». По наблюдению автора, фигуры с нимбами известны на буддийских росписях Индии, Восточного Туркестана и Китая. Однако С.В. Киселев считал, что сросткинская бляшка отразила влияние декоративно-прикладного искусства Сассанидского Ирана, поскольку именно иранцы придали нимб светским фигурам, в том числе царям и царевичам, изображенным на троне или верхом на коне. Он упомянул подобные находки бляшек из Колмаково в Минусинской котловине и Семипалатинска и датировал их IX – X вв. По мнению автора, одна из этих бляшек «представляет всадника на идущем шагом коне, вооруженного мечом и копьем, которое он держит в обеих руках «наперевес». Одет воин в пластинчатый панцирь, шаровары и мягкие сапоги. На голове у него невысокий шлем-шишак. Особенностью является наличие вокруг головы нимба в виде округлой пластинки». В данном случае С.В. Киселев объяснил наличие нимба вокруг головы всадника влиянием буддизма и манихейства из Хотана и Турфана. Все бляшки, изображающие панцирных всадников с копьями в руках, из Колмаково, Сросток и Семипалатинска, он отнес к произведениям кыргызских мастеров и к культуре енисейских кыргызов (Киселев С.В., 1949, с. 313, 358). Предложенная С.В. Киселевым интерпретация некоторых реалий, изображенных на подобных бляшках, в дальнейшем была принята многими исследователями.

В 1961 г. бронзовая бляшка с изображением всадника иной формы была случайно найдена в Южногобийском аймаке Монголии и передана в музей аймачного центра. Эта

находка была атрибутирована В.В. Волковым. Бляшка изображаем всадника верхом на лошади, идущей шагом слева направо. У воина показаны длинные, распущенные волосы, развевающиеся за спиной. Левая рука всадника на гриве лошади, правая — на горловине колчана. За локтем правой руки воина изображен верхний конец налучья, которое подвешено с левого бока. Всадник сидит верхом на чепраке с оторочкой. У лошади показан начельный султан, подшейная кисть — науз, намечены уздечные ремни. Отчетливо выделены нагрудный и потфейный ремни, невысокая подстриженная грива, крупная голова, короткая шея, плотное туловище, короткие ноги и длинный хвост. Копыта всех четырех ног лошади и хвост соединены горизонтальной полосой (рис. 1, 3). По определению В.В. Волкова, эта бляшка изображает «одного из представителей тюркских племен, кочевавших в монгольских степях в VI — IX вв. н.э.». он отметил в числе аналогий находке из Южной Гоби бляшки из Минусинской котловины, северного Казахстана, Забайкалья и Внутренней Монголии (Волков В.В., 1965, с. 288).

В 1976 г. Д.Г. Савинов выделил в числе «специфических общих форм», характерных для памятников культуры кимаков Верхнего Прииртышья и для сросткинской культуры Верхнего Приобья «фигурные изображения всадников с «нимбом». Археологические комплексы из обоих районов, в том числе находки бляшек, передающих панцирных всадников он отнес к кимакской культуре (Савинов Д.Г., 1976, с. 97). Одна из таких фигурок на сводной таблице в данной публикации изображает всадника, едущего верхом на коне слева направо. Она отнесена к местонахождению Кулундинское на Северном Алтае, хотя с этого памятника происходит бляшка с изображением пешего панцирного лучника.

В 1972 г. в ходе раскопок памятников кимакской культуры в долине р. Алей в Алтайском крае в одном из курганных захоронений по обряду погребения с конем в кургане № 7 на могильнике Гилево XII была найдена бронзовая бляшка с изображением всадника. Она изображаем воина с натянутым сложносоставным луком и настороженной стрелой в руках. Воин в островерхом, коническом головном уборе, вероятно, в шлеме. За головой и туловищем воина изображен большой диск с округлым отверстием для подвешивания бляшки. У лошади показана узда, нагрудный и подфейный ремни с подвесными бляхами или кистями. Ноги и хвост коня обломаны (рис. 3, 3). В.А. Могильников считал, что подобные бляшки с изображением «вооруженного всадника с нимбом на коне» могли использоваться кимаками в качестве подвесок или оберегов (Могильников В.А., 1981б, с. 44; рис. 26, 87). В дальнейшем эта находка неоднократно переиздавалась (Могильников В.А., 2002, с. 31). В.А. Могильниковым был также опубликован схематичный рисунок бляшки из могильника Сростки. Воин изображен в островерхом шлеме с кисточкой, с копьем в обеих руках и палашом, подвешенным к поясу (рис. 1, 6) (Могильников В.А., 1981а, 27, 49). На других прорисовках сросткинских бляшек подобное оформление шлема у всадника отсутствует.

В 1980 г. Ю.С. Худяковым в числе изображений кыргызских воинов на предметах торевтики были опубликованы бляшки с изображением всадников из Копенского чаатаса, Колмаково и Кулундинского и введены в научный оборот две случайные находки из Минусинского музея. На одной из бляшек всадник изображен сидящим верхом на лошади, идущей слева направо. У него вытянутое лицо, на голове невысокая шапочка, на теле халат с отворотами на груди, на ногах — сапоги. На поясе у всадника колчан. Левая рука согнута в локте, в ладони зажат какой-то непонятный предмет. Правая рука на колчане. Всадник сидит на чепраке. У лошади выделена крупная голова, подстриженная грива, короткая шея, плотное туловище, короткие ноги длинный хвост. На голове лошади узда с поводом, пышный начельный султан и небольшая подшейная кисть. Копыта и хвост соединены сплошной горизонтальной линией (рис. 2, 1).

Другая бляшка из Минусинского музея изображает схематичную фигуру всадника, сидящего верхом на лошади, идущей слева направо. У человека округлая голова, торс развернут анфас, руки согнуты в локтях, нога в сапоге с приостренным носком согнута в колене. На поясе у всадника изображен колчан. У лошади схематично показана голова с пышным начельным султаном, короткая шея с гривой, плотное туловище, короткие ноги и длинный хвост. Выделены поводья, нагрудный и подфейный ремни, разделенные на квадратные участки вертикальными черточками. Ноги и хвост соединены сплошной гори-

зонтальной литией (рис. 2, 3; 8; 10). В отношении дисков за плечами воинов было высказано предположение, что это округлые щиты (Худяков Ю.С., 1980, с. 146, Табл. L).

В 1982 г. Ю.А. Плотниковым были проанализированы известные к тому времени находки бронзовых бляшек с изображением всадников и пеших воинов из Забайкалья, Монголии, Минусинской котловины, Приобья и Прииртышья. Им были рассмотрены подобные бляшки с Северного Кавказа (Плотников Ю.А., 1982, с. 55-58). Позднее он отметил находку подобной бляшки, возможно, заготовки, обнаруженную в материалах средневекового Ходжента, схожие изображения на согдийской торевтике, согдийских и восточнотуркестанских фресках, и отнес «тюрко-согдийских всадников» к числу изделий согдийских ремесленников VII – VIII вв., выполнявших заказы знатных тюрок. Бляшка из Ходжента изображает всадника, сидящего верхом на лошади, идущей слева направо. У всадника на голове головной убор, шлем, колпак или башлык. Левая рука согнута в локте, в руке прямоугольный предмет, возможно, это жезл. Правая рука согнута в локте, а правая нога согнута в колене. С правой стороны у воина колчан, с левой – налучье, верхний конец которого виден за его оспиной. Лошадь изображена с крупной головой, короткой шеей, плотным туловищем, короткими ногами и длинным хвостом. У лошади на голове начельный султан, под нижней челюстью кисть – науз. Бляшка не детализована по реалиям, которые обозначены схематично. Возможно, это не доработанная мастером заготовка. Т.В. Беляева, при описании бляшки в каталоге, ошибочно указала, что у всадника «слева колчан, а в правой руке он, видимо, держит лук». Она отнесла бляшку в V – VI вв. (Древности Таджикистана, 1985, с. 327) (рис. 1, 1). В 1990 г. некоторые бляшки с изображением всадников из Минусинской котловины были рассмотрены в работе Ю.С. Худякова и Л.М. Хаславской. В качестве аналогии приведено изображение всадника на бронзовом зажиме для кисти из числа находок в Южной Сибири (Худяков Ю.С., Хаславская Л.М., 1990, с. 121).

В 1983 г. Н.А. Мажитовым при раскопках Бирского могильника в долине р. Белой на Южном Урале в погребении подростка была обнаружена бронзовая бляшка с изображением всадника. В 1994 г. она была опубликована в книге Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой. Эта бляшка, по мнению авторов изображает «тюрка». Она датирована VIII в. На бляшке изображен всадник, сидящий верхом на лошади, идущей слева направо. У него длинные волосы, руки согнуты в локтях. Левой рукой он держит повод, правая – поясе, к которому подвешен, вероятно, короткий клинок. За спиной верхний конец налучья. Всадник одет в длиннополый халат с оторочкой по нижнему краю и сапоги с острым носком. Он сидит поверх длинного чепрака, нижний край которого спускается острым углом ниже брюха лошади. У лошади массивная голова, короткая шея, крупное туловище, короткие ноги и длинный хвост. На голове у лошади показан распушенный, грибообразный султан, под нижней челюстью – длинная подшейная кисть – науз. Выделены короткие поводья и двойной подфейный ремень. Копыта всех четырех ног и нижний конец хвоста соединены сплошной горизонтальной линией (рис. 1, 5) (Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994, с. 113).

В 1996 г. Ю.П. Алехиным в ходе раскопок кургана «кимакской знати», в детском погребении на памятнике Кондратьевка IV в Рудном Алтае на территории Восточного Казахстана были найдены две бронзовые бляшки с изображением панцирных всадников. Обе бляшки практически идентичны за исключением наличия и размеров отверстий. Всадники изображены сидящими верхом на лошадях, идущих справа налево. На головах у них конические шлемы с наушами и султанами, на теле – длиннополые панцири, на ногах – мягкие, остроносые сапоги. Всадники держат обеими руками копье. На поясе у них подвешен меч или палаш в ножнах. За головой и плечами у всадников крупные диски. У лошадей изображены крупные головы, короткие шеи, плотные туловища, короткие хвосты. Передние ноги показаны раздельно, задние – вместе. На голове у каждой лошади выделена узда с поводом (рис. 4, 1, 2). Ю.П. Алехин датировал этот памятник IX – X вв. и отнес к культуре кимаков. Изображение «вооруженного всадника в панцирных латах с нимбом вокруг головы» он определил в качестве «Будды-воина» (Алехин Ю.П., 1998а, с. 202; Алехин Ю.П., 19986, с. 20; Алехин Ю.П., 2003, с. 6).

Эти находки особенно важны для определения функционального назначения бляшек, поскольку они были обнаружены в составе украшений головного убора погребенного ре-

бенка. Благодаря данным находкам установлено назначение одного из типов бляшек с изображением всадников. Вероятно, они могли использоваться не только в качестве украшений или оберегов для детей, но и взрослых людей.

Еще одна бронзовая бляшка, изображающая всадника, была обнаружена в 1980-х гг. при раскопках городища Канка и опубликована в материалах средневекового Чача (Буряков Ю.Ф., Филанович М.И., 1999, с. 86). Бляшка изображает воина, сидящего верхом на лошади, идущей слева направо. У всадника выделены черты лица, глаза, прямой нос, усы, рот, подбородок. На голове у него плотно облегающий головной убор, спускающийся на спину, или так показаны длинные, распущенные волосы. Всадник одет в верхнюю наплечную одежду с отворотами на груди. Его руки согнуты в локтях. Левой рукой он держит поводья. Нога согнута в колене, обута в остроносый сапог. К поясу с правого бока подвешен колчан. С левого бока подвешено налучье, верхний конец которого виден из-за спины. Воин сидит в седле поверх чепрака. Лошадь изображена с крупной головой, короткой шеей, плотным туловищем, короткими ногами и длинным хвостом. Все четыре ноги изображены раздельно. Левая задняя нога обломана. На голове у лошади начельный султан, узда с поводьями и подшейная кисть — науз. На туловище коня показаны нагрудный и подфейный ремни с кистями (рис. 1, 2).

Помимо изображений пеших воинов и всадников, в Восточном Туркестане, в районе г. Дуньхуан были обнаружены бронзовые бляшки с изображением взнузданных и заседланных лошадей, которые экспонируются в музее этого города. Лошади показаны идущими слева направо или справа налево. У них подчеркнута порода, крупная голова, короткая шея, поджарое туловище, выделены раздельно четыре ноги и длинный, украшенный в верхней части и расплетенный в нижней части хвост. На лошадях показана узда с натянутыми поводьями, седло с высокой передней и пологой задней луками и овальными полками ленчика, укороченный чепрак с закругленными концами, нагрудный и подфейный ремень (рис. 3, 5; 4, 4). На бляшках нет отверстий или петель для подвешивания. Вероятно, они располагались в составе набора парами, симметрично, идущими навстречу друг другу или в противоположные стороны (Худяков Ю.С., 1996, с. 185). В 2002 г. А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяковым была проанализирована серия средневековых бронзовых бляшек с территории Южной Сибири, выделены 5 групп и несколько типов изображений всадников, пеших воинов и лошадей (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002, с. 111-112). В 2003 г. В.В. Горбуновым были опубликованы находки бляшек из могильника Сростки (Горбунов В.В., 2003, рис. 36, 1,2). Ранее одна из этих бляшек неоднократно издавалась многими исследователями в довольно схематичных и не всегда точных прорисовках. В 2006 г. бирская бляшка была заново проанализирована Ф.А. Сунгатовым и Р.М. Юсуповым. Авторы описали условия местонахождения, привели ряд соображений в пользу древнетюркской принадлежности этой находки. Согласно их предположению, у всадника на бляшке изображено два налучья. По их мнению, такие бляшки носились в сумках, или мешочках, поскольку на них нет петель для подвешивания (Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М., 2006, с. 247-252).

Определение характерных особенностей нескольких стилистических групп бронзовых бляшек, изображающих пеших и конных воинов, а также лошадей без всадников позволило разграничить ареал, распространения подобных предметов, свойственных кочевническим культурам Центрально-Азиатского историко-культурного региона и сопредельных районов евразийских степей и оседло-земледельческих оазисов Средней Азии от подвесок, присущих населению других регионов и культурно-хозяйственных типов.

Бронзовые бляшки и подвески с изображением всадников, выполненные в иной стилистической манере, в эпоху раннего средневековья были распространены в культурах населения таежной зоны Западной Сибири и Урала. Эти предметы относятся к числу изделий, выполненных в традициях плоского ажурного литья (Воронцов В.В., 2001, с. 409-411; Полосьмак Н.В., 1990, с. 183-184; Чиндина Л.А., 1981, с. 90-91). Некоторые элементы этих изображений имеют черты сходства с центрально-азиатскими бляшками. Например, у отдельных бронзовых фигур всадников, найденных на памятниках культур таежной зоны в Западной Сибири ноги и хвост лошади или другого ездового животного соединены горизонтальной линией. Всадников изображали сидящих верхом не только на лошадях, но и на

лосях. Иногда фигуру всадника помещали на пластине в двойной раме. Данный персонаж исследователи связывали с образом одного из божеств угорского пантеона, «небесного всадника» Мир Суснэ-Хума (Полосьмак Н.В., 1990, с. 184). Бляшки с изображением всадников, сидящих верхом на лошадях, у которых морда, ноги и хвост соединены сплошной окантовывающей линией найдены в материалах культуры ранних болгар IX — XI вв. в Поволжье (Плетнева С.А., 1981, рис. 52, 59). Близкие по форме подвески были найдены в памятниках X — XI вв. в Карелии. На могильнике Челмужи на побережье Онежского озера четыре подобных подвески были обнаружены в женском погребении, у бедра погребенной женщины, исследователи связали эти находки с древностями финских племен и Прикамьем. Изображения были интерпретированы в качестве образа «всадницы на коне попирающей змея» (Древности северо-западной России, 1995, с. 107-108).

Еще одним районом распространения бронзовых бляшек, подвесок или амулетов с изображением всадников является Северный Кавказ. Большинство этих изображений выполнено очень схематично, почти лишено реалий. Иногда фигуры всадников заключены внутрь кольца или орнаментированы. Подобные амулеты или подвески характерны для комплексов VIII – IX вв. Исследователи связывают их с культурой аланов (Ковалевская В.Б., 1981, с. 227).

Все эти группы бляшек не связаны своим происхождением с Центральной Азией, а восходят к иным культурным традициям. Центрально-азиатские изображения всадников, пешего воина и лошадей были распространены в течение эпохи раннего средневековья на очень широкой территории от Урала до Забайкалья и от Минусинской котловины и Верхнего Приобья до Внутренней Монголии, Восточного Туркестана и Средней Азии. Судя по находкам они бытовали в культурах разных тюркоязычных кочевых народов. Они использовались в качестве украшений, нашивок, подвесок или амулетов и носились поразному в составе костюма или головного убора.

По характеру и стилистическим особенностям изображений, набору реалий среди бронзовых бляшек с изображением всадников, пешего воина и лошадей, бытовавших в культурах кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона выделяется несколько групп.

Первая группа включает бляшки, изображающие легковооруженных всадников, едущих верхом на лошадях слева направо. Всадники изображены сидящими верхом на лошадях, показанных в профиль. Голова и корпус всадников развернута в пол-оборота или анфас. У них показаны головные уборы или длинные распущенные волосы или голова без наголовья. Всадники одеты в длиннополые халаты с треугольными отворотами на груди. И обуты в остроносые мягкие сапоги. На некоторых бляшках одежда не выделена. Направо боку у воинов изображен колчан с длинным, расширяющимся книзу или наоборот кверху приемником. Лишь на чикойской бляшке с правого бока всадника изображен палаш с кольцевым навершием. На бляшках из Ходжента, Чача, Южной Гоби, Дурен и Бирского могильника за спиной у всадников показан изогнутый верхний конец налучья. На бляшках из Минусинского музея налучий нет. Всадники сидят на длиннополых чепраках, спускающихся нижним краем до живота лошади, а на Бирской бляшке еще ниже, до уровня колен коня. Лишь на двух бляшках чепраки не выделены. Лошади показаны в профиль, идущими слева направо. У них выделена голова, шея, туловище, все четыре ноги и хвост. На большей части бляшек показана узда, начельный султан и подшейная кисть, поводья, нагрудный и подфейный ремни. У ходжентской бляшки нет поводьев и седельных ремней, на минусинской бляшке нет науза.

При наличии многие сходных черт между бляшками между бляшками данной группы имеются существенные различия, на основании которых среди них выделяется два типа.

Тип. 1. Бляшки с изображением всадников, с оружием, едущих верхом на лошадях, без выделенного основания – горизонтальной полосы, соединяющей четыре ноги и хвост лошади. К данному типу относится три экземпляра находок из местонахождения Дурены на реке Чикой в Забайкалье, Чача и Ходжента. Чачская и Чикойская находки являются наиболее детально проработанной среди бляшек данного типа.

У всадника показаны черты лица, отвороты халата, обшлага на рукаве. На Чикойской находке показана оторочка нижнего края подола халата и сапог с голенищем. У всех трех

находок из-за спины всадников выделяется верхний конец налучья с луком. У всадников из Чача и Ходжента с правого бока показаны колчаны, у Чикойского воина — палаш с кольцевым навершием. У всех трех фигур на голове лошади показан развевающийся по ветру пышный начельный султан, а под нижней челюстью — науз. На лошадях на бляшках из Чача и Чикоя выделена узда с поводьями, чепрак, нагрудный и подфейный ремни. На бляшке из Чача на нагрудном и подфейном ремнях подвешено по две кисти (рис. 1, 1, 2, 4; 5, 3).

Судя по степени детализации изображения, ходжентскую находку можно считать исходной заготовкой, чачскую — полностью доработанной бляшкой. На чикойской находке, которая является репликой с образцов согдийских ремесленных изделий внесены некоторые изменения, палаш вместо колчана, нет кистей на седельных ремнях, ноги лошади разъединены, длинный хвост развевается по ветру (рис. 1, 4).

Тип 2. Бляшки с изображением всадников с оружием, едущих верхом на лошадях, ноги и хвост которых соединены сплошной горизонтальной линией. К данному типу относятся четыре экземпляра находок: из Южной Гоби, из Бирского могильника и две бляшки из Минусинского музея. Всадники на южногобийской и бирской бляшках показаны с непокрытой головой и длинными, распущенными волосами. На южногобийской бляшке волосы всадника развеваются по ветру на уровне его плеч. У воина на бирской бляшке волосы спускаются до крупа лошади. У всадника на крупной минусинской бляшке изображено вытянутое, европеоидное лицо, а на голове низкая, орнаментированная вертикальными черточками, шапочка, напоминающая тюбетейку. У всадника с другой минусинской бляшки показана округлая голова и схематично нанесены черты лица. У бирского воина выделены узкие глаза, прямой нос, длинные усы и небольшой рот. Одежда и обувь всадников моделирована на крупной минусинской и бирской бляшках. У минусинского всадника в головном уборе показаны отвороты халата, у бирского – обшлага рукавов и оторочка подола. У обоих всадников выделены остроносые сапоги с короткими голенищами. У трех всадников с правого бока показаны однотипные колчаны с расширяющимися книзу приемником, наклонно подвешенные к поясу. Воины держат ладонь правой руки на горловине колчана. У бирского всадника колчан не выделен, на какой-то предмет, вероятно, был изображен в подобном положении, наклонно подвешенным к поясу, а рука воина его касалась. Но в этой части изображение сохранилось не очень четко. У южногобийского и бирского всадников изображены верхние концы налучий. У южногобийского воина налучье выступает из-за его локтя, у бирского – упирается в хвост лошади. Всадники сидят поверх чепраков. На южногобийской и крупной минусинской бляшках они показаны с оторочкой. На бирской бляшке нижний край чепрака спускается ниже живота лошади. На головах лошадей показаны начельные султаны. На южногобийской бляшке султан показан развевающимся, подобно бляшкам первого типа. У трех других бляшек султаны изображены распушенными. На трех бляшках показаны подшейные кисти. На южногобийской и бирской они крупные, свисающие вниз. На крупной минусинской бляшке кисть небольшая, прикреплена к подчелюстному ремню. На этой же бляшке хорошо выделена узда. На всех бляшках, кроме южногобийской имеются поводья. На груди и крупах лошадей показаны седельные ремни. Только на уменьшенной минусинской бляшке эти ремни украшены накладками (рис. 1, 3, 5; 2, 1, 3).

Различия между бляшками данного типа довольно отчетливые. Наиболее детально проработанной является крупная минусинская бляшка, наиболее схематичной — уменьшенная бляшка из Минусинского музея. По характеру прически они заметно отличаются от бляшек первого типа первой группы. Южногобийская и бирская бляшки имеют с ними больше сходства. У всадников подчеркнута та же этнографически значимая черта, как длинные распущенные волосы. По этому признаку они очень схожи с бляшками первого типа. Большое сходство между первым и вторым типами бляшек в отношении абриса фигур всадника и коня, по набору реалий костюма и снаряжения всадника и убранства коня. Наличие горизонтальной полосы, соединяющей ноги и хвост лошадей у бляшек второго типа является функционально обоснованным элементом, поскольку препятствует зацеплению за края одежды. На чачской бляшке одна из задних ног лошади облома-

на. Вероятно, это могло произойти в процессе ее использования в качестве нашивной бляшки (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2002, с. 110-113).

Ко второй группе можно отнести бляшки с изображением всадников с диском за спиной. Воины изображены сидящими верхом на заседланных и взнузданных лошадях в защитном облачении и с оружием в руках. Характерной особенностью этих бляшек является изображение круглого дисковидного предмета за головой, плечами и спиной всадников. На бляшке из Прииртышья этот предмет изображен двойным. Крупный диск увенчан вторым меньшим по размерам диском с отверстием в центре. На разных бляшках расположение и пропорции диска по отношению к фигуре всадника различаются. На некоторых бляшках верхний край диска расположен на уровне плюмажа на навершии шлема, а справа и слева на уровне предплечья или локтей воинов у ряда бляшек верхний край диска заметно выше навершия шлема. На гилевской бляшке нижний край диска доходит до поясницы воина. Большинство исследователей, касавшихся интерпретации этой детали, вслед за С.В. Киселевым, считают диск изображением нимба, связывают его происхождение с культурой Сассанидского Ирана, Согда и Восточного Туркестана и влиянием буддизма и манихейства (Могильников В.А., 1981, с. 44-45). Ю.П. Алехин в соответствии с такой трактовкой само изображение всадника определил в качестве «Буддывоина» (Алехин Ю.П., 1998a, с. 202). Одним из авторов данной статьи это изображение определено в качестве округлого щита (Худяков Ю.С., 1980, с. 130).

По наличию таких признаков, как оружие ближнего или дистанционного боя в руках у всадников среди бляшек данного типа можно выделить два типа.

Тип. 1. Бляшки с изображением панцирных всадников-копьеносцев, с клинками на поясе, едущих верхом на лошадях. К данному типу относится 8 экземпляров находок из следующих местонахождений: Колмаково в Минусинской котловине; Сростки из Верхнего Приобья; Кондратьевка IV, к. 2, м. 2 в Степном Алтае; Семипалатинск, Прииртышье в Восточном Казахстане. Все бляшки, относящиеся к данному типу, по манере исполнения и набору реалий очень похожи, за исключением некоторых деталей и, вероятно, выполнены по одному образцу. На головах у воинов изображены шлемы сфероконической формы с наушами и назатыльником. На навершии шлемов из Кондратьевки показаны округлые плюмажи. У воина с бляшки, найденной в Прииртышье, изображен сферический шлем без наушей с небольшим шариком-навершием и выступающим приостренным наносником. На колмаковской бляшке шлем выделен не очень четко. На одной из сросткинских находок у шлема показано высокое коническое навершие с кисточкой. У воинов с прииртышской, кондратьевских и семипалатинской бляшек изображено лицо с характерными чертами, дуговидными бровями, глазами, носом ртом, пухлыми щеками и овальным подбородком. На колмаковской и сросткинских бляшках лица воинов не детализированы, или сгладились от длительного употребления этих предметов. Воины изображены в длиннополых панцирях. На прииртышской бляшке показаны крупные квадратные пластины на всей площади доспеха, включая покрытие корпуса, подол и рукава. У бляшки из Семипалатинска квадратные пластины изображены только на нагрудной части панциря. У одной из кондратьевских бляшек панцирное покрытие также состоит из квадратных пластин. На других бляшках покрытие панциря изображено в виде вертикальных полос. Лишь на одной из сросткинских бляшек детали панциря вообще не выделены. На ногах у всадников изображены остроносые, вероятно, мягкие кожаные сапоги. Прииртышский всадник изображен продевшим ногу в стремя. У остальных воинов стремена не выделены. Все всадники держат в обеих руках колья наперевес. У большей части фигур воинов, они правой рукой держат древко в верхней части, а левой в нижней, словно изображены левши. Лишь в одном случае, когда всадник показан едущим на лошади слева направо, он удерживает копье левой рукой, а направляет правой (Савинов Д.Г., 1976, Таб. І, 1). У всех конных копейщиков древко копий показано равным по длине туловищу лошади от уха до крупа. Наконечники копий выделены недостаточно четко. Они плоские, широкие, с затупленным, или приостренным острием. На поясе у всадников изображены прямые клинки в ножнах, мечи, или палаши. В отдельных случаях выделено, ромбовидное, или ладьевидное перекрестье и полукруглое навершие. Нижний конец ножен имеет небольшое расширение. Лошадь изображена в профиль, идущей справа налево, а в одном случае – слева направо (Савинов Д.Г., 1976, таб. І, 1). У коней показана непропорционально крупная голова с приостренным ухом. На некоторых бляшках она изображена более детально: глаза, ноздри, губы. У всех лошадей очень короткая, массивная шея, плотное укороченное туловище и короткие ноги. Передние ноги у лошадей показаны раздельно, а задние вместе. У наиболее детально проработанной прииртышской бляшки изображены копыта, правая передняя нога коня согнута в коленном суставе, правая задняя выступает из-за левой. У остальных бляшек копыта лошадей четко не выделены, они напоминают широкие ступни. Хвосты лошадей показаны короткими, развевающимися. Очевидно, что кони изображены в движении. У одной из сросткинских бляшек задние ноги и хвост лошади обломаны. На приртышской и кондратьевских бляшках лошади изображены взнузданными. У них выделена узда с нащечными, налобным, наносным, затылочным и подшейным ремнями и поводьями. У всех других бляшек показаны только поводья. Голова коня семипалатинской бляшки обломана, но уцелели поводья. На прииртышской бляшке на спине у коня показан чепрак (рис. 1, 6; 2, 2; 3, 1, 2; 4, 1, 2; 5, 1, 2).

Тип 2. Бляшка с изображением всадника – лучника, едущего верхом на лошади, слева направо. К данному типу относится одна находка, обнаруженная в степном Алтае, при раскопках памятника Гилево XII, к. 1 (Могильников В.А., 2002, с. 31). Бляшка, вероятно, сохранилась не полностью. У коня обломаны ноги и хвост. Всадник изображен сидящим верхом на лошади и натягивающим тетиву лука с настороженной стрелой. Лицо всадника показано в профиль. Выделен правый глаз, крупный нос и подбородок. На голове у лучника показан островерхий головной убор. Вероятно, это шлем конической формы с бармицей. Левой рукой воин держит кибить лука, правой натягивает тетиву со стрелой. Лук изображен с круто выгнутыми плечами и загнутыми концами. Несомненно, это сложносоставной, рефлексирующий лук. На древке стрелы показан наконечник удлиненноромбической формы. Всадник натягивает тетиву, несколько наклонив верхний конец лука вперед, так словно он собирается поразить цель, которая находится ниже его. Может быть он метит в пешего противника. С правого бока всадника изображен колчан с расширенным книзу приемником. Горловина колчана изображена поверх натягиваемой тетивы лука. Такого в реальности быть не могло. Вероятно, это условный изобразительный прием, или ошибка мастера. За спиной у воина показан крупный диск, размером в половину роста фигуры человека. У лошади изображена крупная голова, короткая шея и поджарое туловище. На голове лошади выделена узда с поводьями, на груди и крупе – нагрудный и подфейный ремни. На подфейном ремне выделена подвесная бляшка (рис. 3, 3).

К третьей группе относятся бляшки с изображением всадников – лучников, скачущих на лошадях, без дисков за спиной. Среди таких бляшек выделяется два типа.

Тип 1. Бляшка с изображением всадника лучника, скачущего справа налево с луком в левой руке. К этому типу относится одна находка из раскопок бугровщиков в могилах «между Обью и Иртышом». Бляшка сохранилась не полностью. Задние ноги лошади обломаны. Всадник изображен сидящим верхом на коне. На голове у него островерхий головной убор. Вероятно, это шлем. Черты лица, глаза и нос, едва намечены. Правой рукой он, видимо, держит поводья. В левой руке, согнутой в локте, воин держит лук. Кибить лука изогнута. Вероятно, это сложносоставной, рефлексирующий лук. Тетива лука не выделена. Левая нога всадника изображена непропорционально короткой, в остроносом сапоге. У лошади изображена крупная голова, глаз, ухо, короткая шея и поджарое туловище. Передние ноги коня вытянуты. На них выделены копыта. Задняя левая нога обломана на уровне коленного сустава. Хвост лошади очень короткий. Возможно, что он также обломан. На коне показаны поводья, нагрудный и подфейный ремни (рис. 3, 4).

Тип 2. Бляхи с изображением всадников, скачущих верхом на лошадях и стреляющих из луков, обернувшись назад. К данному типу относятся 4 бляхи из кургана № 6 Копенского чаатаса в Минусинской котловине (Евтюхова Л.А.,1948, рис. 87, 88; Евтюхова Л.А., Киселев С.В.,1940, с. 50). Часть копенских блях сохранилась не полностью. У одной из них обломана часть фигуры всадника, у других правая, или левая передние ноги лошади. Эти бляхи парные. Две из них изображают всадников, скачущих справа налево, две другие – слева направо. Реалии, изображенные на тех и других бляхах несколько различаются, хотя во всех случаях изображен один и тот же персонаж. Всадники изображены без

головных уборов. Их длинные, до плеч, волосы перетянуты повязкой, затянутой узлом. Лицо повернуто в профиль. Выделен миндалевидный глаз, выступающий нос, пухлые щеки и рот. Всадники показаны несколько нагнувшимися к шее лошади и обернувшимися назад. Их ноги согнуты в коленях. Всадники одеты в плотно облегающие тело кафтаны с длинными, до запястья, узкими рукавами и коротким подолом выше колен. Края подола кафтана развеваются по ветру. На ногах у них узкие длинные штаны и мягкие сапоги. Ступни продеты в стремена. Со времен интерпретации Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева, считается, что ноги всадников от голеностопа до колена защищены накладными щитками - поножами (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940, рис. 54). Конные стрелки держат в руках и натягивают луки с настороженными стрелами. Всадники, скачущие справа налево правой рукой держат кибить лука, а левой натягивают тетиву. Те всадники, кто скачет слева направо, левой рукой держат лук, а правой натягивают тетиву. У них в руках сложносоставные рефлексирующие луки и стрелы с ромбическими наконечниками. На правом боку у всадников, скачущих слева направо, изображены колчаны с длинными, расширяющимися книзу приемниками и неширокими карманами. Лошади показаны мчащимися во весь опор от гонящихся за ними тигров. У них изображены небольшие головы, короткие шеи с подстриженными гривами, плотные туловища, короткие ноги и завязанный узлом хвост. На головах у коней выделены острые уши, короткая челка, глаза, ноздри, приоткрытые пасти. На ногах выделены массивные копыта. Все лошади оседланы и взнузданы. У них выделены уздечки с поводьями и чумбуром, седла с невысокой передней лукой поверх мягких чепраков с меховой оторочкой и стремена с округлым проемом. Изображены нагрудный и подфейный ремни с подвешенными к ним парными крупными кистями. С обеих сторон от задней части седел развеваются длинные ремни (рис. 2, 4; 4, 3).

Копенские рельефные бляхи отличаются от всех остальных изображений всадников повышенной экспрессивностью в изображении в передаче мчащихся лошадей и стреляющих всадников. В отличие от остальных бляшек, они входили в состав композиций, включавших целый набор изображений бегущих животных, а также гор и облаков. Центральной частью этих композиций, изображавших богатырскую охоту, были стрелки, метившие в прыгающих за ними тигров. Согласно убедительной реконструкции Л.А. Евтюховой и С.В. Киселева, эти композиции украшали передние луки седел, а изображенные сюжеты воспроизводили сасанидскую царскую охоту (Евтюхова Л.А., 1948, рис.87, 88; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940, с. 50).

К четвертой группе относится бляшка с изображением пешего лучника в защитном облачении с диском за спиной. Она соответствует отдельному типу данной группы.

Тип 1. Бляшка с изображением пешего тяжеловооруженного лучника. К этому типу относится одна находка из Кулундинского в степном Алтае. Воин изображен в коническом шлеме и длиннополом ламеллярном панцире. На навершии шлема находится петля, за которую бляшка подвешивалась. Лицо воина показано не очень четко, но можно различить глаз, нос и рот. Правой рукой воин держит кибить лука, а левой натягивает тетиву с настороженной стрелой. Лук показан сложносоставным рефлексирующим с выгнутыми плечами и загнутыми концами. Стрела с ярусным наконечником. Панцирь изображен от уровня груди воина до колен. На левом боку у лучника изображен наклонно подвешенный колчан с расширенным к днищу приемником. На ногах у него мягкие остроносые сапоги (рис. 3, 6).

К отдельной пятой группе можно отнести бляшки, изображавшие оседланных лошадей без всадников. Эти бляшки выделяются в самостоятельный тип.

Тип 1. Бляшки с изображение заседланных и взнузданных лошадей. В число находок данного типа входит 6 бляшек из музея г. Дуньхуан в Китае. Лошади показаны в профиль, идущими слева направо, или справа налево. Вероятно, парные, противоположно ориентированные, бляшки входили в состав одного набора. У лошадей показана крупная голова, приостренное ухо и миндалевидный глаз, короткая шея и плотное туловище. Все четыре ноги изображены раздельно. Копыта выделены только на задних ногах, а на передних они похожи на ступни. Одна из передних и одна из задних ног согнуты в коленном суставе. Кони изображены в движении иноходью. У них показаны длинные заплетенные вверху и распущенные кистью хвосты. На головах у коней выделены уздечки с нащечны-

ми, налобными, наносными и подшейными ремнями и длинным поводом, натянутым до седла. На спине у лошадей показаны небольшие седла с жестким остовом, пологими передней и задней луками и овальной полкой ленчика. Седла укреплены поверх небольших, овальных чепраков. Чепраки удерживаются на теле лошадей с помощью широких нагрудных и подфейных ремней, украшенных бляшками и узкого подпружного ремня (рис. 3, 5; 4, 4).

Хронология, культурная принадлежность и назначение этих бляшек, происхождение и семантика изображений всадников на средневековой торевтике кочевников Центральной Азии в прошлом неоднократно привлекали внимание специалистов.

Среди находок таких бляшек имеются предметы из достаточно хорошо датированных археологических комплексов, в том числе из раннесредневековых согдийских городов, курганов и могил кочевнических культур. Находки бляшек с изображением всадников, относящихся к первому типу первой группы, в культурных слоях в согдийских городах Ходжент и Чач, датирующихся VII – VIII вв., позволяет отнести подобные бляшки к периоду существования Западного Тюркского каганата (Древности Таджикистана, 1985, с. 327). В свое время Ю.А. Плотниковым было высказано предположение о среднеазиатском происхождении подобных нашивных украшений. В пользу этого утверждения свидетельствует находка полуфабриката, первичной бронзовой отливки без последующей доработки, в Ходженте; а также наличие очень схожего, но более детально проработанного изображения всадника на медальоне серебренной чаши среднеазиатского ремесленного изготовления, с нанесенной хорезмийской надписью, обнаруженной в составе Шахаровского клада в Пермской области; также, как и наличие многочисленных, схожих по стилю изображений всадников и пеших воинов на фресках Средней Азии и Восточного Туркестана. К числу предполагаемых прототипов бронзовых бляшек данной группы следует добавить изображение знатного всадника на фреске из средневекового Самарканда (Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с. 74; табл. 35, 3). Благодаря большой точности в передаче всех деталей изображения на фресковой живописи имеется прекрасная возможность уточнить все основные реалии на бронзовых бляшках, передающих всадников. Знатный всадник на рисунке с самаркандской фрески изображен сидящим верхом на лошади, развернув корпус в полоборота. Его ноги слегка согнуты в коленях. Левой рукой он держит поводья, а в его правой руке, согнутой в локте, находится жезл. К поясу всадника, с его левого бока, подвешен палаш в ножнах и лук в налучье. На голове у него невысокая цилиндрическая шапочка с уплощенным верхом – «тюбетейка». Она украшена полосками орнамента и розеткой. Всадник одет в роскошный длиннополый халат и короткий плащ – накидку. На ногах у него мягкие, остроносые сапоги. Всадник сидит на лошади поверх чепрака, окаймленного орнаментированной полосой. Лошадь идет слева направо. У коня коротко пострижена грива, выделена челка, длинный хвост перехвачен и стянут посредине своей длины. На голове у лошади узда, украшенная округлыми бляшками и тройниками-распределителями. На налобном ремне укреплен конический начельный султан с длинной, крупной, распушенной кистью. На наносном ремне узды также находится невысокий султанчик с небольшой распушенной кисточкой. К подчелюстному ремню узды подвешен науз с пышной кистью. Еще две кисти прикреплены к затылочному ремню и свисают с обеих сторон головы коня. С обеих сторон от груди и крупа коня к нагрудному и подфейному ремням подвешены крупные кисти. На всех четырех ногах у лошади повязаны ленты (рис. 6). Рисунок самаркандского всадника исследователи считают изображением главы иноземного посольства (Распопова В.И., Шишкина Г.В., 1999, с. 74). Это и некоторые другие изображения согдийских всадников имеют значительное стилистическое сходство с изображениями всадников на бляшках первой группы. Как справедливо отмечали по этому поводу Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель, «согдийская торевтика черпала свои сюжеты из монументальных росписей и тканей» (Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И., 1982, с. 242). Изображения всадников на фресках, подобные рисунку знатного кавалериста из Самарканда, могли быть образцами для изображений конных воинов на бляшках первого т второго типов первой группы. Можно отметить большое сходство в позе всадника, сидящего верхом на медленно идущем коне, в наборе оружия и снаряжения, в убранстве коня. У всадников на бронзовых бляшках показаны налучья,

подвешенные к поясу с левого бока. Поскольку всадники изображены правой стороной, то у них виден только верхний конец налучья, выступающий из-за спины ездока. Всадник на более крупной, чем остальные, минусинской бляшке, изображен с тюбетейкой на голове, похожей на головной убор самаркандского «посла», а в руках у него изображен предмет, похожий на жезл. На всех бляшках на спинах у лошадей показаны чепраки, с выделенной иногда оторочкой по краю. Изображения подвесных кистей нагрудных и подфейных ремней, начельных султанов и наузов на бронзовых бляшках очень похожи на украшения сбруи самаркандского всадника. На некоторых бляшках начельные султаны показаны распушенными, также как и у лошади самаркандского «главы посольства». На бляшке из Чача на нагрудном и подфейном ремнях изображены подвесные кисти, аналогичные убранству коня самаркандского всадника. В согдийской и восточнотуркестанской изобразительной традиции, присущей фресковой живописи, находят аналогии изображения верхней одежды – халатов в с треугольными отворотами на груди, показанные у всадников на бронзовых бляшках из Минусинска, Чача и Чикоя. Наличие этих сходных элементов в изображениях на бляшках и фресках дает основание согласиться с высказывавшимся ранее мнением о том, что исходные образцы бляшек первого типа первой группы изготавливались в согдийских ремесленных центрах, при этом согдийские мастера ориентировались на вкусы согдийской и древнетюркской военно-служилой знати. Изделиями среднеазиатских мастеров можно считать не только ходжентскую заготовку, но и чачскую, и чикойскую бляшки. На чикойской бляшке выделяются длинные, распущенные волосы и длинные усы, столь характерные для согдийской живописи древнетюркские отличительные признаки. Среди центральноазиатских и южносибирских находок среднеазиатское происхождение должна иметь более реалистичная крупная минусинская бляшка всадника в тюбетейке. Появление горизонтальной полосы, соединявшей хвост и копыта лошади на бляшках, вероятно, можно считать относительно более поздним признаком по сравнению со свободным расположением лошадиных ног. Помимо крупной минусинской бляшки, такие полосы имеются на второй малой минусинской и гобийской бляшках и находке из Бирского могильника. Гобийскую и малую минусинскую бляшки, изображения на которых отличаются схематизмом и стилизацией деталей, можно считать местным кустарным подражанием чикойскому прототипу. У гобийского и бирского всадников показана древнетюркская прическа, а у последнего выделены и длинные усы. Все это позволяет отнести время распространения бляшек первого и второго типов первой группы ко времени Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов, VI – VII вв. Впрочем, специалисты по средневековой археологии Южного Урала датировали бирскую бляшку VIII в. (Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994, с. 113). Однако, эта датировка может относиться ко времени совершения захоронения, а не изготовления бляшки. В пользу того, что традиция использовать бляшки с изображением всадников появилась в период Первого Тюркского каганата, в какой-то мере свидетельствует обширная территория их распространения от Забайкалья до Южного Урала. Никогда в течение последующей эпохи раннего средневековья эта территория не входила в состав одного и того же политического объединения кочевников. Эти украшения пользовались определенной популярностью в древнетюркской среде, поэтому их пытались изготавливать и местные древнетюркские и кыргызские мастералитейщики. К числу таких кустарных копий должны относиться гобийская бляшка, воспроизводящая образец наподобие чикойского, или бирского, и малая минусинская бляшка, изготовленная в подражание крупной минусинской бляхе. Вероятнее всего, малую минусинскую бляшку можно отнести ко времени господства восточных тюрек в Минусинской котловине в начале VII в., когда местное население находилось под сильным влиянием древнетюркской культуры (Худяков Ю.С., 1979, с. 206).

Бляшки с изображением панцирных всадников с диском за спиной, относящиеся к первому и второму типам второй группы и третьей группе, относятся к иной изобразительной традиции. Вероятно, такие бляшки, как показывает находка в кимакском детском погребении на памятнике Кондратьевка в степном Алтае, должны были использоваться в составе украшений парами. Несколько необычно, что на детском головном уборе из Кондратьевки присутствовало две совершенно одинаковых бляшки, ориентированных в одну и ту же сторону. Более естественным было бы их симметричное рас-

положение, при котором всадники едут в противоположные стороны, навстречу друг другу. В культурах предшествующего хунно-сяньбийского времени такое расположение бляшек вполне обычно. Считается, что они могли служить в качестве амулетовоберегов (Вадецкая Э.Б., 1992, с. 242).

Рассмотренные разнотипные бляшки с изображением панцирных всадников с дисками за спиной обнаружены на территории распространения культур енисейских кыргызов и кимаков. Они были характерны для торевтики этих культур в IX – X вв. Вполне возможно, что традиция использования изображений воинов в качестве подвесок восходит к древнетюркской культуре. Однако, в качестве непосредственных прототипов для этих изображений послужили не древнетюркские бляшки, а изображения панцирных всадников на фресках Восточного Туркестана. Подобные изображения всадников в полном защитном облачении, в шлемах и панцирях, имеются на средневековых фресках Кызыла и Тимшука (Le Coq A., 1925a, таf. F, abb.1; Le Coq A., 1925b, fig. 32, 33, 50). По представлению некоторых ученых, изображения воинов на таких амулетах-оберегах могли ассоциироваться с образами защитников истинной веры, святыми воинами, что было характерно для мировых вероучений, манихейства и буддизма (Алехин Ю.П., 1998, с. 203). В Саяно-Алтай эта мода на канонические изображения воинов на металлических украшениях могла проникнуть в IX в. после походов кыргызских войск в Восточный Туркестан и знакомства отдельных представителей высшей знати Кыргызского каганата с основами этих прозелитарных мировых религий. В свою очередь, кимаки могли воспринять эти сюжеты у кыргызов. При этом изображение диска за головой и плечами воина передавалось вполне реалистично, в качестве щита, откинутого на ремне за спину, в походном положении, в то время как обе руки копьеносца были задействованы для того, чтобы держать древко копья. Поэтому диски за спиной некоторых воинов изображены очень большими, прикрывающими весь корпус воина от навершия шлема до пояса. Такое объяснение не исключает исходного иранского происхождения данного сюжета и его связи с митраизмом, а также возможности тюркского влияния для его распространения в угорской этнической среде.

Бляшки с изображением скачущих всадников – лучников, стреляющих, обернувшись назад, в гонящихся за ними тигров, как было убедительно показано Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым, передают сцены богатырской, или царской охоты, которые восходят к аналогичным сюжетам на торевтике Сасанидского Ирана. Однако, в культуре енисейских кыргызов данный сюжет был воспринят не непосредственно из Ирана, а из искусства Танского Китая, о чем свидетельствуют детали оформления гор и облаков на копенских рельефах (Евтюхова Л.А., 1948, с. 51). Для торевтики культуры древних тюрок подобный сюжет не характерен. Однако, сцены богатырской охоты известны на древнетюркских петроглифах и на гравировках на седельных костяных пластинах из могильника Кудыргэ в Горном Алтае (Гаврилова А.А., 1965, с. 35). В памятниках торевтики культуры кимаков сцены богатырской охоты не представлены. Однако, в кимакских комплексах имеются бронзовые бляшки с изображением всадников – лучников, которые можно считать упрощенной трактовкой эпического богатыря – охотника (Могильников В.А., 2002, с. 31).

К числу предметов культуры енисейских кыргызов эпохи «великодержавия» ІХ – Х вв. в Восточном Туркестане могут относиться бляшки с изображением взнузданных и оседланных лошадей из Дуньхуана (Худяков Ю.С., 1996, с. 185). По особенностям профильных фигур лошадей и конского убранства эти бляшки заметно отличаются от подобных изображений древнетюркского времени, но имеют схожие элементы с кыргызскими и кимакскими подвесками. Вероятно, изображения лошадей, также как и панцирных всадников, были парными, поскольку среди них представлены совершенно одинаковые фигуры, ориентированные в противоположные стороны.

Появление бронзовых бляшек с изображением всадников в составе предметного комплекса культуры древних тюрок является одним из конкретных проявлений тюркско-согдийского культурного симбиоза, выразившегося в восприятии тюрками согдийского изобразительного сюжета и использовании в качестве украшения полюбившихся изображений воинов, которые согдийские мастера стали оформлять в соответствии со вкусами тюркской кочевой знати. Со временем подобные бляшки стали отливать и древне-

тюркские мастера. Вероятно, под влиянием древних тюрок такие украшения получили распространение среди енисейских кыргызов и кимаков. Подобным образом кыргызами был освоен и переработан, иранский по своему происхождению, сюжет богатырской охоты, заимствованный через китайцев. Ко времени своего распространения на Енисее этот сюжет стал фактически трансазиатским. Изображение панцирного всадника было воспринято кыргызами в эпоху «великодержавия» в Восточном Туркестане, однако наибольшее распространение этот сюжет получил среди кимаков.

Для средневековых кочевников образ конного воина и охотника был вполне понятным и привлекательным, отвечающим военно-дружинному жизненному идеалу. Поэтому он охотно заимствовался, видоизменялся и адекватно воспринимался средневековыми номадами, поскольку соответствовал кочевнической культурной традиции.

Литература

- 1. Алехин Ю.П. Курган кимакской знати в Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 201 203.
- 2. Алехин Ю.П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. І. С. 12 20.
- 3. Алехин Ю.П. Рудный Алтай в эпоху средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. І. С. 3 9.
- 4. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение средневековых бронзовых бляшек с изображением всадников в Южной Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 102 115.
- 5. Буряков Ю.Ф., Филанович М.И. Чач и Илак // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 78 92.
- 6. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифосарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 236 246.
- 7. Волков В.В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1965. № 130. С. 286 288.
- 8. Воронцов В.В. Бронзовые изображения всадников I начала II тыс. н.э. с территории Обь-Иртышья // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 409 – 411.
- 9. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 110 с.
- 10. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III XIV вв. Ч. І. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.
- 11. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. № 2. 12 с.
- 12. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 48. 160 с.
- 13. Де Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1735. М., 1937. 662 с.
- 14. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.
- 15. Древности северо-западной России: Каталог выставки. СПб., 1995.
- 16. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985. 343 с.
- 17. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.
- 18. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у села Копены // Труды Государственного исторического музея. Сборник статей по археологии СССР. М., 1940. Вып. XI. С. 21 54.
- 19. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. 247 с.
- 20. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по истории СССР. М.; Л., 1949. № 9. 362 с.
- 21. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Атлас. Томск, 1886. 21 табл.

- 22. Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 224 228.
- 23. Левашова В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939. 68 с.
- 24. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. 360 с.
- 25. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.
- 26. Михно П.С., Петри Б.Э. Чикойский всадник // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания Российской ассоциации научных институтов общественных наук. М., 1929. Т. IV. С. 323 328.
- 27. Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981а. С. 132 133.
- 28. Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981б. С. 45 46.
- 29. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX XI веках. М., 2002. 362 с.
- 30. Молодин В.И., Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. С. 38 57.
- 31. Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991. С. 125 128.
- 32. Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 143 154.
- 33. Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 77 80.
- 34. Плотников Ю.А. О предназначении литых фигур, изображающих всадников // Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1982. С. 55 59.
- 35. Полосьмак Н.В. Мир-Сусне-Хум небесный всадник // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 180 191.
- 36. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье. М., 1982. 288 с.
- 37. Распопова В.И., Шишкина Г.В. Согд // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 50 77.
- 38. Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX –X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 94 104.
- 39. Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 175 190.
- 40. Сунгатов Ф.А., Юсупов Р.М. Бронзовая фигурка всадника с Южного Урала // Южный Урал в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 246 256
- 41. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41 61.
- 42. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. 240 с.
- 43. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 194 206.
- 44. Худяков Ю.С. вооружение енисейских кыргызов VI XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.
- 45. Худяков Ю.С. Кыргызы в Восточном Туркестане // Кыргызы. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1996. С. 180 194.
- 46. Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. Иранские мотивы в средневековой торевтике Южной Сибири // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990. С. 118 125.
- 47. Чиндина Л.А. Изображения воинов из среднего Приобья // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 87 97.
- 48. Aspelin J.R. Tipes de peoples de I, ancienne Asie Centrale . Helsingfors, 1890.
- 49. Von Le Coq A. Die Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925.
- 50. Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquites prechistoriques de Minoussinsk conservees chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Chapitres d archeologie siberienne. Helsingfors, 1917.

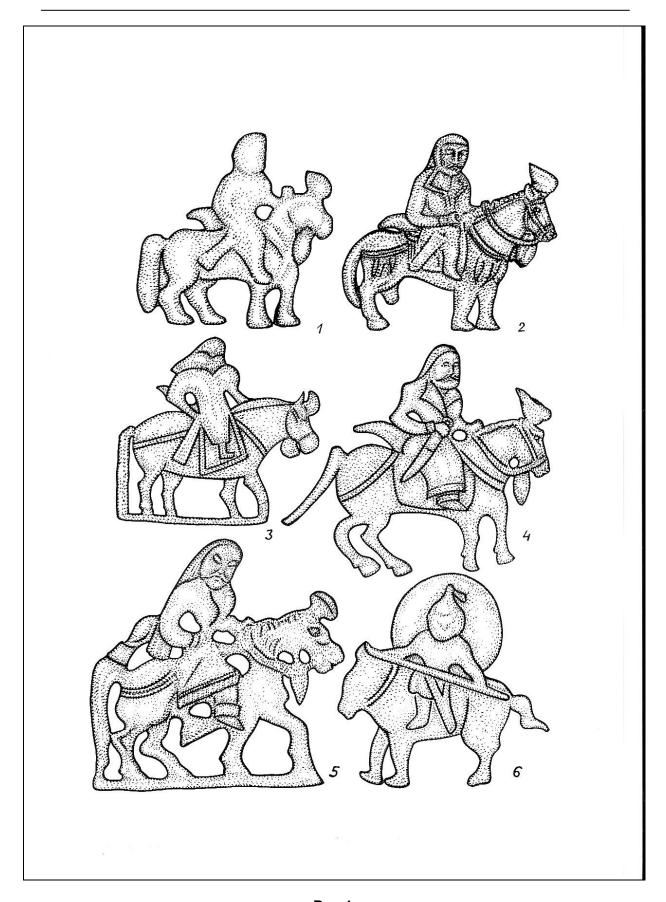

Рис.1 Бляшки с изображением всадников: 1 – Ходжент, 2 – Чач, 3 – Южная Гоби, 4 – Дурены, 5 – Бирский могильник, 6 – Сростки

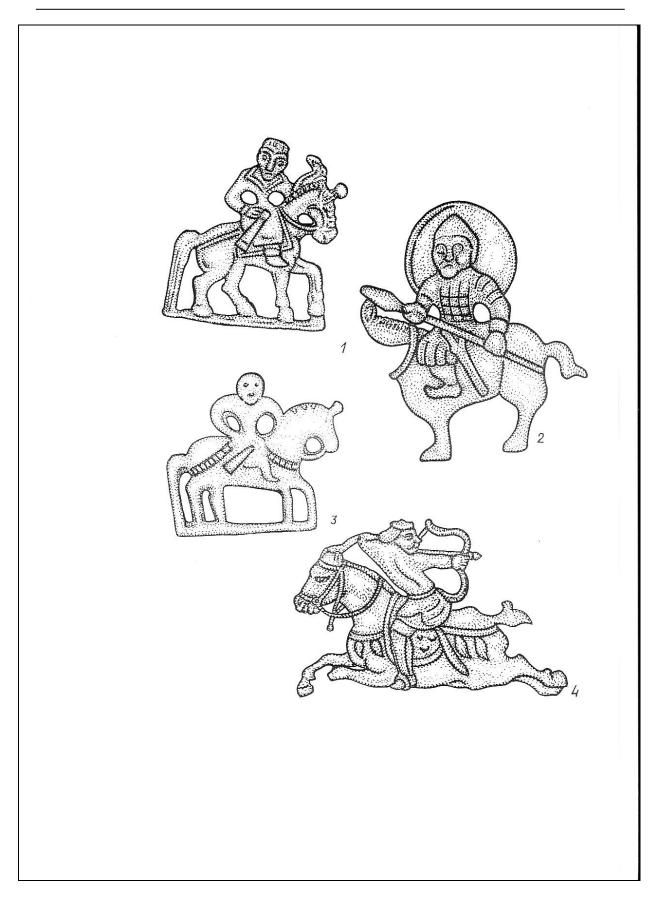

Рис.2 Бляшки с изображением всадников: 1, 3 – Минусинская котловина; 2 – Семипалатинск; 4 – Копенский чаа-тас, к.6

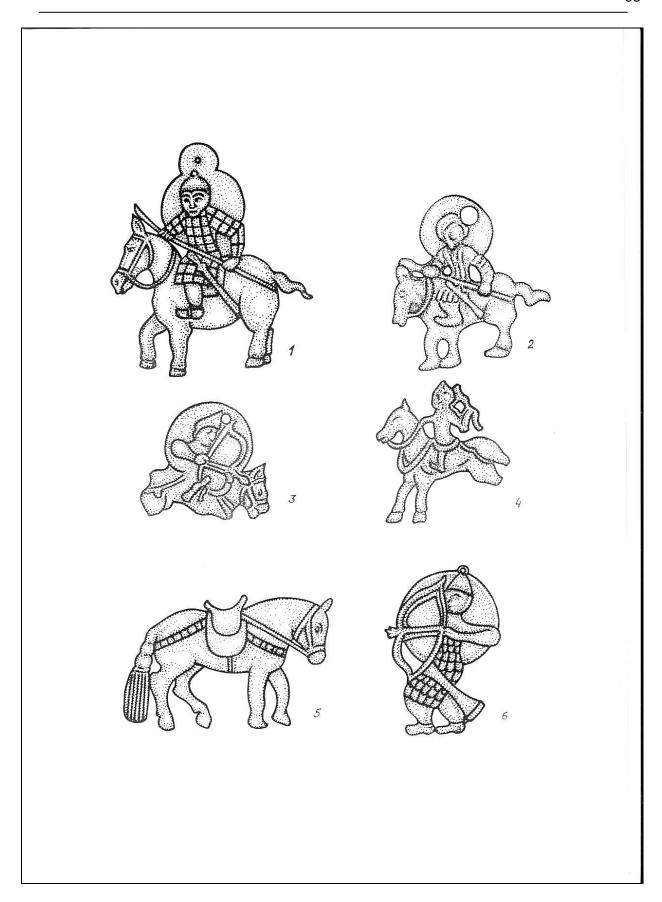

Рис.3

Бляшки с изображением всадников, пешего лучника и лошади: 1 — Прииртышье; 2 — Колмаково; 3 — Гилево XII, к. 1; 4 — Обь-Иртышье; 5 — Дуньхуан; 6 — Кулундинское

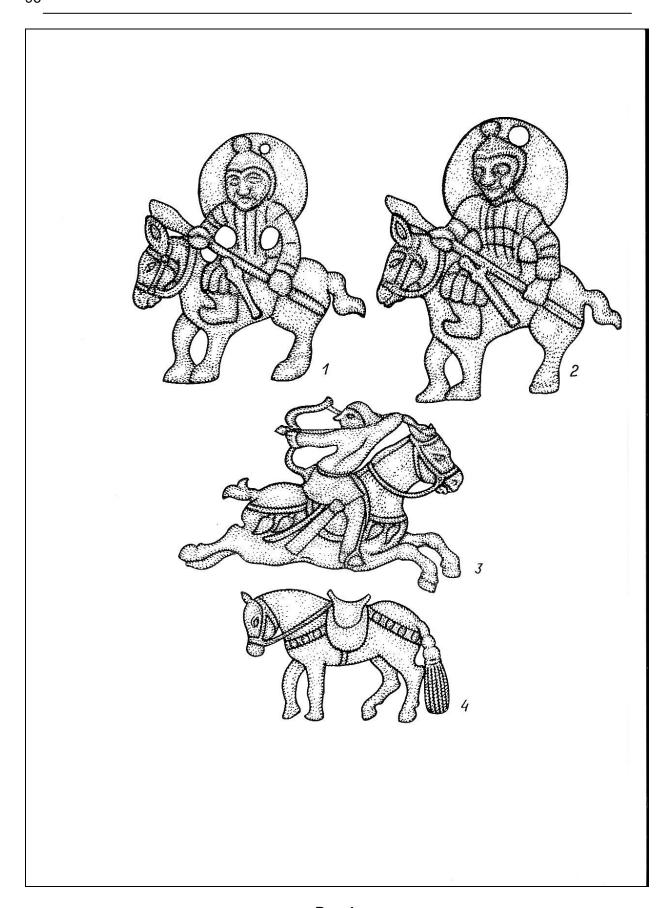

Рис.4Бляшки с изображением всадников и лошади:
1, 2 – Кондраьевка IV, к. 1, м. 2; 3 – Копенский чаа-тас, к. 6; 4 – Дуньхуан

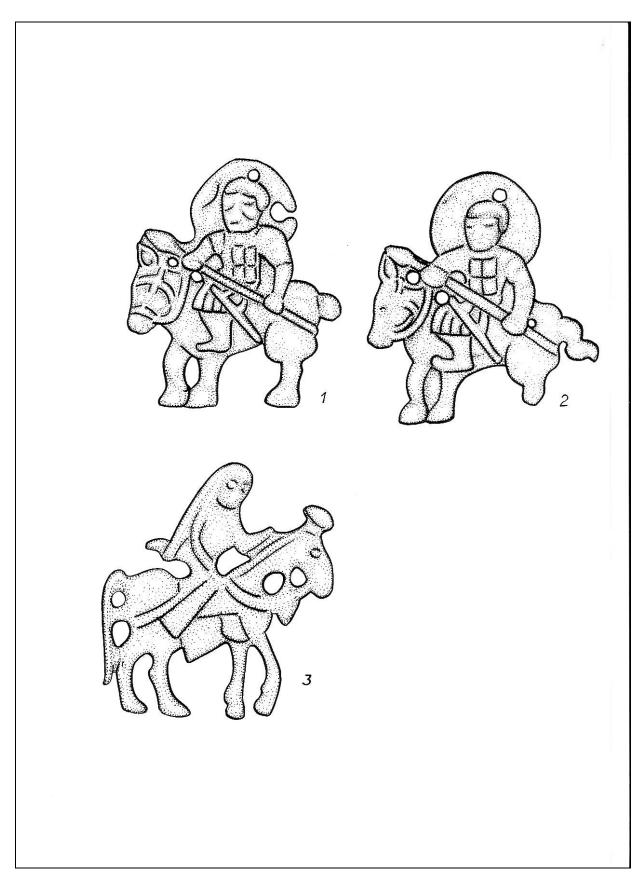

Рис.5 Бляшки с изображением всадников: 1, 2 – Сростки, 3 – Ут

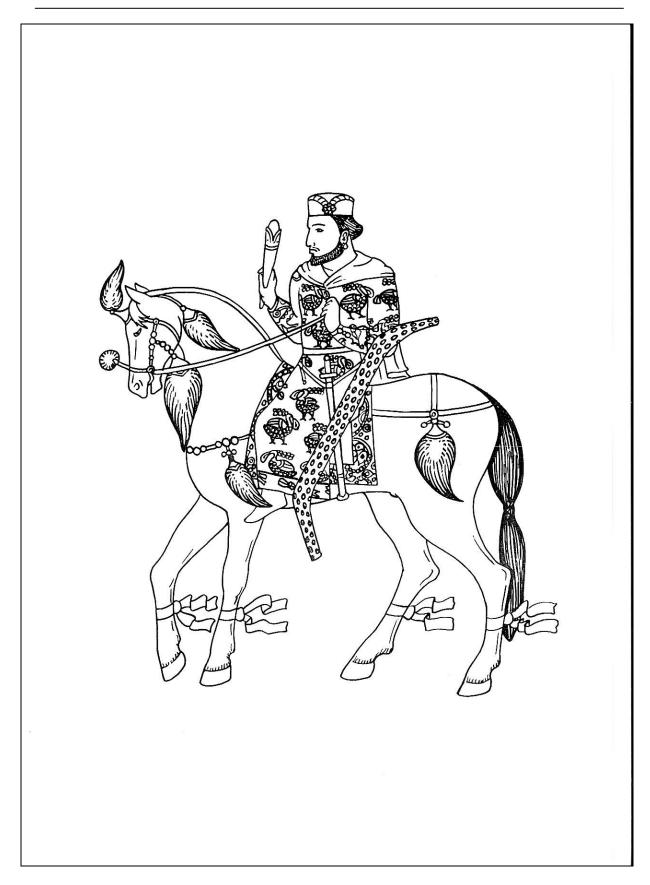

Рис.6 Изображение всадника на фреске из Самарканда

Маточкин Е.П. (г. Новосибирск)

ИЗВАЯНИЕ В УСТЬЕ АРГУТА

Долина реки Аргут на Алтае известна как район богатый древнетюркскими изваяниями. Недавно к их числу добавились поминальная скульптура могильника Бортулдага (Маточкин Е.П., 2007), а также обнаруженное нами изваяние в устье Аргута. Мы изучали его в марте и июне 2007 года. Географические координаты памятника по GPS-приёмнику: N – 50°14′269″; E – 086°40′764″. Высота 795 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Задернованное окружение и покрытая лишайником поверхность камня говорят о том, что изваяние находится в своём первоначальном местоположении. Оно было установлено на приподнятой террасе метрах в 50-ти от реки и метрах в 200-х от её устья. Лицом обращено на восток. Для изваяния была выбрана плоская плита прямоугольной формы с округлым верхом высотой 63 см, шириной 30 см и толщиной 17 см. Материал – крупнозернистый биотитовый гранит светло-серого цвета. Поминальная оградка не просматривается. Видно только 2 валуна перед скульптурой и 6 – позади неё. В совокупности макушки камней расположены в пределах прямоугольника шириной 1 м и длиной 1,5 м.

Скульптура в устье Аргута относится к так называемым «лицевым» изваяниям, у которых проработана только голова. Мастер аргутского изваяния сохранил в целом природную форму плиты, которая «работает» своим монументальным объемом. Желобок пояса внизу и наклонная полоска выбивки вверх от него не нарушают общего силуэта. Оставленная же несимметричная округлость наверху воспринимается как скошенный головной убор.

В неглубоком рельефе изваяны близко посаженные глаза, низкие брови, по традиции тонкий, схематичных очертаний прямой нос, широкие плавного разлёта усы и округлый абрис лица. Возможно, были намечены и уши, однако в настоящее время они практически не просматриваются, поскольку поверхность камня заметно пострадала от времени. Местами она покрылась лишайниками и частично отслоилась в результате процессов десквамации. Однако, пожалуй, скульптура обрела ещё более архаичный и притягательный вид. Шероховатая с мелкими углублениями крупнозернистая фактура камня придала особую живость и воздушность образу, обогатила светотеневую моделировку, скрадывая при этом роль выбитой линии и усиливая воздействие объёмно-пластических форм.

Аналогом открытому памятнику может служить ближайшее уцелевшее изваяние в 5 км вверх по Аргуту, недалеко от его правого притока Сатакулар (Кубарев В.Д., 1984, №77). Оно выполнено из камня той же породы и относится также к «лицевым» изваяниям. Однако там монументальность каменного блока и антропометрические пропорции нарушены выделенным объёмом головы относительно более узкого корпуса, что, впрочем, нередко встречается в статуарных памятниках древнетюркской эпохи. Казалось бы, скульпторы пользовались одним и тем же арсеналом традиционных приёмов ваяния, однако то, что под рукой сатакуларского мастера выглядит как следование стандартной изобразительности, обретает в аргутской скульптуре совсем иное качество, преображённое вдохновенным талантом.

Распространённое сужение объёма камня в районе шеи здесь лишь слегка намечено. В итоге создаётся иной облик памятника: не голова на крохотном теле, а мощная шея с ликом богатыря, покоящегося по плечи в алтайской земле. Пластика же лица аргутского изваяния в той же мере монументальная, хотя и достаточно мягкая. Лишь резкие углубления под бровями доминируют в светотеневой моделировке, выявляя округлость глазниц. Их завершают снизу тонкие дуги теней. Они рождают впечатление не открытого взгляда, что принято в древнетюркской традиции, а сомкнутых век с выделенной чёрточкой ресниц. Однако это не мёртвый сон, а, скорее, погружение в глубокие раздумья о прошлом и будущем, сосредоточенное вслушивание в происходящее. Стремление мастера увековечить в камне память о выдающемся сильном и мудром человеке вылилось в художественное произведение, которое впечатляет одухотворённым обликом героя, осенённого неустанной работой мысли.

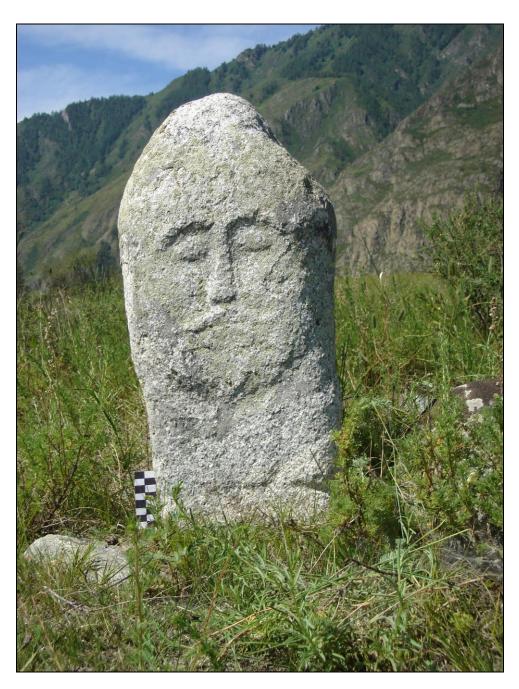

Рис. 1 Изваяние в устье Аргута. Фото 2007 года

Принято считать, что поминальная древнетюркская скульптура — это некий обобщённый иконный образ, в котором психология уступает место имперсональности и репрезентативности. В этом же аргутском изваянии гениальный мастер в рамках традиционной иконографии сумел воплотить живое духовное начало, передать его в гармоничной сплавленности моделирующих объёмов, в трепетной интонации света и тени. Уже в одной поразительно смелой, плавной и округлой линии щёк и бороды чувствуется незаурядный талант скульптора. Высокий крутой лоб богатыря дополняет этот совершенный образ, являющийся несомненным шедевром древнего алтайского искусства. И прославление не доблести воителя, а его мудрой человечности стало главной художественной идеей памятника.

Заострённая макушка камня направляет взгляд вверх, туда, где за грядой ближних гор высятся такие же светлые, как изваяние, большую часть года убелённые снегами хребты. В этой цветовой перекличке охватывается огромное пространство, вовлекая его в восприятие каменной скульптуры. Как в фокус, стягивается оно в этом, казалось бы, совсем небольшом изваянии. Таким путём воспроизводится сложившаяся ещё в древности у номадических культур художественная концепция человека-пространства – каменной скульптуры, воспринимаемой вместе с окружающей панорамой.

Литература

- 1. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- 2. Маточкин Е.П. Каменная скульптура могильника Бортулдага (Горный Алтай) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Азбука, 2007. (Труды САИПИ. Вып.3). С.132-134.

Рыбаков Н.И. (г. Красноярск)

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МАНИХЕЙСТВА В ПАМЯТНИКАХ ИЮССКИХ СТЕПЕЙ

Средневековая историография умалчивает о каком-либо вхождении манихейских общин на Енисей, но материалы новых памятников, разбросанных в пределах Июсских степей, не отвергают мнение исследователей в вопросе распространения северного манихейства в пределах современной Хакасии (Maechen-Helfen O., 1951, с.326; Кызласов Л.Р., 1999, с. 10; Кызласов И.Л., 2004, с.111-129). В течение семи лет (2000-07) автором обследовались глухие участки обширной территории Междуречья Июсов. Результатом поисковых работ и документирования явилось новое иконографическое искусство, по общим признакам тождественное известным «загадочным фигурам», которые были открыты финской экспедицией под руководством И.Р. Аспелина (1887г.) – Подкамень, Ошколь. Свидетельства камнеграфических изображений (гравировки) в достаточной мере дополняют реликтовые документы и факты, как источники «обретения утраченной традиции» манихейской проповеди по месту и времени.

Описание нового памятника (материалы Н.Р.) «Четыре фигуры» (гора Барстаг, западный склон). Памятник (рис.1) – представляет тонкую гравировку, удовлетворительной сохранности, местонахождение которой на одной из плоскостей (0,5х0,9м) каменистой террасы западного склона г.Барстаг, левого берега Белого Июса, в своеобразной нише закрытой от прямых солнечных лучей и осадков. Трехслойное изображение (палимпсест): нижний слой – лучник в погоне за оленем(?) (таштыкский период), средний слой – изображение фигур в длиннополых одеяниях, три из которых с коронами на голове (средневековье), верхний – точечная выбивка, перекрывающая всю композицию (позднее средневековье). [По поводу бытования мнения современных исследователей, выражающееся в словесной комбинации: «фигуры лежат в таштыкском слое и их отношение к средневековью сомнительно» (см. статью автора, в печати) – «Феномен иконографического свойства: причина и следствие заблуждений»].

Итак, четыре фигуры в состоянии шествия слева-направо. Идущий первым в полном наряде служителя культа, по аналогии жрецов с писаниц Аспелина: в короне и пышной дугообразной свисающей вдоль затылка лентой (или скрученный косой); в области подмышек — жезл; руки не проявлены; в районе пояса наряд из круглых украшений — подвесок; низ платья — наподобие волочащегося хвоста — шлейфа. Вторая фигура: персонаж в длиннополой одежде без украшений, малого роста, отроческого возраста, без головного

убора, с пером в волосах. Третья фигура: старец, в полном облачении, но без жезла. Четвертая, завершающая процессию: в подобном наряде, как и две первые рослые фигуры. Антропологический тип персонажей (арийский), судя по изображению профилей и других деталей внешности, кроме четвертого, заметно имеющего очертания головы и фигуры представителя тюркского типа окружения центрально-азиатских нагорий. Характерной деталью трех (взрослых) персонажей является диадема в виде двойного круга под короной в области лба. Заметим, детали в виде радужных линий под ногами передней фигуры не входят в предмет нашего осмысления (вопрос отдельного исследования).

Интерпретация. В череде апостолов: Зороастр, Будда, Иисус, Мани, названных в перечне хранителей истинной веры Восточной манихейской церкви – признается огромное величие Апостола Мани, равного Будде. Он «Мудрейший Царь Закона, Мани-Будда» (Klimkeit H.J., 1998, с. 172). Проникновение и развитие кушанского буддизма со времен Канишки с его эллинистическо-гандарскими чертами на путях южных оазисов Восточного Туркестана наложило отпечаток в историко-культурной жизни Иранского нагорья – на западе; алтынтагского Синьцзяна – на востоке; и за Тянь-Шанем, в городах и поселениях долин Таласа и Чу – на севере. С конца III века на торговых путях Трансоксании буддизм сововлечен с манихейской ересью, а в период согдийской колонизации VI-VIII вв. эти две религиозные конфессии получают распространение в Китае и Центральной Азии (Бернштам А.Н., 1947, с.62). В группах религиозно-философских учений поздней античности – христианского, иудео-христианского, зороастрийского, и буддийского Гностический Миф наиболее ярко выразился в манихействе. В рамках религиозных симпатий и веротерпимости основы буддийского учения, как изначальная «истинная религия», доктрина метемпсихоза, «паранирвана» и пр., легли заметным идеологическим пластом в основание манихейства. Согласно синкретической системе вероучения Мани, основанной на исходной мысли: «Бог един...», основатель учения предопределил продвижение восточной миссии в пространство тюркского мира (Klimkeit H.J., 1998, с.238). Харизматические, нумерологические и схемы «священных превращений», а также и идолопоклонство обеспечили хотя и временный, но определенный успех в религиозной жизни Центральной Азии. В настоящий период накоплен дополнительный материал о тюрском манихействе. Появление и утверждение манихейства в Южном Казахстане, в частности, в средневековом Таласе на скрещении Торгового пути «Восток-Запад», были связаны с активной внешне-торговой и миссионерской деятельностью Согда (Зуев Ю.А., 2002, с.185-188; Бируни, 1957, Т.1, с.213; Кляшторный С.Г., 1992., с.353; Maenchen-Helfen O., 1951, с.326). Прямые и косвенные свидетельства указывают на локализацию северной ветви манихейства в районах Семиречья и Таласа на «границе мусульманского мира» и границе Турфанских уйгуров (верховья Иртыша) в культурной среде тюркских племен: чигилей, чумулей, карлуков. Ю. Зуев полагает термин «чигиль» в начале был обозначением манихейской «школы» в стране Аргу (Зуев Ю.А., 2002, с.191,201,256).

В материалах исследования (памятники – Подкамень, Ошколь) венгерского ученого М. Эрди, его суждение по поводу конусообразных предметов под мышками персонажей, якобы, имеющих отношение к музыкальным предметам, а «фигур» соотносимых с шаманами, наряд которых наделен «птичьими хвостами», не выдерживает критики. [(Исследователь не осматривал «живые» источники, не был в Июсских степях, пользовался только материалами публикаций; ссылаясь на известное издание «Appellgren-Kivalo H., 1931г.», он ошибается, например, называя деревню Подкамень - Батанаково (Erdy M., 1996, с.51-53)] Заметим, единственный персонаж с предметом очертаний наподобие сдвоенных кругов (плита с изображением в Эрмитаже) может действительно быть музыкальным инструментом, что не противоречит фактам в среде дипломатических посольств и культурных взаимовлияний в жизни средневековых городов. В коптских главах («Кефалайя» 1998, с.136), сам Мани (?) говорит о жезле: «Я облачу их в доспехи мудрости ... и жезлы праведности». О божественном жезле Бога Зурвана в истории зурванских сказаний, переданных Теодором Мопсуестом, приводит О.Менхен-Хельфен (1951, с.16). Золотую стрелу (скипетр) получил Иима, хранитель зороастризма, от Ахура-Мазды («тексты», 1984, с.7). В соответствии с историческим фактом восточной миссии во главе Мар Аммо (Смагина Е.Б, 1998, с.24; турфанские тексты М2, М216, М1306) и адаптацией буддизма в восточно-иранском и центрально-азиатском манихействе, как замечает Климкайт, происходило «усыновление понятий (и символов) буддизма и их нового истолкования... манихеи приняли буддийские формы и содержание» (Klimkeit H.J., 1998, с.237).

Таким образом, в ряду божественных атрибутов на примерах религиозного сближения двух конфессий буддизма и манихейства, предмет под мышкой жреца, есть божественный жезл – ваджр, соотносимый отшельническому жезлу (кхатванга) в тантрийских ритуалах тибетского буддизма (Синяя летопись, 2001, с.139), буддийскому монашескому жезлу (каккара) в памятниках Хара-Хото (Кочетова С.М., 1947, с.478), ламаисткому (вачир), (Потанин Г.Н., Подгорбунский И.А., 1888, с.34) и зороастрийскому божественному скипетру. Этот атрибут ритуально-космогонического назначения, своеобразное наследие божеств громовников в мифологии и ритуалах ваджраяны и северного буддизма – махаяны. «Он» (по Туччи Дж., 2005, с.229), или «она» – ваджра, несет священную функцию чистоты Просветления и нерушимости закона (Дхарма) Будды, прочного как алмаз (Андросов В.П., 2000, с.89). Как доспех Просветления скипетр отражает позицию буддизма относительно единой природы недостатков и достоинств, а противоположные полюса символизируют трансформацию пяти темных ядов (тантрический буддизм) и пяти светлых (совершенств и достоинств). Двоичность мира в противоположностях светло-темной природы соответствует бинарной концепции в манихействе. Постичь истину и обрести спасение – победа духа над телом (материей) и окончательное воссоединение со Светом – идеологическая подоснова в буддизме и манихействе. На нашем графическом примере «громовая стрела» имеет вид двухстороннего конуса с направленным острием вперед, «скрещенный ваджр» (Туччи Дж., 2005, с.229). Подобные, но видоизмененные изображения скипетров (в результате последующих поздних вмешательств – начертаний) по плоскостям Ошкольской писаницы – тождественные иконографические факты.

Вернемся к «Четырем фигурам» (г.Барстаг). Тип костюма чужеземцев, в частности, длиннополые мантии с протянутыми назад шлейфами, в какой-то мере имеют отношение к китайской культуре. Л. Сычев (Сычев Л.П, 1972, с.148) отмечает, что чрезмерные длиннополые наряды были модой при Дворе в период династии Суй (VI-VII вв.). Но нет никаких оснований относить этот наряд к сугубо китайской моде. В «Хуастуанифт» (Малов С.Е., 1951, с.121) сказано: «...в теперешнем существовании, будучи молодыми людьми в длинной (женской) одежде, о, сколь (много) мы ошибались и прегрешали». «Длинные одежды» (иzun ton) – долгополые рясы манихеев-чигилей (Зуев Ю.А., 2002, с.220-222).

Образ «средоточения спасения души» (Виденгрен Г., 2001, с.98-99) соотносимый с гностической «формой света» Первочеловека – Адама, андрогинна в мифологемах «освобождения Души» двух ее начал света и тьмы выражает свободную волю в манихейской доктрине. (Муже-женский наряд, символика и распространение – тема отдельного исследования). Однако, аскетический идеал «небесного воителя в «Одеждах Вечности» (Кефалайя, 1998, с.56, 83) сирийско-христианской, персидско-харранской языческой традиций и «вещного» облика буддиста-закононаставника мог найти воплощение в «Облике» миссионера на перекрестке Великого Шелкового пути между Западом, Востоком и Индией. В соответствии с языковыми формулами: «Мани-Будда»; «Мой Отец-Мани-Будда»; «Будда Майтрейя, Мани мар Апостол: он принес ... спасение ... от праведного Бога, Отца Света» (Кlimkeit Н.Ј., 1998, с.243) конфессиональное согласие двух учений выражалось в «священном языке», проповеднической одежды Небесных воителей. Как «живой» символ космогонического явления между светом и тьмой одежда Будды в его «прежнем облике», по документам китайских хроник, была предметом дипломатических даров (Бартольд В.В., 1973., Т.8., с.54-55; Малявкин А.Г., 1983, с.236)

В череде шествующих второй персонаж, отрок (шраманера) с пером на голове, в состоянии возвышенной одухотворенности. Во всех религиях Востока образ мальчика — «Души, тоскующей по спасению», наделен способностью говорить с высшими божествами, обладающего даром предвидения, т.к. он «получил от Будды мудрость» (Klimkeit H.J., 1998, с.261, 296; Тучи Дж., 2005, с.295). Но такой атрибут, как перо на голове, символ небесной харизмы избранных, имел место в центрально-азиатской культурной традиции с древности до позднего средневековья (Мэнь — гу — ю — му — цзи, 1895, с.413; Левшин А.И., 1832, часть II, с.16). Как было замечено выше, на лбах каждого миссионера возложена круглая эмблема. Все по-

пытки исследователей в отечественной и зарубежной историографии по поводу феномена Енисейских «загадочных фигур», относимых к миссионерской деятельности несториан или даже язычников-шаманистов, могут быть отвергнуты как не имеющие оснований. Несториане, по известным причинам, не могли возложить на лбы языческий знак—под знаком обретения христианского «древа крестного», они несли кресты (Хвольсон Д., 1886, с.34; Пигулевская Н.В., 1956, с.104-105; Джумагулов Ч.Д., 1987, с.38-39).

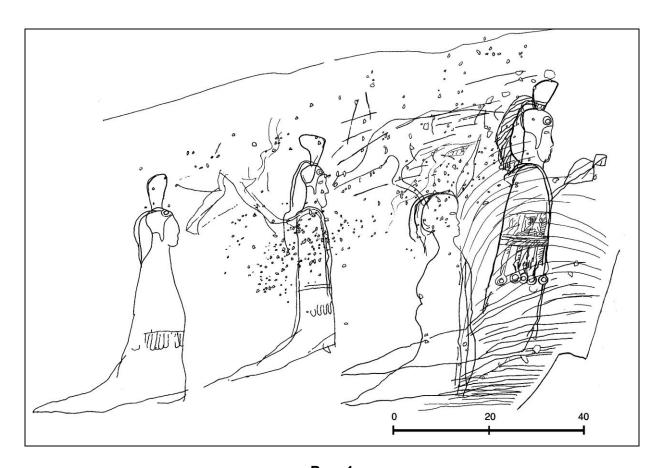

Рис. 1 Четыре фигуры, г. Барстаг. Западный склон. Левый берег Белого Июса (материалы – Н.Р.)

Круглая эмблема (знак сакральной субстанции) — распространенный символ, имеющий глубокие корни в Изначальной традиции Древнего востока: Око Бога, Слово (Логос). В религиозно-мистических учениях Поздней Античности, «третий духовный глаз [в буддизме — моносиллаба Ом (Генон Р., 2004, с. 264, 300), Семя Будды (Валиханов Ч, 1958, с.400); в манихействе — Око Зурвана, Благая весть Иисуса — Сияние (парф.текст, М.42); в тюркской религиозности — харизма удачи — Gut (Кляшторный С.Г., 1983, с.50; Скрынников Т.Д., 1992, с.80)] отвечал требованиям трансцендентных знаний на пути самопознания и самоусовершенствования. Дополнительные примеры из манихейской литературы: из гимна (на средне персидск. М.28 II) «... и мы утвердим нашу руку в молитве и открытый наш глаз к твоей (Иисус — Н.Р.) фигуре» (Аѕтиѕѕеп Ј.Р. 1975, с.107), или «... мы пойдем за Спасителем, нашим верхним глазом, и нашим ухом, которым мы слышим» (фрагмент гимна «Мы исполняли бы»). Множественные примеры распространения солярно-лунарного знака характерны для мелкой пластики Греко-Бактрийской культуры, Кушанской и Древнего Согда (Меш-

керис В.А., 1989, с.25; Ставиский Б.Я., 1998, с.146). Знак отмечен в культовых сценах живописи Пенджикента и круглой скульптуре (Беленицкий А.М., 1973, с.19, 26) в астрологическом пантеоне иконографии Центральной Азии (Кочетова С.М., 1947, с.476), Турфанских документах (Le Coc, 1923, с.37-42). Знак Диадема Владычества («символ познания» — Рыбаков Н.И., 2007а, с.121-134) явился своеобразной формой «пропуска» узнаваемого без объяснений, по месту и времени на всех путях продвижения манихейской проповеди в пределах территорий Средней и Центральной Азии.

Предварительные краткие выводы Итак, «Четыре фигуры» (г.Барстаг) со всеми изобразительными атрибутами и символами божественной причастности: жезл-ваджр, короны с диадемой «Око Зурвана, Мани – Будды», длиннополые рясы – доспехи небесных воителей, дополнительный факт религиозно-исторического свойства в буддийско-манихейскихтюркских культурных связях. Религиозная веротерпимость средневековых кыргызов – явление, характерное для всех государств западных тюрок (Бернштам А.Н., 1947, с.64). Здесь на Июсах, как свидетельствуют сообщения хроник (Бартольд В.В., 1943, с.24), и была тупиковая ставка караванов северной ветви Великого Шелкового пути. Здесь же нашли убежище гонимые манихеи, возможно после событий в Китае в середине IX века, либо раньше – в VII веке, как следствие раскола манихейской церкви в Согде (Виденгрен Г., 2001, с.197). Исторические хроники не донесли до нас никаких свидетельств вхождения манихейских или буддийских сект на Енисей, но приведенные новые материалы говорят об обратном. Эти свидетельства наскальных писаниц позволяют признать факт продвижения секты манихеев (манихеев-буддистов) в облике «реликтовых» муже-дев (Рыбаков Н.И., 2007б, с.137-141) в ставку кыргызских каганов Белоснежного государства Аргу. О. Менхен-Хелфен полагает, что вхождение манихеев (миссионеров-проповедников) связано с торговыми путями согдийцев (Maenchen-Helfen O., 1951, с.326), возможно, (мнение автора), по «западной» дороге (Супруненко Г.П., 1974, с.237): Согд – Семиречье – суходольные участки районов Алтая – верховья реки Абакан – Уйбатская и Июсские степи.

Литература

- 1. Андросов В.П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма. М.: «Вестком», 2000.
- 2. Валиханов Чохан. Избранные произведения, под. ред. А.Х. Маргулана. Алма-ата, 1958.
- 3. Виденгрен Гео. Мани и манихейство. Пер. С.В. Иванов. СПб., «Евразия», 2001.
- 4. Генон Рене. Символика креста. Пер. с франц. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. М., 2004.
- 5. Зороастрийские тексты. Издание подготовлено О.М. Чугуновой. М.: Наука, 1997.
- 6. Джумагулов Ч.Д. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1987. В. 3.
- 7. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, «Дайк-Пресс», 2002.
- 8. Кефалайя («Главы») Коптский манихейский трактат. Пер, ком, глосс. Е.Б. Смагиной. М.,1998.
- 9. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып.10.
- 10. Кочетова С.М. Божества светил в живописи Хара-хото // Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Государственный Эрмитаж. Л., 1947. Т.IV.
- 11. Кызласов Л.Р. Мани и манихейство. М. Абакан, 1999.
- 12. Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. М., 2004.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
- 14. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск, 1983.
- 15. Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Академия наук СССР. М.- Л., 1946.
- 16. Потанин Г.Н. Подгорбунский И.А. Каталог. Буддизм. ИВОИРГО, отд. 2. Иркутск, 1888.
- 17. Рыбаков Н.И. Око Зурвана Мани-Будды. По следам открытий экспедиции Й. Аспелина (1887-89) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири Горно-Алтайск: АКИН, 2007а. В.5.

- 18. Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они? // Алтае-Саянская горная страна и истории освоения её кочевниками. Сборник // Алтайский гос. ун-т. Ховдский гос. ун-т. Барнаул, изд. Алтайский гос. ун-т, 2007б.
- 19. Скрынникова Т.Д. Представление монголов о сакральности правителя // Тюркские и монгольские письменные памятники. М.: Рос. Академия Наук. Институт Востоковедения, 1992.
- 20. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.
- 21. Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. Сборник памяти ак. В.П. Васильева М., 1974.
- 22. Сычев Л.П. Традиционное воплощение принципа Инь-Ян в китайском ритуальном платье // Роль традиций в истории и культуре Китая. Академия наук СССР. М., 1972.
- 23. Хвольсон Д. Предварительные заметки о найденных в Семиреченской обл. Сирийских надгробных надписях // Христианские памятники в Семиреченской обл. Оттиск из ЗВОИРАО Т.1. СПб., 1886.
- 24. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmaeler. Helsingfors, 1931.
- 25. Asmussen Jes P. Manichaean Literature. Repesentative Texts Chiefly from Middle Persian and Parthian Writings // Persian Heritage Series № 22. Scholars' Facsimiles, Reprints. Delmar-New-York, 1975.
- 26. Erdy M. Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations tu hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei Valley // Eurasia Studies Yearbook. 1996. Vol.68.
- 27. Klimkeit H.J. Selected Studies. Heuser M., Klimkeit H.J., Studies in Manichaean, Literature and art. Brill-Leiden-Boston-Koln, 1998.
- 28. Maenchen-Helfen O. Manichaens in Siberia // Semitig and Oriental Stadies. Berkeley-Los Angeles, 1951.

Азбелев П.П.

(г. Санкт-Петербург)

ОБ ИННОВАЦИЯХ ІХ В. В ЮЖНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУРАХ

1. Проблема

Считается, что южносибирские погребения рубежа I-II тысячелетий с сожжениями, совершёнными вместе с инвентарём на стороне и размещёнными под тем или иным сооружением на древней поверхности, оставлены енисейскими кыргызами в т.н. «эпоху великодержавия». Эталоном служат безусловно кыргызские памятники второй половины IX-X вв. в Туве. Предметный комплекс таких погребений считается кыргызским и, «наряду с обрядом трупосожжения, является опорным при определении памятников енисейских кыргызов и в других районах их расселения в IX-X вв.» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с. 268). Фактически это значит, что датирование сибирских материалов рубежа тысячелетий за пределами заведомо кыргызского ареала (Минусинская котловина и с середины IX в. Тува) проводится с опорой на кыргызские аналогии и данные летописей о разгроме кыргызами уйгурской столицы Орду-Балыка. Для большой серии памятников летописная дата 840 г. оказывается необсуждаемым terminus post quem.

Этот подход имеет право на существование лишь при том условии, что именно и только кыргызская культура могла быть источником датирующих инноваций. Чтобы считать тот или иной признак (или комплекс признаков) специфически кыргызским, нужно проследить его происхождение внутри кыргызской культуры; этот вопрос, однако, никем специально не исследовался; в результате хронология и интерпретация сотен памятни-

ков оказались в зависимости от трактовки одной письменной даты и отношения к концепции «кыргызского великодержавия», под которую, в сущности, и подгоняются археологические построения. Верно ли это? Единственно ли возможно привычное понимание летописных сообщений? Не предоставляют ли имеющиеся вещественные материалы возможностей для иной интерпретации?

Связанные темы «кыргызского великодержавия» и инноваций IX в. в южносибирских культурах рассматриваются здесь обзорно, на уровне постановки вопроса.

2. Исторические обстоятельства

2.1. Концепция «великодержавия».

«Эпоха кыргызского великодержавия» – исходно публицистический образ; впервые он появился в научно-популярной брошюре акад. В. В. Бартольда о киргизах (1927; Бартольд В.В., 1963) и на несколько десятилетий предопределил тот угол зрения, под которым многие историки и археологи рассматривали южносибирские и центральноазиатские археологические памятники IX-X вв. Тезис о «кыргызском великодержавии» прижился в отечественной научной литературе настолько, что не обсуждается ни его историческая правомерность, ни рамки, задаваемые им для интерпретации археологических материалов. Положение, в котором кыргызы оказались в 840 году, создаёт все предпосылки для появления завышенных оценок кыргызского вклада в историю Центральной Азии на рубеже I-II тыс. Чётче всего такой взгляд на историческую ситуацию IX-X вв. выражен Ю. С. Худяковым: «Это был звёздный час кыргызской истории, период, справедливо названный В. В. Бартольдом "киргизским великодержавием", время, когда кыргызы смогли подчинить обширные просторы степной Азии, оставить о себе память у многих народов и привлечь благодаря этому внимание позднейших историков. ... События IX-X вв. в Центральной Азии, активными участниками которых были кыргызы, изменили традиционную линию этнической истории в этом регионе, рассеяли уйгуров от Восточного Казахстана до Хангая, способствовали консолидации кимако-кыпчакского объединения, открыли путь кыргызам на Тянь-Шань, стали прелюдией для выхода на арену мировой истории монголоязычных кочевников. Всё перечисленное убеждает нас в необходимости вернуть изучаемому периоду прежнее название "эпоха (кыргызского) великодержавия", сохранив его хронологию в пределах IX-X вв.» (Худяков Ю.С., 1982, с. 62-63). Лучшей иллюстрацией к словам Ю. С. Худякова служат карты, опубликованные Л. Р. Кызласовым (Степи Евразии..., 1981, с. 143, рис. 32) и в труде С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, цветная вклейка между с. 144 и 145, карта «Кыргызский каганат в IX в.»).

Однако следует иметь в виду обстоятельства, не вписывающиеся в логику концепции «кыргызского великодержавия».

2.2. События и их освещение в источниках.

Подробное повествование китайского хрониста о кыргызо-уйгурских коллизиях середины IX в. завершается на сообщении о том, что в 847 г. кыргызский правитель Ажо умер; летописец коротко упоминает несколько посольств, сожалеет о том, что кыргызы так и не смогли окончательно добить уйгуров, и добавляет, что о дальнейших событиях, связанных с кыргызами, «историки не вели записок». Возникает противоречие: с одной стороны – «великодержавие», с другой – «историки не вели записок». Достаточно вспомнить о том, как тщательно китайские хронисты фиксировали сведения о «северных варварах», представлявших собой ощутимую силу в Центральной Азии – о тюрках и сирах, об уйгурах и о тех же кыргызах (до определённого момента), чтобы понять: уж если китайские хронисты прекратили «вести записки» о енисейских кыргызах, то лишь потому, что к этому моменту никакой кыргызской «великой державы» не было, а роль этого народа была вовсе не такой значительной, как это представляется иным современным исследователям.

То же касается и самой «победы кыргызов над уйгурами». Интересно сравнить, как «Таншу» излагает эти события в повествованиях об уйгурах и о кыргызах.

Повествование об уйгурах гласит, что в 832 г. уйгурский «хан убит от своих подчинённых»; через семь лет, в 839 году, «министр Гюйлофу (Кюлюг-бег) (по А. Г. Малявкину – Курабир) восстал против хана (кагана Ху из племени эдизов), и напал на него с шатоски-

ми войсками. Хан сам себя предал смерти... В тот год был голод, а вслед за ним открылась моровая язва и выпали глубокие снега, от чего много пало овец и лошадей». «Синь Таншу» сообщает, что в тот год было много болезней, голод и падёж скота; ср. в энциклопедии «Тан хуэйяо» под 839 годом: «ряд лет подряд был голод и эпидемии, павшие бараны покрывали землю. Выпадал большой снег». Кюлюг-бег и его сторонники поставили ханом «малолетнего Кэси Дэле» (Кэси-тегина). В следующем, роковом для Уйгурского каганата 840 году «старейшина Гюйлу Мохэ (Кюлюг-бага-тархан из телеского племени эдизов), соединившись с хагасами (кыргызами), со 100 000 конницы напал на хойхуский (уйгурский) город (Орду-балык), убил хана, казнил Гюйлофу (Кюлюг-бега, Курабира) и сожёг его стойбища. Хойху поколения рассеялись». (Бичурин Н.Я., 1950, т. І: с. 334; Малявкин А.Г. 1983, с. 22).

Таким образом, Уйгурский каганат к концу 830-х гг. был крайне ослаблен, для развала каганата оказалось довольно одного набега на столицу, но роль кыргызов при этом сводилась к погрому в столице и к погоням за рассеявшимися в суматохе по степи уйгурскими отрядами. До того — двадцатилетние пограничные столкновения не привели к реальным успехам, а в 840 году уйгурские вельможи из племени эдизов просто использовали кыргызов во внутриуйгурской усобице — точно так же, как за год до того токуз-огузы использовали тюрков-шато. В погоню за Уге кыргызы отправились по настоятельной просьбе китайцев, о чём свидетельствует переписка китайского чиновника Ли Дэюя (Супруненко Г.П., 1963; 1974), где прямо говорится о том, что кыргызов нужно использовать для полного разгрома уйгуров; но вот о кыргызах как о самостоятельном факторе военно-политических игр источники не говорят вовсе.

Если в разделе об уйгурах летописец характеризует роль кыргызов как весьма скромную, то в повествовании о самих кыргызах акценты заметно смещены. Объявив себя ханом, Ажо отразил первый карательный рейд уйгуров, после чего, «надмеваясь победами» (кстати, непонятно какими; о каких-либо предшествующих военных успехах кыргызов в источниках нет ни слова), послал уйгурскому кагану хвастливый ультиматум: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму Золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу моё знамя. Если можешь состязаться со мною – приходи; если не можешь, то скорее уходи» (Бичурин Н.Я., 1950, т. І, с. 355-356). Через двадцать лет «хойхуский хан не мог продолжать войны. Наконец его же полководец Гюйлу Мохэ привёл Ажо в хойхускую орду. Хан был убит в сражении, и его Дэле рассеялись». В 847 году Ажо умер, что в период с 860 по 873 год кыргызы «три раза приезжали ко Двору. Но Хягас не мог совершенно покорить хойху. Впоследствии были ли посольства и были ли даваны и жалованные грамоты, историки не вели записок». Иными словами, как только выяснилось, что добить уйгуров кыргызы не в состоянии, интерес к ним пропал.

Бросается в глаза несоответствие двух повествований об одних и тех же событиях: в рассказе об уйгурах кыргызский набег – всего лишь эпизод многолетней внутренней уйгурской усобицы, дошедшей до привлечения обеими сторонами иноплеменников, которые вышли из-под контроля и разграбили столицу, а в повествовании о кыргызах их удача 840 года выставлена победным итогом двадцатилетней войны. На вторую версию и предпочитают опираться нынешние исследователи, игнорируя при этом её очевидные несоответствия (так, поставленный ханом в 839 году «малолетний Кэси Дэле» вряд ли уже через год мог быть убит в бою). Версия повествования об уйгурах, по которой и Кюлюг-бег, и его малолетний ставленник были убиты Кюлюг-бага-тарканом, выглядит более правдоподобной благодаря упоминанию конкретных имён и общей согласованности со всем ходом событий. Рассказ кыргызской версии как бы «подправлен» в пользу кыргызов - в тот момент союзников танского Китая; повествование же об уйгурах в целом более последовательно и логично, чем запутанные данные о кыргызах. Из сопоставления версий следует, что если кыргызы считали уйгуров злейшими врагами, то для уйгуров (да и для китайцев) кыргызы были не более чем одним из периферийных племён, которое считали возможным при необходимости использовать как инструмент.

После разгрома Орду-Балыка кыргызская активность в Центральной Азии на практике свелась к нескольким рейдам и грабительским набегам; базировались кыргызы, судя по всему, в Монголии, но данных об их закреплении ещё где-либо, о назначении наместни-

ков и т.п. нет, то есть эти походы не сопровождались ни захватами территорий, ни их административно-хозяйственным освоением, — а без государственного строительства о «великодержавии» говорить не приходится. Неясно, как долго кыргызы оставались в Монголии, но очевидно главное: кыргызы мелькнули в Центральной Азии, разрушили и разграбили всё, до чего могли дотянуться — и исчезли, ограничившись единственным приобретением — верхнеенисейскими котловинами, где их присутствие в последующие века зафиксировано как археологическими, так и письменными источниками.

Хроника сообщает: «Хягас было сильное государство; по пространству равнялось тукюеским владениям. Тукюеский Дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани, на юг до Тибета, на юго-запад до Гэлолу» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 354). Династические браки с тюрками имели место в период Второго каганата, и упоминание о них здесь – лишь экскурс в историю. Пространственные сопоставления летописей несущественны, а вот докуда кыргызское государство «простиралось» – это важно.

Гулигань — прибайкальские курыканы, от заведомо кыргызских земель их отделял Восточный Саян. В тех краях кыргызы оказались лишь однажды — около 847-848 гг., когда ходили в шивэйские земли в погоню за одним из уйгурских отрядов. Тибет даже в годы наибольшего могущества занимал земли не севернее Тяньшаня — но даже сторонники теории «кыргызского великодержавия» не включают в область кыргызского господства ещё и Притяньшанье. Гэлолу (карлуки) кочевали в Джунгарии и Семиречье, в Восточном Казахстане и, возможно, на Монгольском Алтае; но в IX-X вв. их отделяли от кыргызов владения кимаков и кыпчаков. Очевидно, что речь не может идти о границе в современном понимании. Фрагмент становится осмысленным лишь при том условии, что слово «простиралось» будет понято как указание на посольские связи или наиболее дальние набеги. Действительно, кыргызы имели контакты с карлуками и с Тибетом, есть и упоминания о столкновениях с курыканами. Таким образом, приведённый фрагмент говорит о том, что прежде кыргызы имели династические связи с тюрками, а теперь так или иначе контактируют с карлуками, Тибетом и курыканами. Не более того.

2.3. Другой взгляд на проблему.

В 1995 году Ю. А. Заднепровский в частной беседе со мной предположил, что термин «кыргызское великодержавие» нужно рассматривать как факт не столько истории IX в., сколько советской истории 20-х гг. прошлого столетия. Акад. Бартольд писал свою брошюру в пору становления национальной киргизской государственности в рамках СССР, в какой-то мере выполняя социальный заказ на поиск героических страниц в прошлом киргизского народа. События середины IX в. формально подходили на роль такой страницы; примечательно, что сам автор термина «киргизское великодержавие» не связывал пресловутую «победу над уйгурами» с дальнейшими событиями в истории киргизского народа, не пытался строить на ней теорий о «переселении енисейских кыргызов на Тяньшань» – словом, не более чем предложил красивую, но ни к чему не обязывающую публицистическую формулу, уместную лишь в популярной брошюре. Вряд ли он мог предвидеть, что впоследствии её поднимут на щит в академических построениях.

Далеко не все исследователи приняли концепцию «кыргызского великодержавия» и сам этот термин как нечто само собой разумеющееся. Так, Л. Н. Гумилёв, справедливо считая развал Уйгурского каганата важным событием в истории региона, не использовал это словосочетание, отводя кыргызам лишь роль разрушителей, которые после выпавшей им в 840 г. удачи «не претендовали на степь», а «ушли обратно в благодатную Минусинскую котловину, где могли жить осёдло, заниматься земледелием, а не кочевать» (Гумилёв Л.Н., 1970, с. 66; справедливости ради замечу, что Туву кыргызы всё-таки захватили и освоили, причём о кыргызском земледелии в Туве никаких серьёзных данных нет). Постоянный оппонент Л. Н. Гумилёва, синолог А. Г. Малявкин, автор важнейших работ по уйгурской истории, подчёркивал, что кыргызы ограничились разгромом единого уйгурского государства и не пытались ни добить уйгуров, ни расширить экспансию (Малявкин А.Г., 1983, с. 24). Авторитетнейший специалист по истории и этнографии тяньшаньских киргизов, С. М. Абрамзон в своём основном труде назвал «кыргызское великодержавие» – весьма преувеличенным (Абрамзон С.М., 1971, с. 21).

Концепция «кыргызского великодержавия» основана на однобокой, в сущности – произвольной трактовке источников; она не является ни общепризнанной, ни доказанной, ни даже сколько-нибудь основательной, – из чего и следует исходить при её приложении к археологическим материалам. Следует помнить и о том, что в источниках нет указаний на связь между событиями 840 года и постулируемой рядом исследователей активностью енисейских кыргызов на Алтае. При этих условиях привязывать хронологию и этнокультурную идентификацию алтайских памятников к дате разрушения Орду-Балыка весьма рискованно; куда более весомы выводы, основанные на независимом от летописей сравнительно-типологическом изучении вещественного материала.

3. Археологический аспект

В большинстве публикаций кыргызы предстают главной движущей силой историкокультурного развития в Южной Сибири IX-X вв. Новые типы, распространившиеся тогда в этом регионе, считают свидетельствами кыргызского влияния; погребения с сожжениями, датируемые IX-X вв., обычно считают кыргызскими; именно с этого времени ряд авторов отсчитывает историю тяньшаньских киргизов, якобы поэтапно переселившихся в Среднюю Азию с Енисея.

Вместе с тем нужно обратить внимание на обстоятельство, игнорируемое большинством обращавшихся к этой теме авторов: типы, указываемые как кыргызские, ни по отдельности, ни в комплексе не имеют прототипов в самой культуре енисейских кыргызов. В то же время безусловные специфические черты кыргызской культуры предшествующего периода — круговые кыргызские вазы с зигзагообразными и волютовыми узорами, чаатасовские каменные конструкции, какие-либо признаки таштыкского происхождения — за пределы заведомо кыргызского ареала в IX в. как раз и не «выплёскиваются»; единственное достоверное исключение — шульбинские каменные конструкции типа чаатасовских (Азбелев П.П., 1994), оставленные небольшой группой стремительно ассимилирующихся переселенцев (возможно, беженцев).

3.1. Особенности погребального обряда.

При определении этнокультурной принадлежности памятников за пределами заведомо кыргызского ареала специфически кыргызским обрядом считают: сожжение с вещами на стороне; погребение останков на древней дневной поверхности; «тайники», то есть отдельные кучки инвентаря за пределами собственно погребения. Эти признаки действительно представлены в погребальных памятниках заведомо кыргызского ареала, но за его пределами они не определяют кыргызской принадлежности памятника.

Кремация практиковалась многими народами на протяжении всего В. А. Могильников справедливо отмечал: «погребения с кремациями северных предгорий Алтая, Верхнего Приобья и Прииртышья, содержавшие инвентарь, который не был на погребальном костре (Сростки, Уень, Боброво), не являются бесспорно кыргызскими. Такой ритуал, особенно, когда вещи расположены в могилах, как при ингумации, напоминает погребальный обряд самодийских погребений с трупосожжениями Среднего и Верхнего Приобья (некрополи Рёлка, Архиерейская Заимка) и, возможно, восходят к самодийскому этническому пласту» (Могильников В.А., 1989, с. 140). К этому следует добавить, что у самих кыргызов на минусинских чаатасах по меньшей мере треть погребений – по обряду трупоположения, причём корреляции между погребальным обрядом и социальным статусом погребённых нет (Азбелев П.П., 1989). Более того, и сожжение вместе с вещами – также не определяющий признак; вещи, побывавшие в огне, в кыргызских могилах на ранних чаатасах не встречаются. Обычно инвентарь кыргызских погребений сводится к керамике, а сопровождавшиеся сравнительно обильным вещественным инвентарём редкие всаднические погребения старше IX в. содержат лишь несожжённые останки.

Наземные погребения и так называемые «тайники» до IX в. у енисейских кыргызов вообще неизвестны — это безусловные инновации в кыргызской культуре, по времени совпадающие с кыргызо-уйгурскими войнами, трансформацией структуры кыргызских похоронных ритуалов (появился устойчивый тип впускных подхоронений в южной половине комплекса, см. Азбелев П.П., 1992) и археологически фиксируемыми западными влия-

ниями (о них ниже). Нет причин думать, что эти признаки сложились в рамках самой кыргызской культуры; наоборот, можно с высокой долей уверенности считать, что они проникли на Енисей вместе с населением, восполнившим демографический урон после уйгурских набегов конца VIII в. А значит, за пределами заведомо кыргызского ареала этими признаками (в том или ином наборе) могут обладать и памятники старше 840 г., не имеющие к енисейским кыргызам никакого отношения.

3.2. Вещественные материалы.

В основе датирования алтайских памятников по кыргызским аналогиям – применявшийся на практике ещё С.В.Киселёвым и наиболее чётко сформулированный Д. Г. Савиновым тезис о том, что предметный комплекс тувинских памятников енисейских кыргызов «...наряду с обрядом трупосожжения является опорным при определении памятников енисейских кыргызов и в других районах их расселения в IX-X вв.»; это, по Д. Г. Савинову, «предметы, характеризующие культуру собственно енисейских кыргызов IX-X вв.: стремена с петельчатой приплюснутой дужкой и прорезной подножкой, витые удила с «8»-образным окончанием звеньев с кольцами, расположенными в различных плоскостях, трёхпёрые наконечники стрел с пирамидально оформленной верхней частью и серповидными прорезями в лопастях, эсовидные псалии с зооморфными окончаниями в виде головок горных баранов или козлов, различных типов бронебойные наконечники стрел, круглые распределители ремней, гладкие лировидные подвески с сердцевидной прорезью, поясные и сбруйные наборы со сложной системой орнаментации (растительный, «цветочный», «пламевидный» орнаменты и др.)», причём автор отделяет от специфически кыргызских, по его мнению, изделий – вещи «общераспространённых форм (детали поясных наборов, пряжки с язычком на вертлюге, панцирные пластины, топорытёсла, двукольчатые удила, эсовидные псалии, трёхпёрые и плоские ромбические наконечники стрел)» (Савинов Д.Г., 1984, с. 91).

Часть предлагаемых «маркёров» кыргызского влияния (или присутствия), прежде всего из области декора предметов фурнитуры и торевтики, относится к более позднему времени и должна рассматриваться как результат соприкосновения степняков с киданьской империей Ляо. Эта путаница неизбежна при механическом объединении памятников IX и X вв., свойственном работам сторонников концепции «великодержавия»; для их разделения удобно использовать в качестве ориентира хронологическую таблицу тувинских памятников, разработанную Г. В. Длужневской и содержащую ляоские даты (1994, с. 38, рис. 16). Положение осложняется тем, что престижный предметный комплекс киданьской культуры формировался, вероятно, не без уйгурского участия – ведь кидани в течение какого-то времени по крайней мере формально подчинялись Уйгурскому каганату. В результате обсуждаемый «инновационный пакет», обычно приписываемый кыргызам, оказывается дважды – ориентировочно на рубеже VIII-IX вв. и в первой трети X в. – как бы «прошит» признаками, однотипными по морфологическим основам, но разными по декору и нюансам оформления. По привычке рассматривая его нерасчленённо, исследователи лишают себя возможности корректно выстроить хронологические шкалы для южносибирских культур соответствующего времени.

Проблема дифференцирования «кыргызских» признаков не сводится к учёту позднейших ляоских влияний. Ряд обстоятельств указывает на то, что где-то в конце VIII – начале IX вв. как кыргызы, так и другие южносибирские (и шире – все центральноазиатские) народы испытали сильное воздействие с запада, не отражённое в письменных памятниках, но отпечатавшееся в археологическом материале. Мне уже приходилось писать о безусловно восточноевропейском происхождении пельтовидной лунницы из разрушенного уйгурского погребения под горой Увгунт в Монголии (Азбелев 2007а); западные связи центральноазиатских кочевников уйгурского времени прослеживаются и по другим категориям находок.

Так, например, стремена с прорезными подножками, считающиеся кыргызским типом, в среднеенисейских и в целом южносибирских памятниках древнее IX в. не найдены; более того – для центральноазиатских культур древнетюркского времени ажурный декор вообще нехарактерен (отдельные находки в погребениях кудыргинского этапа – слишком ранние;

кроме того, по крайней мере в одном случае речь должна идти не об ажурном декоре, а лишь о литейном браке). Зато стремена с прорезным декором подножек известны в поволжских раннеболгарских памятниках (см., например, Казаков Е.П., 1992, с. 55, рис. 14, 7). Это не массовые находки, но важно, что в восточноевропейских культурах этой эпохи прорезной декор – явление весьма распространённое, и его применение, среди прочего, ещё и к стременам закономерно, это не выглядит странным «чёртиком из шкатулки». Прорези европейских стремян имеют серийные параллели в ажурных узорах прочих изделий, а южносибирские – часто гипертрофированы и не имеют аналогов в традиционных местных системах декора. По контурам прорези подножек стремян сопоставимы с ажурными фигурами на изделиях восточноевропейского геральдического стиля (россыпи и сочетания округлых отверстий с прорезями – треугольными, серповидными, в виде «запятых»), и нет сомнений в том, что традиция украшать таким способом что бы то ни было сформировалась именно в типологическом контексте восточноевропейской «геральдики».

В том же ключе, возможно, следует рассматривать и прорези в лопастях наконечников стрел. По своим очертаниям они весьма схожи с некоторыми элементами ажурного декора восточноевропейских геральдических наборов, в ранних южносибирских материалах они неизвестны, и небезосновательно предположить, что они имеют то же происхождение, что и прорези стременных подножий.

Всего вероятнее, западного происхождения и т.н. «коленчатые» кинжалы. Их не включают в число инноваций «кыргызского» происхождения, но они дополняют общую картину этнокультурных связей уйгурского периода. Наиболее ранние известные экземпляры — в хазарских комплексах VII-VIII в., (Борисово, погр. 138; Вознесенка; Глодосы; Директорская горка, погр. 3; Тополи, собраны в статье: Комар А.В., Сухобоков О.В., 2000); в ряде случаев эти кинжалы имеют напускные перекрестья, вполне аналогичные более позднему уйбатскому. Появление этих кинжалов в хазарских комплексах иногда связывают с азиатским (тюркским) влиянием, но это маловероятно: в одновременных и более ранних памятниках древнетюркского мира этот тип не представлен (все известные кинжалы — прямые). В Центральной Азии «коленчатые» кинжалы появляются, судя по изображениям на изваяниях с датированными реалиями, не ранее VIII в., а может быть, и позднее, и по имеющимся данным считать их местным типом нельзя. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что вопрос о происхождении соответствующего восточноевропейского типа остаётся пока открытым.

Там же, в салтовской и смежных с ней культурах, обнаруживаются и сравнительно ранние удила с 8-образными завершениями грызл. Как и в случае с «коленчатыми» кинжалами, происхождение данного восточноевропейского типа нельзя считать полностью выясненным, но хронологическое соотношение с сибирскими находками позволяет предварительно считать эту разновидность удил западной. А. А. Гаврилова называла появление 8-образных завершений технологической новацией: «Это усовершенствование было вызвано невозможностью соединять в одном кольце удил роговой псалий и железное кольцо для повода: кольцо разрушило бы псалий. Нужно было отделить псалий от кольца, и это было достигнуто изобретением двукольчатых удил. Теперь псалий помещался во внутреннее кольцо восьмерки, а кольцо для повода — в ее внешнее кольцо» (Гаврилова А.А., 1965, с. 81). Однако это объяснение касается в основном самого принципа двукольчатости окончаний грызл и равно относится как к удилам с дополнительными кольцами, так и к 8-образным; но «слияние» колец в «восьмёрку» имеет отношение не к использованию, а к изготовлению удил данного типа, и определяется уже нефункциональными обстоятельствами.

Наконец, то же направление связей прослеживается по серии случайных сибирских находок иных категорий: цельнолитые имитации составных хазарских «самоварчиков» (типа ГЭ OABEC 5531/1923), округлые ажурные амулеты т.н. «аланского» типа (например, ГЭ OABEC 5531/1932-1934), воспроизводившиеся потом в Сибири вплоть до этнографической современности, мелкие наконечники ремешков с «карикатурными» изображениями бородатого лица (ГЭ OABEC 1126/428, 1133/152-153) и др. (всё бронза).

На Среднем Енисее западное влияние маркируется не только изделиями нового облика, но и заведомо инокультурными памятниками типа впускных всаднических погребе-

ний на могильниках Сабинка I и Кирбинский лог (Савинов, Павлов, Паульс 1988), появившимися в рамках глубокой трансформации кыргызского общества и культуры после катастрофических уйгурских набегов конца VIII в. (Азбелев 2007б). Именно в этих могилах найдены наиболее ранние на Среднем Енисее гладкие лировидные подвески с сердцевидными прорезями, стремена с приплюснутой петлёй для путлища и удила с вобразными завершениями грызл, также наиболее ранние из хотя бы приближённо датируемых находок соответствующего облика в минусинских степях. Ничего подобного в достоверно более ранних кыргызских памятниках нет, эти типы принесены сюда новым населением — а значит, находки подобных предметов в других регионах не могут датироваться по вторичным аналогиям из кыргызского ареала.

Того же происхождения и немногочисленные минусинские находки изваяний, похожих на древнетюркские. Многие авторы относили их к таштыкской традиции, но С.В. Панкова, опираясь на подробный разбор системы образов и реалий, заключила, что «нет оснований считать их таштыкскими»; эти изваяния «современны ряду тюркских памятников», причём их нужно признать «периферийными по отношению к большинству памятников» древнетюркской скульптуры, «их корректнее относить к "кыргызскому" времени» (Панкова С.В., 2000). Уточняя и конкретизируя этот вывод, следует подчеркнуть: минусинские изваяния вторичны, их создали не скульпторы, а петроглифисты; они пытались в привычной им технике воспроизвести виденные ими (или известные им по словесным описаниям) образцы древнетюркской круглой скульптуры, а заодно дополнили непонятную и потому «развалившуюся» композицию типовых элементов, свойственных изваяниям, знакомыми петроглифическими образами.

Каждый из пунктов приведённого обзора, безусловно, нуждается в особом тщательном изучении. Предстоит проверить как типогенетические связи по отдельным категориям инвентаря, так и событийную взаимоувязанность различных заимствований. Однако и общее перечисление вероятных западных прототипов южносибирских инноваций IX в. уже позволяет сделать ряд предварительных выводов.

4. Выводы

Если в эпоху Первого тюркского каганата произошёл мощный «выплеск» центральноазиатских типов на запад (типогенетический анализ см.: Азбелев П.П., 1993), то в уйгурское время наблюдается обратный процесс. Вряд ли можно вести речь о каких-то широкомасштабных переселениях или завоеваниях — может быть, имело место что-то вроде «цепной миграции» периферийных групп (населения Хазарского каганата?), спровоцированной теми или иными событиями на западе горно-степного пояса Евразии. Упомянутые инокультурные погребения на юге Минусинской котловины маркируют один из финальных этапов этого процесса.

По крайней мере часть считающихся кыргызскими признаков, распространившихся в южносибирских культурах в конце I тыс., имеет на самом деле не кыргызское, а восточноевропейское происхождение; кыргызы усвоили их наравне с другими южносибирскими народами, и не обязательно раньше других — а значит, служить вещественными индикаторами кыргызского влияния или присутствия эти типы не могут. Ни по отдельности, ни в комплексе эти признаки сами по себе не служат основанием для привязки даты того или иного комплекса к 840 г. За пределами Минусинской котловины и Тувы (и руин Орду-Балыка, разумеется) дата 840 г. статуса terminus post quem не имеет.

Применительно к вопросам этнокультурной истории это значит, что памятники, характеризующиеся соответствующими признаками, не могут считаться кыргызскими без дополнительного анализа, методология которого должна выстраиваться отдельно, на основе детального изучения кыргызской хронологии, а также глубокого анализа типогенетических связей всех южносибирских культур.

Применительно к вопросам общеисторического плана приведённые выше обстоятельства означают, что расхожий термин «кыргызское великодержавие» – не более чем историографический казус, в сущности – недоразумение, которое можно и должно устранить, предложив иное, более фундированное освещение известных исторических событий и археологических фактов. Материалы, позволяющие пересмотреть интерпретацию

центральноазиатской истории IX-X вв., появились в основном позже, чем концепция «великодержавия», и не могли быть учтены её создателями, однако в настоящее время несоответствие идеи о «кыргызском великодержавии» известным историческим и археологическим данным уже очевидно. Всесторонний анализ развития южносибирских культур в IX в., основанный на конкретном вещественном материале и свободный от историографических штампов, представляется важной и увлекательной задачей будущих изысканий.

Литература

- 1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- 2. Азбелев П.П. Ингумации в минусинских чаатасах (к реконструкции социальных отношений по археологическим данным). // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С. 154-156.
- 3. Азбелев П.П. К реконструкции социальной структуры кыргызского общества. // [Вторые] Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть первая. Омск, 1992. С. 88-90.
- 4. Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля. // Петербургский археологический вестник. Вып. 3. СПб, 1993. С. 89-93.
- 5. Азбелев П.П. Погребальные памятники типа минусинских чаатасов на Иртыше. // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 129-138.
- 6. Азбелев П.П. Вещь, отражающая эпоху (об историко-культурном контексте увгунтского комплекса). // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск, 2007а. С. 126-129.
- 7. Азбелев П.П. О верхней дате традиции таштыкских склепов. // Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. Барнаул, 2007б. С. 33-36.
- 8. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. // Соч., Т. ІІ. Ч. 1. М., 1963.
- 9. Бичурин Н.Я Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. // М.-Л.: 1950. Т. 1. 380 с.
- 10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л., 1965. 145 с.
- 11. Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна». М., 1970. 431 с.
- 12. Длужневская Г.В. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX-XII вв. н.э.). // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. VI. Lodz, 1994. С. 21-43.
- 13. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992. 335 с.
- 14. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. Филол. ф-т СПбГУ, СПб, 2005. 346 с.
- 15. Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата. // Восточноевропейский археологический журнал, № 2(3), март-апрель 2000 (интернетиздание; ссылка: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm).
- 16. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск, 1983. 207 с.
- 17. Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае. // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск, 1989. С. 138-140.
- 18. Панкова С.В. К вопросу об изваяниях, называемых таштыкскими. // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. СПб., 2000. С. 86-103.
- 19. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., ЛГУ, 1984. 174 с.
- 20. Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии. // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980-1984 гг. Л., 1988. С. 83-103.
- 21. Степи Евразии в эпоху средневековья. Серия: Археология СССР. М., 1981. 304 с.

- 22. Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун хойчан ипинь цзи» («Собрание сочинений Ли Вэй-гуна периода правления Хойчан, 841-846 гг.»). // Изв. АН Кирг.ССР, серия обществ. наук, Т. V, Вып. 1, (История). Фрунзе, Изд-во АН Кирг.ССР, 1963. С. 67-81.
- 23. Супруненко Г.П. Некоторые источники по истории древних кыргызов. // История и культура Китая (Сборник памяти академика В.П. Васильева). М., 1974. С. 236-248.
- 24. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. 240 с.

Масумото Т.

(г. Осака, Япония)

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ, СВЯЗАННЫЙ С ИСТОРИЕЙ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЫВЫ ПРИ ДИНАСТИИ ТАН

Есть интересная вещь в постоянной экспозиции музея г. Кызыла в Тыве, которая выставлена там уже давно. Это обломок глинистого сланца темно-красно-коричневого или темно-фиолетово-коричневого цвета. Первоначально это был диск диаметром 67 см, толщиной 7-10 см, сделанный оббивкой, а потом он разбился пополам. Край обработан орудием типа долота, и поэтому в разрезе имеет трапециевидную форму. На лицевой стороне с гладкой ровной поверхностью нанесен образ всадника на коне (рис.1, 2). Поверхность обратной стороны осталась естественной, неровной. При первом же взгляде на лицевую сторону легко заметить, что для изображения рисунка всадника использовался естественная поверхность сланца. На участке с изображением части конечностей коня, где остается естественная плоскость, не использованная для рисунка, мы можем определить, по крайне мере, 7 строк китайских иероглифов, нанесенных до изображения всадника и едва сохранившихся до настоящего времени. Безусловно, это только часть из всех иероглифов, написанных на естественной стороне первоначально. Еще тщательнее осматривая детальные части, мы выяснили, что там частично заметны несколько следов нанесения иероглифов. Мы здесь показываем такие характерные черты следов пунктирной линией (рис.2). Еще остаются неглубокие линии, под которыми расположены каждый иероглиф для того, чтобы вписать их внутри разделения стройно. Особенно над каждой стороной иероглифов проведены горизонтальные линии, и ниже них первый иероглиф написан сверху вниз. Такие линии обычно делаются в Восточной Азии при нанесении надписей при разных обрядовых церемониях на стелах, плитах, разных сосудах и т.д., изготовленных из камня, металла, даже дерева. Значит здесь использована форма, установленная для документов официального объявления, которая была широко распространена в древности в ареале культуры с китайскими иероглифами.

Когда мы спросили об этом сланце в музее при осмотре, нам никакой информации не смогли дать. Насколько мне известно, про эту вещь до сих пор нет сведений в литературе, за исключением упоминания у Л.Р. Кызласова. Он пишет: «Наконец, в музее г.Кызыла имеется обломок верхней части плиты с остатками иероглифической надписи 13-14 вв. на лицевой стороне и гравированным изображением будды на узкой грани. Из текста (испорченного позднее высеченным изображением всадника с копьем и в шлеме-шишаке) видно лишь, что стела в свое время была поставлена в честь «заместителя консула Кундуна»; в тексте упоминаются какой-то округ (чжоу), офицеры и армия. Где первоначально стояла эта стела, неизвестно, но, очевидно, в бывшем округе Кяньчжоу, так как в 1887 г. она находилась в буддийском пещере близ устья р.Чаа-Холь» (Кызласов Л.Р., 1969, с.160).

Но, тем не менее, остается неясным: что это такое, почему и зачем здесь была нанесена такая надпись?

В результате анализа надписи у нас возникло свое мнение, которое отличается от вышеизложенного. Здесь мы собираемся высказать свое мнение, так как этот, собственно говоря, незаметный и скромный экспонат имеет очень большое историко-археологическое значение в исследовании Южной Сибири в связи с историей династии Тан. Кстати говоря, здесь мы особо не касаемся изображения всадника, которое прямо не связано с этой надписью.

Часть с иероглифами занимает 10% всей площади лицевой поверхности разбитого сланца. Там обнаруживаются остатки 8 строк, и среди них можно показать 7 строк с иероглифами, которые мы можем расшифровать. Иероглифы сделаны ясным уставом, а не упрощенным почерком, более того с последовательностью, которая легко позволяет его прочитать любому человеку, выросшему в ареале культуры с китайскими иероглифами. Поэтому даже если они остаются отрывочно, а не в совершенном виде, но все-таки по признакам детерминативов в иероглифике сравнительно просто можно определить, какие иероглифы использованы.

Таким образом, мы показываем их в рисунках. Основываясь на них, выявляются несколько имён существительных, которые характеризуют определенные термины, повествующие о политической стороне танской истории Китая. На том же рисунке квадратные скобки указывают на то, что существуют там какие-то иероглифы, но из-за плохой сохранности их невозможно расшифровать. Несмотря на это, не исключена возможность прочитать текст, потому что в связи со сложными словами, составляющими определенные термины, выяснены какие иероглифы написаны. Надпись нанесена справа налево. На рисунке (рис.3) мы нумеруем каждый иероглиф и каждую скобку и внизу транскрибируем каждый иероглиф, используя кириллицу (путем современного китайского произношения).

Рассматриваем каждый иероглиф по порядку номеров.

Иероглиф 1: Здесь виден остаток какого-то иероглифа, но его уже невозможно прочитать. Как ниже указано, есть большая возможность, что еще существовали другие строки с иероглифами до высечения этой строки.

Иероглифы 2 и 3: эти два иероглифа читаются как «фу-чи». По «Байгуань-чжи» (Запись о чиновниках) в «Тан-шу» (Хроника о династии Тан), это название должности чиновника, который назначен вице-посланцем, сопровождающим главного, т.е. его подчиненного. В эпоху Тан такие чиновники как «Цзеду-ши» (Командующие войсками), «Дуаньча-ши» (Командующие вооруженными организациями гражданской самоохраны), «Туаньлянь-ши» (Имперские уполномоченные местного ополчения, ответственные за обучение) имели своих вице-посланцев (Адзиа рэкиси-дзитэн (Исторический словарь Азии), т. 5, с.251-252).

Иероглифы 4, 5 и 6: Среди них от иероглифа 6 остается только верхняя часть правой половины, но его можно прочитать как «гуань». Эти три иероглифа читаются как «Гунмугуань». Таже по «Байгуань-чжи» в «Тан-шу», чиновники этого назначения занимались освидетельствованием документов, финансовыми и разными делами и наблюдением за порядком ведении книг и реестров. При династии Тан в государственном учреждении «Цзисяньдянь», которое играло центральную роль в системе государственных органов, тоже существовал этот ранг чиновничества. Они принадлежали Министерству имперского секретариата по управлению страной «Чжушу-шэн», где их основное назначение — редактирование и выпуск книг, поиски рассеявшихся и потерявшихся книг (Морохаси Т., 1972, с.811).

Иероглифы 7 и 8; 16 и 17: Оба сложных слова являются термином «Ю-цзюнь». Буквальное значение – «Правая армия». Об этом слове ниже будет объяснение.

Иероглифы 9 и 10; 14 и 15; 18 и 19: Каждое сложное слово обозначает термин «Паньгуань». С династии Тан стали организовать этот ранг чиновников. Они занимались разбором дел и вынесением решений. По разделу «Чжигуань-дянь» (Запись о чинах и должностях) в исторической литературе по политической системе «Тундянь» они принадлежали таким посланцам как «Цзеду-ши», «Дуаньча-ши» и «Фанюй» (Защитники). После сунской династии этот ранг отменили (Адзиа рэкиси-дзитэн (Исторический словарь Азии), т.5, с.251-252).

Иероглиф 11: Остается правая половина. Читается «чэн». Основное значение этого иероглифа — «помочь». От этого происходит также «помощник». Есть термин для чинов-

ников «Чэнсян», который появился уже в период воюющих государств, а потом после эпох Южного Суна и Юани отменен. Они помогали своему монарху, занимаясь распоряжением политических дел. Особенно после эпохи Вэй и Цзинь (220-316) ее считали почетной службой, которая была учреждена в экстренной ситуации (Адзиа рэкиси-дзитэн (Исторический словарь Азии), т.4, с.391-392).

Иероглифы 12 и 13: Это сложное слово, которое обозначает термин «Цзоцзюнь». Буквальное значение – «Левая армия». «Левая и Правая армии», как будет ниже подробнее написано, считались единицами военной организации, характеризующей систему вооружения Танского государства.

Иероглиф 20 и 21: Иероглиф 20, также как иероглиф 12, «левый», а иероглиф 21, по его части верхней половины, можно читать «юй». Значит, эти два иероглифа указывает на чин военной инспекции «Юй хоу», и здесь «Цзю Юйхоу», т.е. «Левый чин военной инспекции». Чин военной инспекции, назначенный на секретный осмотр незаконных дел и передовую разведку. Они служили начальнику, держась слева и справа от него, отгоняя беззаконников, охраняя процессию сзади и спереди. В эпоху Суй двору преемников императора принадлежат Левый и Правый чины военной инспекции, при которых поставлен их начальник, а после середины эпохи Тан в каждом главнокомандующем окраины «Цзедуши» положен чин военной инспекции «Юйхоу», чтобы предать преступников военному суду. Но после сунской эпохи его роль постепенно уменьшилась (Адзиа рэкиси-дзитэн (Исторический словарь Азии), т.3, с.44).

Иероглиф 26: Читается слово «Цзюнь», т.е. «армия». Выше этого слова находятся остатки двух иероглифов (24 и 25), которые уже совершенно невозможно расшифровать. Но все равно можно предположить, что там написана «некая» (24 и 25) «армия» (26). И ниже иероглифа 26 должны быть название службы, а потом — фамилия и имя какой-либо личности, как обычно расположены в таких историографических контекстах Восточной Азии. Если дать волю своему воображению, не исключена возможность, что в скобках (24 и 25) было написано название местности, где разместилась вышеуказанная армия, как часто встречается в китайских хрониках. Так, поскольку вспоминается о историкогеографических условиях местностей, включивших современную Туву в эпоху Тан, естественно, что, прежде всего, мы принудительно не можем не перечислять географическое название «Цяньчжоу». И ниже иероглифа 26, может быть, существовали иероглифы, которые свидетельствуют о какой-либо воинской части под армии «Цяньчжоу».

Иероглиф 29: Читается «фэн». Этот иероглиф включается в категорию переходного глагола, а не имени существительного. Поэтому он требует объект в грамматическом смысле. Здесь обозначает «посвятить что, кому». Значит, то, что написано еще перед иероглифами 1-31 — именно это объект, хотя ни одного иероглифа не остался из-за использования участка для изображения всадника. Этот иероглиф нанесен гораздо ниже горизонтальной линии по сравнению с другим первым иероглифом каждой строки (2, 7, 12, 16, 20, 24). Такое расположение иероглифа «фэн» соответствует стандарту в должной форме. То, что местоположение, занимаемое ниже других, связывается с тем, что вассалы ведут себя скромно при посвящении чего-либо высшему чину. Здесь можно сказать, что надпись посвящалась кому-нибудь из императоров династии Тан.

Неизвестные иероглифы 30, 31, ...: По обычаю нанесения надписи на стеле-памятнике ниже иероглифа «фэн» (29) написана дата в названии хронологической эры, которая необходима исконно в восточноазиатской мире. И на последнем этапе нанесения надписи на левой стороне от строки с иероглифами 29, 30, 31 и ... была высечена фамилия с именем человека, ответственного за посвящение стелы с данной надписью.

Таким образом, несмотря на то, что на поверхности обломка плиты не сохранились все иероглифы и уже навечно исчезла информация, связанная с датой, именами, названием местности и т.д., при тщательном осмотре едва оставшихся иероглифов мы можем иметь несколько ключевых фактов, которое позволяет ему коснуться истории Южной Сибири с точки зрения восточноазиатской истории. Тем более что, к счастью, обнаружение характерных терминов, использованных в системе военной политики древнекитайской истории, может открыть широкий подход к ограничению даты и интерпретации этого артефакта в некоторой степени.

Здесь мы приводим пример использования терминов «Фучи» и «Паньгуань», чтобы конкретно понять, при каких обстоятельствах они используются. Например, во главе биографии уйгуров «Хуйгэчуань» в «Цзютаншу» (Старой танской династийной хронике) есть следующее описание. «В первом году Чанцин (821 г.) после смерти уйгурского кагана Пигабаои, в апреле Танский двор признал уйгурского властелина новым каганом, придав ему наименование «Дэн(ли)лоюйлюймэймишигоучжулюй-Баои каган». В мае уйгурские помощник «Цзайсян», генерал-губернатор «Дуду», царевна, манихеи (всего 573 человек) посетили императорский дворец. Тогда император встретил царевну в резиденции для почетных гостей «Хунлюй-сы», где она отдохнула. Император приказал царевне Тайхэй гунчжу выйти замуж за уйгурского кагана, и она стала его Кэдуй (женой). Потом император назначил Дацзянцзюань (Командующий частями императорской гвардии) Ху Цзян в посол с наименованием Шаншу (начальник одной из палат, входившей в Шаншу-шэн), который должен проводить ее в уйгурский дворец и там передать кагану императорский указ, сделал Гуанлуцин (начальник палаты, ведавшей пиршествами, устраиваемыми при дворе в честь прибывавших послов, в отставке) Ли Сянь в Фучи, прибавив ему Юйшичжунчэн (чини контроля чиновников) и также Файчан-боши (ведающий имперскими церемониями) Янь Ю в Паньгуань, вызвав его на Дяньчжун-юйши (чин инспектора, служащего императорскому двору» (Сагути Т., Яамада Н., Мори М., 1972, с.364-365).

Как следует из сказанного, известно, что Командующего частями императорской гвардии «Дацзян» сопровождают «Фучи», а Хуньли-ши (посланец для свадьбы) – «Фучи» и «Паньгуань». Такие наименования всегда использовались, прибавляя их в какие-либо основные наименования службы при каких-либо событиях.

Несколько подробнее надо коснуться еще термина «Цзоцзюнь» (Левая армия) и «Юцзюнь» (Правая армии), потому что невозможно отрицать их связь с употреблением в надписи с характерной военно-административной системы династии Тан. Чтобы углубить понимание этой системы, надо познакомиться с некоторыми сторонами специального изучения так называемой «Фубинчжи» (Системы распоряжения окружных солдат) и системы «Цзедуши» (Командующие войсками), появившейся в конце эпохи Тан после краха «Фубинчжи».

Известно, что Танское государство состояло из многих народов, а не только из китайцев. Поэтому все время государственными деятелями обращалось внимание на состояние не только внутри самих китайцев, но и у народов, которые существовали вне китайской земли. С тех пор, как в третий год правления император Тайцзун (629 г.) послал 100тысячную армию за границу, а потом каждый год продолжал выслать 40-50-тысячную. Такое положение сохранялось до времени правления императора Сюань-цзуна (713-755).

Организация и составление крупномасштабной военной силы осуществлялись приемом солдат, который называется «Ханчэ», буквально обозначающий поход на полевую войну. Организация эта делилась на Передовую, Центральную, Левую и Правую армии и так далее, в зависимости от масштаба похода. И еще бывает, что организовали строи, состоящие из Левого и Правого чина военной инспекции («Цзю-» и «Юйхоу»), командующий эскортом, в подчинении которого находились командиры Левого и Правого отрядов («Яя») и другие.

Что касается числа кадров во всех военных округах (максимально, 630 округ), то у каждого округа в среднем 800 ч., всего 500 тыс. ч. в годы правления императрицы Цзетянь-Ухоу (685-688 гг.), а потом увеличилось в 1000 ч., всего 600 тыс.ч., хотя говорят, что в реальности такое число должно быть меньше чем представляется.

В некоторых округах число кадров уменьшилось еще из-за дезертирства и уклонения от военной службы. Из таких провинциальных округов все время отправляли в столицу около 100 тыс. солдат, а 50-100 ч. из остальных прикрепили к государственной границе.

Собственно говоря, они должны были демобилизоваться один за другим после битвы, вместе с роспуском походной организации. А между тем много армий заставляли оставаться на месте, в результате чего они остались оккупационными войсками.

С начала династии Тан в качестве одного из мер искупления для каторжников правительство заставляло их и, более того, солдат окраинных областей, подчиненных через местных вождей к Императорскому двору, участвовать в битвах. По сравнению с Танским государством, которое могло интенсивно сосредоточить свою силу на объединенную

власть на основе производительной силы земледельческого общества и его огромного накопленного богатства, окраинные племена, которые поддерживали контакт с Танским государством в сопровождении рассеянности родоплеменной изоляции, неизбежно попали под его зависимым влиянием.

Политика управления инородцами, введенная Танским государством на подчиненных окраинах, называется известной политикой сдерживания «Цзими-чжэнце». Применилась система управления округов и уездов «Чжоусянь-чжи», которая вводилась в действие внутри китайской земли, тоже применились в зависимости от размеров новых зависимых территорий, где протанская группировка вождей была отобрана и назначена на пост генералов-губернаторов или правителей особых районов «Дуду», начальников округов «Цыши», начальников уездов «Сяньлин» и других для того, чтобы использовать их суверенитет, которым они до сих пор обладали в своих местностях. Это именно для управления Танского двора окраинными инородцами. Таким образом, с одной стороны, их считали одними из провинциальных начальников, а с другой стороны, внутри своих племенных социумов они могли остаться королями или вождями. В результате, это привело к тому, что им дали двойные титулы от Танского двора. Значит, китайская традиционная дипломатическая политика «Ии-чжии» (управление инородцами посредством самых инородцев) позволила Танскому двору раздельно управлять ими и предотвращать их восстания, давая им надзирать одного за другим или используя силы противостоящих племен.

Но поскольку заметное превосходство китайской цивилизации над окраинными инородцами привлекало их господствующий класс, естественно то, что танская культура само собой проникла внутри их жизни и способствовала их классовое разделение и образование политической власти. Это обстоятельство создало те условия, при которых племена преодолели родо-племенную изоляцию и проявили способность для осуществления политического объединения.

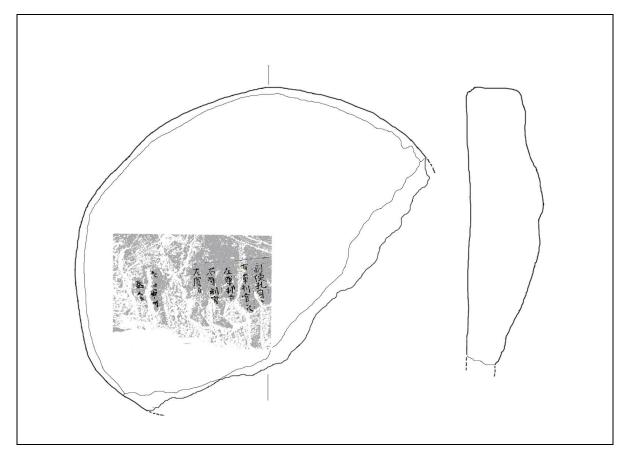

Рис.1 Обломок плиты, хранящийся в музее г.Кызыл

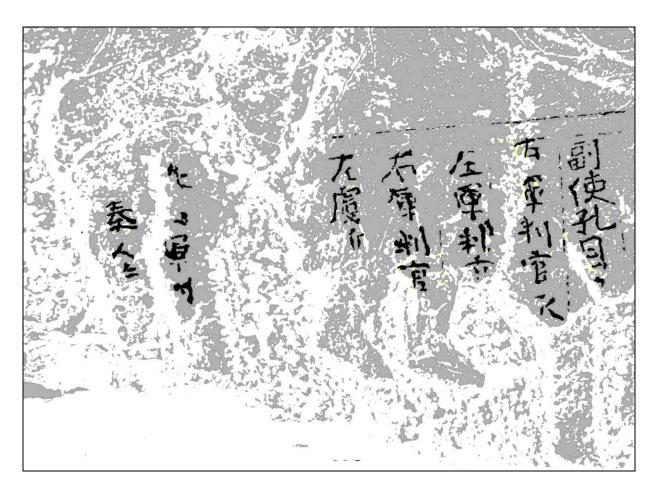

Рис.2 Детальная часть с остатками китайских иероглифов

Наконец-то традиционная политика династии Тан фактически рухнула, и инородцы стали даже нападать на учреждения наместников, которые являлись непосредственными надзирателями для них и препятствовали их политическому объединению. Такая ситуация в свою очередь послужила стимулом неровного развития, полицентризации и изменения целой структуры в восточноазиатских регионах. В этом состоит основная причина, требующая перемены пограничной обороны, т.е. системы «Фубинчжи», что неизбежно вело к политической раздробленности Танского государства (Кикути Х., 1970, с. 424-438).

Обобщенно говоря, претерпев такие исторические перемены, военная администрация окраин под династией Тан испытала свое величие и падение. Говорят, что окраинные округи имели свое закулисное положение, вызванное местными национальными, социально-экономическими особенностями. Но трудно сразу перечислять конкретные факты, свидетельствующие о них, особенно на территории верховья р. Енисея, так как почти неизвестны таких сведений в китайских летописях.

В этом смысле, двадцать с лишним китайских иероглифов, чудом уцелевшее от естественных и человеческих деяний, имеет большое и важное значение для желающих перестроить историю средневековья данного региона. Тем более что, по крайне мере, во второй половине эпохи Тан на территории современной Тувы выставили Правую и Левую армии в связи с политикой удержания под Танским государством. Так или иначе, некоторые из терминов, характеризующих историю династии Тан и привычных для любого интересующегося историей Восточной Азии, здесь на поверхности обломке плита, т.е. бывшей стелы, связываясь друг с другом, незаметно в укромном уголке выставки музея даже сейчас передает нам скрытую и полузабытую сцену южносибирской средневековой истории.

Байгуаньчжи	百官志	Ху Цзян	胡将
Вэй	魏		
уанлуцин	光禄卿	Хуйгэчуань	回約
унмугуань	孔目官	Хунлюйсы	鴻臚寺 婚礼使
Дацзянцзюань	大将軍	Хуньлиши Цзайсян	宰相
Дуаньчаши	観察使	Цзедуши	節度使
Дуду	都督	Цзетянь-Ухоу	則天武后
Дэн(ли)лоюйлюймэймишигоучжулюй-Баои каган		Цзими-чжэнце	羈縻政策
	登 (里) 羅羽録没蜜施句主録毘伽可汗	Цзинь	晋
Дяньчжун-юйши	殿中侍御史	0.000	
⁄ и-чжии	以夷制夷	Цзисяньдянь	集賢殿
Кэду й	可敦	Цзоцзюнь	左軍
Пи Сянь	李憲	Цзю Юйхоу	左虞候
ли сянь Паньгуань	判官	Цзютаншу	旧唐書
		Цыши	刺史
Пигабаои	毘伽保義	Цяньчжоу	謙州
Сюаньцзун	玄宗	Чанцин	長慶
Сяньлин	県令	Чжигуаньдянь	職官典
Тайхэй гунчжу	太和公主	Чжоусянь-чжи	州県制
Тайцзун	太宗	Чжушушэн	中書省
Таншу	唐書	Чэн	
Туаньляньши	団練使	чэн Чэнсян	<u>.</u> 丞
Тундянь	通典	чэнсян Шаншу	丞相 尚 書
Файчанбоши	太常博士	IE E X	
Фанюйши	防禦使	Шаншушэн	尚書省
Фубинчжи	府兵制	Юйхоу	虞候 七軍
фучи	副使	Юцзюнь	右軍
Фуни Фэн	奉	Янь Ю	殷侑
Ханчэ	行軍	Яя	押衙

Рис.3 Расшифрованные иероглифы

При каждой неожиданной встрече с таким как рассмотренный здесь материалом, на нас нападает выводящее из терпения ощущение, насколько еще глубже нужно быть осведомленным в археологии и историографии всей Азии, особенно Восточной, для того, чтобы серьезно развязывать сплетшиеся нити истории Южной Сибири. Кажется, что без накопления такой фундаментальной работы исследования все время остаются просто стереотипичными и в методах и в историческом познании. В этом мы очень хотим критиковать самого себя от глубины души.

Литература

- 1. Адзиа рэкиси-дзитэн (Исторический словарь Азии). Токио, 1974. Т.1-10.
- 2. Кикути Хидэо. Процесс «Фубинчжи» (Системы распоряжения окружных солдат) // Сэкай-рэкиси (Серия: Всемирная история) (в 31 томах), («Формирование Восточноазиатского мира»). Токио, 1970. Т.5. С. 424-438.
- 3. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 160 с.
- 4. Морохаси Тэцудзи Дайканва-дзитэн (Большой словарь китайско-японских иероглифов в 13 томах). Токио, 1972. Т.3.
- 5. Сагути Тору, Яамада Нобуо, Мори Масао. Кибаминдзоку-си (История конных народов) (в 3 томах). Токио, 1972. Т.2.

Садалова Т.М.

(г. Горно-Алтайск)

СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ТРЕХМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ АЛТАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Рассмотрение трехмерной модели пространства в текстах алтайского фольклора позволяет выяснить многоаспектность пластов ее проявлений, в числе которых можно отметить факты своеобразного отражения сосуществования разных мировоззренческих представлений. Так, например, в отдельных текстах мы наблюдаем сочетание шаманского мировоззрения и трансформированного локального варианта буддийской религиозной системы – бурханизма. В свое время С.С. Суразаков в работе «Алтайский героический эпос» установление более стройной системы трехмирья объяснял тем, что « ...в какое-то время в религиозном мировоззрении племен Алтая произошел коренной переворот, отразившийся в эпическом творчестве. На место древнего мировоззрения приходит новая шаманистская система, очень сложная, по всей вероятности, заимствованная. В эту систему вводится новый религиозный пантеон» (Суразаков С.С., 1985, с.47). Исследователь под новой религиозной системой подразумевал буддизм. Наверное, именно из-за влияния бурханистских (буддийских) мотивов одним из ведущих покровителей богатырей становится Уч Курбустан – известное божество в ламаистском пантеоне – Хормусту. Образцом отражения именно нового религиозного обновления можно считать алтайское сказание «Кан-Алтай» (Казагачева З.С., 1997). В этом сказании весьма ярко-красочным представлен средний мир как сокровенный и «пуповинный», вечно обновляющийся Алтай.

Такова почти реальная картина описания удивительной природы Алтая в летний период, где благоденствует и процветает народ среднего мира.

Более детально описан подземный мир, который также многослоен, а каждый слой («кат»), занятый конкретным обитателем, оберегающим определенное пространство подземного мира от вторжения чужого, воспринимается как материализованное препятствие («буудак») герою. Описание подземного мира во многом совпадает с шаманскими представлениями.

Своеобразный синкретизм двух религиозных систем отражается в образах героев верхнего мира. Например, в сказании Ўч Курбустан является небесным покровителем самого богатыря и его коня. Герой женат на предназначенной ему невесте — дочери Ўлгеня. Ўлген же считается божеством шаманистского пантеона, но в этом сказании он получает новый статус как сын Бодо-Бурхана (ламаистский вариант имени Будды), что как раз свидетельствует о синтезе двух религиозных систем. Ўлген богатырю Кан-Алтыну дарит шоор (музыкальный инструмент). Следует отметить, что небесный мир в данном

сказании не очень активно вмешивается во взаимоотношения среднего и подземного миров. Ўч Курбустан отмечен только как покровитель коня и богатыря, а герой совершает все подвиги сам и выходит из всех препятствий победителем. Но, конечно же, в победоносности героя большую роль играет постоянное покровительство небесных сил, так как верхний мир побеждает подземный именно при помощи действий своего героя-богатыря. Здесь логически не совсем мотивирована поездка богатыря в подземный мир, чтобы опередить нападение на Алтай обитателей подземного мира, привлеченных волшебным звуком шоора. Победа же над врагами подземного мира при помощи магического шоора – это некая демонстрация силы небесных божеств над подземными. Здесь нашло отражение не только традиционное противопоставление добра и зла как философских категорий, но изначально заостренная идеологическая полярность двух миров. Комплексное изучение представления о трехмерности пространства в текстах различных жанров фольклора в сопоставлении с шаманскими и бурханистскими текстами может помочь расшифровке реликтовых пластов философских и религиозных представлений, а также их смену или параллельное сосуществование.

Следующий текст героического сказания под названием «Алтын-Эргек» (Садалова Т.М., 1995) относится к числу наиболее архаичных текстов из репертуара телеутского фольклора, в котором мы также обнаруживаем своеобразные факты трехмерности эпического пространственного построения мира. В свое время его исполнял известный сказитель Кузьма Баксарин, который сообщал, что он сам, в свою очередь, слышал его в детстве от популярного сказителя Латыя. Собиратель телеутского фольклора К.И.Максимов текст данного сказания записал от сказителя Д.С. Канзачакова, усвоившего текст от К. Баксарина.

«Алтын-Эргек» представлен в сочетании стихотворного и прозаического изложения. Первая часть сказания посвящена повествованию о женитьбе Алтын-Эргека, во второй части излагается рассказ о женитьбе его сына Алтын-Топчы. В этом сказании мы обратили внимание на примеры слитности сказителя и текста его сказания, которые также встречаются в тексте «Маадай-Кара» в исполнении А.Г. Калкина.

Например, в тексте в описании сражении Алтын-Эргека с противником присутствуют такие строки: «Кони продолжают кусать друг друга, пинать друг друга. Я же стал наблюдать (за кошками)» («Аттар тиштешкенче, Тебишкенче полтырлар. Мен (кискелерди) кöрö пердим...») (Садалова Т.М., 1995, с.26). Продолжение пути героя также передается с точки зрения наблюдателя-сказителя: «Они остались. Я помчался вслед за Алтын-Эргеком...» («Алар јаат калдылар. Мен Алтын-Эргекти сÿрÿп пар јадым») (Там же, с.28). Оценка свадьбы героя также дается сказителем: «На этой свадьбе все хорошо, Все мы пили...» («По тойдо тўгезе јакшы, Тўгезебис ичтис...») (Там же, с.29). Далее в сказании есть эпизоды, когда сказитель как бы одновременно следит за сражением героя с его противником, а также за борьбой его коня с конем противника, чередование же описаний двух картин он связывает при помощи такой фразы: «Ну, пусть они хорошо поборятся. Я пойду, посмотрю на моих коней...» («Је, пулар јакшыла кабыш алзындар. Мен аттарым пар кöрöдим...») (Там же, с.26). Или же он переходе сюжета к эпизоду свадьбы может обозначить так: «Теперь будем праздновать свадьбу» («Эмди тойлоорыс») (Там же, с.39). То есть, сказитель не просто рассказывает сказание, а все время как бы находится рядом с героями в гуще происходящих событий. Иногда он может предстать и в облике сына героя по имени Алтын-Топчы: «Алтын-Топчы мною стал...» («Алтын-Топчы мен пойыла тура перди...») (Там же, с.35). В этих примерах мы видим единение миров сказителя и текста сказания. Также описание и других сюжетных картин сказитель как бы «пропускает» через себя. Поэтому он может сказать: «Моя черная земля вздрогнула...» («Кара јерим соксыл калды...») (Там же, с. 22).

В сказании присутствуют интересные персонажи, связанные с иномирьем. В частности, дальнейшему следованию по своему пути в поисках будущих жен Алтын-Эргеку и его сыну препятствует богатырь Кан-Соло. По уверениям Алтын-Эргека, богатырь является его родным братом. Но тот не различает, что такое добро, что такое зло. Усмирить необузданного богатыря удается коню Алтын-Топчы при помощи письма Создателя, спущенного на голову Кан-Соло. Но Кан-Соло готов сразиться и с самим Создателем. Необычность порт-

ретной характеристики героя дополняет его высказывание о том, что он родился от дерева, что напоминает архаичные сюжеты о покровителях родов и племен.

Не менее своеобразным предстает персонаж, обозначенный как девочка с конопляной косой («кендир чурмешту кыс»). Она помогает в обоих случаях во время предсвадебных испытаний и отцу, и сыну одержать победу. Мощь своей необычной силы она может продемонстрировать так:

Девочка раз крикнет, Небо раскалывается. Раз крикнет, Земля раскалывается... (Садалова Т.М., 1995, с.24).

Скорее всего, девочка с конопляной косой выступает покровительницей богатырей.

В тексте «Алтын-Эргек» следует отметить еще один эпизод, имеющий отношение к характеристике противоположных миров. Так, когда не могли усмирить Кан-Соло, его конь, уже признавший в прибывших родных своего богатыря, посылает коня Алтын-Топчы Создателю:

Ты, мое дитя, поднимись к Создателю,

Мне нельзя туда подниматься.

Ты – конь человека с белыми мыслями,

Я – конь человека с черными мыслями,

Я же спущусь семьдесят седьмому слою вниз,

Буду искать у плохого Дьеека...

(«Сен, палам, Јайаганчаа чыккын,

Мага чыгарга јарабий јит.

Сен ак сагыштудың ады,

Мен кара сагыштудың ады...

Мен јетон кат јер алдына тужерим,

Јеек-Јаманнаң педрерим...»)

(Садалова Т.М., 1995, с.32).

В другом случае два коня также продолжают помогать друг другу. Они ищут душу богатыря Кара-Мёкё, похитившего невесту Алтын-Топчы. Когда находят душу врага, конь Кан-Соло останавливает коня Алтын-Топчы:

Тебе нельзя ее зубами хватать,

Я сам понесу ее...

(«Сага алара уузыңа јарабас!

Мен пойым апарадым...»)

(Садалова Т.М., 1995, с.39).

В произведении «Алтын-Эргек» мы встречаем факт о перерождении богатырского коня. Конь отца перерождается, чтобы стать конем его сына Алтын-Топчы:

Снова он родился,

Стал снова молодым...

(«Катап туулып јайал чыктыр,

Јаш пойыла пол калтыр...»)

(Садалова Т.М., 1995, с. 31).

Сам же богатырь после кончины вместе с женой поднялся в верхний мир («Алтын-Эргек уйиле кожо теңериниң устине тартыла перди») (Садалова Т.М., 1995, с. 31).

То есть, в данном сказании мы встречаем четкую разделенность верхнего и нижнего миров, по отношению к которой противополюсно распределяются сами герои и остальные персонажи.

В архиве Института алтаистики им. С.С. Суразакова хранится рукопись одной из неопубликованных богатырских сказок с названием «Кан-Бурхан» Н.У. Улагашева в записи П. Маскачаковой 1934 года 6 декабря в количестве 22 страниц (Фольклорные материалы из архива Института алтаистики им. С.С. Суразакова (далее — ФМ) 122). Текст представляет собой конспективную запись сказки в прозаической форме, хотя большинство поэтических формул сохранено в стихотворной форме. Конечно же, из-за конспективности записи оказался сокращенным объем сказки, отсутствуют или передаются в сокращенной форме многие ключевые характеристики, традиционные формулы. Не-

смотря на это, текст интересен тем, что в этом сказочном сюжете нашли также отражение архаичные пласты трехмерной модели пространства.

Данная богатырская сказка посвящена необычному герою странной внешности, который имел голову собаки и туловище рыбы. Он был третьим сыном Ак-каана. В рождении этого ребенка родители увидели дурное предзнаменование и решили от него избавиться. Отправили его со старшими братьями в лес, которым наказали убить его. Но старшие братья пожалели своего необычного брата, поэтому не стали его убивать, а бросили в реку, сами откочевали. По реке он попал в земли старика Кюскю-Быркана, который был ограблен и вместе с женой ослеплен подземным богатырем Кара-Маатыром. Герой защищает стариков и их дочь Кюмюш-Тана, которая умела перевоплощаться в птицу, от очередного нападения Кара-Маатыра. Гоняясь за подземным богатырем, он освобождает людей Кюскю-Быркана, возвращает зрение старикам, они выдают за него свою дочь. В этот момент он превращается в прекрасного юношу и женится на Кюмюш-Тана, получает свое настоящее имя Кан-Быркан.

Во второй части сказки повествуется о вторжении брата Кара-Маатыра по имени Кара-Бёкё, который по закону чести должен был отомстить за брата. Кан-Быркан, сражаясь с новым врагом, попадает в подземный мир и по подсказке своего коня находит общий язык с Сары-Коңыр-Каат. Она помогает ему одолеть Кара-Бёкё. В содержании данного теста, на наш взгляд, рудиментарным мотивом является то, что герой рожден под покровительством подземного владыки – Эрлик-Бия, что объясняет его необычную внешность. Во-вторых, во время его похода в подземный мир выяснилось, что его нареченной должна стать Сары-Конур-Каат – представительница подземного мира. Тогда герой вступает с ней во второй брак, благодаря чему и получает помощь для победы над опасным врагом. Таким образом, узнав как бы предысторию биографии героя, мы понимаем, что в данном тексте выведен образ посредника между разными антагонистическими мирами: средним и нижним. Следует признать, что этот вариант относится к числу единичных сюжетов с подобным содержанием, так как большинство сказочных и эпических героев имеют небесное происхождение и женятся на дочерях небесных каанов. Рожденный человеком, герой обретает право быть представителем среднего мира, хотя и с необычной внешностью. В нормальное физическое тело он перевоплощается после победы над врагом из подземного мира. Скорее всего, он был рожден, чтобы стать победителем именно этого врага, так как герой каждого сказания имеет предназначенного ему врага. В этом случае победа над противником свидетельствовало не только о его переходе в статус героя, но и обретение им нормального достойного облика и настоящего имени.

Несмотря на конспективность, в данном тексте мы наблюдаем сложное переплетение линий судеб представителей разных миров. Если обратить внимание на имя тестя героя – Кюскю-Быркан, оно указывает на его небесное или полубожественное происхождение, так как бырканы/бырханы — добрые божества могут быть и небожителями (Солнце-бырхан (Кÿн-быркан), Месяц-бырхан (Ай-быркан)), и покровителями в среднем мире (Землябырхан (Јер-быркан)). Превращение дочери стариков в птицу напоминает небесных дочерей Ўч-Курбустана, которые посещают средний мир в облике различных птиц. То, что герой попадает в эту семью, видимо, меняет пограничное состояние героя между нижним и средним мирами в положительную сторону. Следует сказать, что герой этой богатырской сказки представляет собой своеобразный образ, балансирующий между противоположными мирами, как призванный восстанавливать нарушенный микрокосмос среднего мира.

Так, трехмерность модели мира в фольклорных текстах имеет различные формы своего проявления в многоаспектных соотношениях с архаичными мировоззренческими представлениями сказок и сказаний.

Литература

- 1. Алтайские героические сказания. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 15 / Сост. З.С. Казагачева. Новосибирск: Наука, 1977. 663 с.
- 2. Алтай фольклор. Материалы по телеутскому фольклору / Сост. Т.М. Садалова. Горно-Алтайск, 1995. 128 с.
- 3. Суразаков С.С. Алтайские героические сказания. М.: Наука, 1985. 256 с.

Ойношев В.П.

(г. Горно-Алтайск)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СИМВОЛИКИ ПИЩИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обряды включают в себя и словесные и жестовые компоненты, в них используются графические, скульптурные или пиктографические изображения, продукты питания, вещи и т.д. Актуальным как для фольклористики, так и для этнографии является вопрос о соответствии обряда и фольклора. Для исследователей фольклора и этнографии алтайцев, видимо, весьма продуктивным будет придерживаться семиотического подхода, при котором любая последовательность знаков, независимо от физической субстанции, может быть рассмотрена как связный текст, в силу традиционности общества. Комплексное изучение и вербальных текстов, и жестовых компонентов, других соответствующих элементов совершения обряда, позволит более точно выяснить суть традиционных верований.

Одним из важнейших элементов при совершении обряда является подношение пищевых продуктов духам, хозяевам местности в смысле совершения действий по схеме «подарок-отдарок». Именно семантика пищевых продуктов по степени противопоставлений праздничная-будничная, сакральная-простая и правильность проведения ритуала во многом определяет результативность обрядовых действий. Можно сказать, что специального исследования, посвященного традиционной пище, питанию коренного населения Алтая до сих пор нет. Исследователи отмечают, что основу питания алтайцев составляют мясо-молочные продукты. На то, что в их рационе была в достаточном количестве пища растительного происхождения, как дикий лук, чеснок, черемша, слизун, сарана, кандык, корни различных растений, в том числе заваривание чая из корней и листьев различных растений, внимания не уделялось. Эта тема специального исследования. Нашей задачей является попытка осветить вопрос о ритуализации пищи в обрядовых действиях, т.к. как при определенных условиях может меняться символическая роль пищевых продуктов.

Анализ фольклорных текстов показывает, что пища может быть праздничной и обыденной простой. Изысканная пища для ханов и их богатырей называется «алама-шикир», которая подается к золотому столу. Простой народ питается простой пищей. В быту алтайцы пищу классифицируют по степени значимости при совершении обрядовых действий. Так, например, почетному гостю обычно подается грудинка баранка или его голова (у теленгитов). В время свадьбы подносы (тепши) с мясом готовит человек, знающий тонкости этого дела. Дело в том, что мясо частей животных, заколотых на свадьбу, делится на «более престижные» и «менее престижные». Так, в подносе вместе с другим мясом должны быть два куска мяса «престижных» частей тела животного. Например, тазобедренная кость (дьалмаш) и нижние ребра (сюме кабырга) и т.п. Отметим, что в обыденный день на «престижность», «не престижность» поданного мяса мало кто обращает внимание. На свадьбе имеет значение даже такой момент, в каком положении лежит на подносе грудинка животного.

Особое отношение имеется к молочным продуктам. Их нельзя выбрасывать, проливать. Во время совершения какого-либо обряда им отводится исключительная роль. Так, при совершении молений в честь родовых гор, Алтаю, при посещении целебных источников, где требуется обращение к духам – хозяевам местности, обязательным является их угощение молочными продуктами. Из молочных продуктов (быштак, курут) готовится «шатра». Это двенадцать фигур – условные обозначения небесных светил, домашних животных, жилища человека. То есть, создается модель лунно-солнечного Алтая. При этом мерилом счастья считается достаток и семейное благополучие. Обязательным условием является то, что молочные продукты для обряда должны быть не пробованные. Испрашивание благополучия и здоровья (подарок-отдарок) достигается путем высказывания благопожеланий священным объектам и окружающему миру, а также кормлением духа огня. Конечно, это упрощенное объяснение, но суть обряда всё-таки в этом.

Приведенный материал показывает, что для традиционного общества деление пищи на праздничную и будничную, престижную и непрестижную, сакральную и профанную является весьма актуальным. При совершении обрядовых действий смысловая нагрузка некоторых пищевых продуктов резко усиливается. Так, вырезанные фигуры-шатра из молочных продуктов вбирают в себя целый макромир, которые требуют себе исключительного отношения.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что изучение верований традиционного общества требует комплексного подхода в течение длительного времени и в разных условиях. Некоторые элементы традиционной культуры в частности, пищевые продукты в определенных условиях (во время совершения обрядов) могут резко усиливать свою ритуальную значимость: обыденная пища превращается в сакральную.

Литература

- 1. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.
- 2. Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. Горно-Алтайск: АКИН. 2006. 164 с.

Торушев Э.Г. (г. Горно-Алтайск)

НЕКОТОРЫЕ КОСТИ ЖИВОТНЫХ В РИТУАЛАХ АЛТАЙЦЕВ

В ритуальной практике алтайцев особое отношение всегда было к костям животных, как в повседневной жизни во время приема пищи, так и в особых случаях.

До сегодняшнего дня у коренного населения Горного Алтая практикуется ритуал, который тесно связан с животноводческой деятельностью. После употребления в пищу мяса, запрещается выкидывать кости. Мозговые трубчатые костяки передних и задних ног (*junÿкту cöк*) обязательно разрубали, раскалывая её вдоль. Находившиеся внутри мозги съедали, обычно их давали детям и после этого кости кидали в огонь. Разрубить и кинуть в огонь непременно должен глава семьи. Если этого не сделать, то считалось, что в этой семье не будет достатка в мясе (Торушев Э.Г., 2007, с.68). В данном действии предположительно отразилось представление алтайцев о куте животных. А.В. Анохин в работе «Душа и её свойства по представлению телеутов» пишет: «Кут животных понимается как зародыш, от которого начинается бытие, и как жизненная сила, поддерживающая его дальнейшее существование...». В пользу нашей версии говорит тот факт, что с *кутом* домашних животных связан сам глава семьи. Так А. В. Анохин отмечает: «Кут животных как жизненную силу, может уносить с собой на тот свет, умерший глава семьи, - скотина тогда начинает издыхать (малдың кудын алып парђан, мал öl-jam – он кут скота взял, от этого скот издыхает)» (Анохин, 1929, с.258). Для того чтобы в хозяйстве всегда был скот, только глава семьи проделывал вышеописанные действия. У алтайцев выбросить пищу считалось большим грехом (в данном случае не съесть костный мозг и выкинуть кости). Этим можно навлечь немилость со стороны духов, то есть не давать больше скоту кут, за такое небрежное отношение человека и его семьи к их дару. Также можно предположить в данном обряде отразилось древнее анимистическое представление алтайцев, и сжигание костей это жертвоприношения предкам. Э. Кьодо в своей работе «Гарил: жертвоприношение предкам в культе Чингисхана» пишет: «Сжигание очищенных костей как приношение является одной из наиболее интересных составных частей ритуала гарил. Этот тип подношения очень древний, и его все еще можно наблюдать в различных районах Монголии. О случаях сжигания костей монголами в средние века сообщает Плано Карпини. Он рассказывает, что монголы делали идол для поклонения своему первому кагану, т.е. Чингису. ... Божеству посвящали лошадей и других животных. Когда этих животных забивали, их кости сжигали, а не дробились. ... сжигание костей жертвенных животных являлось жертвоприношения предкам». Так же и среди монгольских пастухов существовала практика сжигания костей съеденных животных (Кьодо Э., 1993, с.100). Среди тюрко-монгольских народов очень много общего из-за тесных исторических связей и не исключено, что ритуал сжигания костей алтайцами есть отголосок древнего обряда жертвоприношения предкам.

Особое отношение алтайцев было к головам заколотых животных, их запрещалось выбрасывать, портить и т.д. А.К. Ялатов отмечает, что раньше обязательно нужно было сварить и употребить в пищу голову лошади, коровы, овечки. Алтайцы говорили: «*Башка* баш кожулар, балага бала кожулар, малга мал кожулар» (К голове голова прибавится, ребенку ребенок прибавится, скоту скот прибавится). Алтайцы верили если отнестись непочтительно к голове животного, которого вырастил, то не будет удачи в хозяйственной деятельности, скот вымрет. Поэтому раньше не выкидывали головы даже павших животных, отварив её в казане, отдавали собакам (НА ИА. Ф.М. 477. Л. 28-30). Отдать голову собаке не считается кощунством у алтайцев. Собака считалась существом положительным, про которую говорят ару, јакшы тынду – чистое хорошее животное, охраняющее жилище не только от воров, но и от злых духов. При этом надо отметить, в некоторых случаях собака самое предпочтительное животное, которое связанно с миром духов. Так во время поминок телеуты, кормя пищей собаку через нее как бы питали душу сўна человека (Анохин А.В., 1929, с.265-266). О том, что раньше алтайцы не выбрасывали черепа своих заколотых животных информировала и жительница села Улита, Кубекова Э.С. Также алтайцы Кош-Агачского района, где информатор родилась (Кубекова Э.С., после замужества около 50 лет живет в Улите) во время обряда «белкенчек тужурип», когда родственники жениха посещали родителей невесты. Вместе с белькенчек (нижняя часть позвоночника с крестцом) в жилище родителей невесты заносили и голову. Предварительно ее опаливали, а затем отваривали в казане. Голове в данном ритуале отвадилась особая роль, так как жених из дома родителей взял невесту «Башту косту кижи алган» (Взял жену с головой и глазами). Значит и в подарок должен привезти голову, без каких-либо повреждений. Так же считалось «Баш јок немее бутпес» (Без головы ничего не будет). То есть, чтобы будущая семья жила в достатке жених и должен привезти голову (Сообщение информатора Кубековой Э.С., запись 2007 г.).

Н.А. Тадина в своей работе пишет следующее: «Для южных алтайцев характерно почитание костей домашних животных. Существует запрет их разламывания. Что могло бы повлечь, по представлению народа, потерю плодовитости скота («малдың бажын-сööгин чапас»). Оставшиеся после свадьбы цельные кости головы («баш»), конечностей («шыйрактар»), а также копыта («туйгактар») вывешивали на столбах, установленные в стороне от аила или на вековых лиственницах. Там они оставались в память о свадебном пиршестве, пока не приходили в ветхость» (Тадина Н.А., 1995, с.124-125].

Информатор Кыпчакова Клара Михайловна рассказала, что алтайцы Улаганского района во время поминок съев мясо с головы овцы, затем этот череп проламывали большой берцовой костью – *јодо*. Потом ломали и саму берцовую кость. После череп и берцовую кость клали в такое место, где никто не ходит. Со слов Клары Михайловны это проделывали для того, чтобы у покойного на том свете тоже был скот, чтобы там он жил благополучно (Сообщение информатора Кыпчаковой К.М., запись 2007 г.). В качестве символа благополучия берцовая кость – *јодо* была и в свадебном обряде. Так при ритуале «кöжöгö ачары» («открывание занавески») символизирующий рождение невесты в новом качестве – *келин* (замужняя женщина). Занавес кöжöгö становился как бы оберегом новой семьи, его прикрепляли на постоянное место у кровати новобрачных, закрыв ее от посторонних глаз. К березкам занавеса привязывали *јодо* и «грудинное ребро (*сÿме* кабырга) – как символ пожелания новобрачным благополучной жизни» (Тадина Н.А., 1995, с.67). Большая берцовая кость особо почиталось у монголов. «Именно из-за своей долговечности кости являются символом непрерывности семейной линии и считаются связующим нитью между предками и потомками. Последнее особенно относятся к восприятию западными монголами большой берцовой кости. Именно ей совершают поклоны во время брачных церемонии, а в новых юртах помещают за настил крыши, т.е. в то место, где в древности хранили оберег семи (онгон)» (Кьодо Э., 1993, с.100).

У кумандинцев во время охоты, когда белка исчезала с занимаемой артелью территории, то переходили на новое место. Вопрос смены места разрешался после гадания на лопаточной кости белки или рябчика. Кто-нибудь из сведущих охотников брал лопатку, вставлял ее в расщепленную палочку, нагревал её на огне или закапывал в горячую золу. После этого рассмотрев ее трещины, определял, куда надо идти (Сатлаев Ф.А., 1974, с.58). Надо отметить и в сегодняшние дни у алтайцев практикуется гадания с помощью обожженной бараньей лопатки.

Все эти ритуальные действия, связанные с костями животных были направлены на испрошения удачи и благополучия. Так в свадебных обрядах, где эти ритуалы исполнялись, для того чтобы молодая семья жила в достатке, а в поминальных, чтобы покойный на том свете также жил без нужды.

Список информаторов

- 1. Кубекова Эртечи Суровна 1917 года рождения, сеок тоңжан, с. Улита Онгудайского района Республики Алтай.
- 2. Кыпчакова Клара Михайловна 1939 года рождения, сеок ак-кöбöк, с. Кырлык Усть-Канский район Республики Алтай.

Архивные материалы

НА ИА. Ф.М. 477. Л. 28-30.

Литература

- 1. Анохин А.В. Душа и её свойства по представлению телеутов // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т.8. С. 253-269.
- 2. Кьодо Э. Гарил: жертвоприношение предкам в культе Чингисхана // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С.97-102.
- 3. Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974. 200 с.
- 4. Тадина Н.А. Алтайская свадебная обрядность (XIX-XX вв.). Горно-Алтайск, 1995. 207 с.
- 5. Торушев Э.Г. Религиозные ритуалы и обряды в быту у алтайцев // Сборник материалов научной конференции с международным участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвящённой 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. Горно-Алтайск, 2007. С. 68-70.

Яданова К.В.

(г. Горно-Алтайск)

ПОВЕРЬЯ ТЕЛЕНГИТОВ О ВИХРЕ – *ТŸŸНЕК* (по материалам экспедиций в Кош-Агачский район Республики Алтай)

Туунек келјатса, тукуруп, јердиң тобрагын ал чачып: «Јети кат јер алдына кир,

Тогыс кат тобрак алдына кир» — деп айдар. (Когда приближается вихрь — туўнек, плюются, взяв [горсть] земли, бросают, говоря:

«Уходи под семь слоев земли, Уходи под девять слоев пыли»). (Т. Бабинасова, с. Ортолык)

Религиозно-мифологические представления о вихре — *туўнек* являются важной составной частью традиционного мировоззрения теленгитов Кош-Агачского района Республики Алтай.

Представление о вихре у алтайцев впервые было отмечено Л.П. Потаповым, который связал его с шаманским мировоззрением (Потапов Л.П., 1991, с. 81-82). По его сведениям: «У алтайцев и телеутов было распространено представление о вихре как злом духе, если он крутился против часовой стрелки. Если же вихрь крутился в обратном направлении, его принимали за мчащегося камлающего шамана, точнее — за его јула, так как сам шаман находился в это время на месте камлания» (Потапов Л.П., 1991, с. 81).

В настоящей статье традиционные представления теленгитов Кош-Агачского района о вихре — *туўнек* рассматриваются на основе материалов, собранных нами во время летних сезонов 2003-2007 г.г. в населенных пунктах: Курай, Чаган-Узун, Ортолык, Мухор-Тархата, Бельтир, Кош-Агач, Теленгит-Сортогой, Кокоря. В ходе экспедиций нами удалось зафиксировать: заклинания (более 5 текстов), изустные рассказы (5 текстов), былички (2 текста), связанные с поверьями теленгитов о вихре — *туўнек*.

Вихрь в теленгитском диалекте — *туўнек*, на диалекте собственно *алтай кижи* (Онгудайский, Усть-Канский, Шебалинский р-ны) — *куйун*. Первичной основой лексемы *туўнек*, очевидно, выступает основа *туў*- в значении «завязать в узелок» (Алтайский морфемный словарь, 2005, с. 194). Следовательно, однокоренными словами являются: туўн / туйўн — узел; *туўнчек* — узелок; туўл- / туўйўл- 1) завязываться узлом...; 2) свернуться комочком, сжаться, поджаться (Ойротско-русский словарь, 1947, с. 161); *туўнек* — вихрь; *туўнектелер* — кружиться, вихриться.

По представлениям теленгитов существует два вида *туўнек*: простой вихрь от ветра, который предвещает ненастье и вихрь с духом-хозяином (нечистым духом — *кормос*) — ээлу туўнек. Ээлу туўнек забирает душу — *јула* человека, выступает посредником мира живых и мертвых.

Ээлу туунек бар, салкынның туунеги бар. Ээлу туунек кошту, кайда ла бар јок кий-им-кешек учурар, кошту... Ого учураган киши ооруп та јат, бошоп то јат.

(Бывает *туўнек*, который имеет духа-хозяина — ээлў туўнек, бывает [простой] вихрь от ветра. Вихрь с духом-хозяином страшный, уносит вещи, все [что попадется], страшный... Человек, который встретился с ним, может и заболеть, и умереть) (К.И. Отукова, с. Ортолык).

Туунек деп неме неме? Бир туунек болор: јуттың, салкынның туунеги деп. Ээлу туунек деп неме болор теңериле тудуш, јаңыс кара-куу тешјадар. Јуттарга турса, салкындарга турса осо туунек келер не. Байа јуттардың туунеги дештен.

(Вихрь – *туўнек* что это? Бывает вихрь ненастья, ветра. Бывает вихрь с духом-хозяином – *ээлў туўнек*, тянется до [самого] неба... Перед ненастьем, перед ветреной погодой ведь сначала приходит вихрь, говорят «вихрь ненастья») (В.С. Ундулганов, с. Чаган-Узун).

Тўўнек ээлў болор дийт. Тўўнектиң јолына турбас. Оның јолына турсаар, кишиниң јуласын апарар, киши бошоордоң до айабас.

(Говорят, $m\ddot{y}$ унек имеет духа-хозяина. На дорогу вихря не встают. Если встанете на дорогу вихря, то [он] заберет вашу душу — jула, человек может и умереть) (Ч.А. Малчинова, с. Ортолык).

Тÿÿнек келип... ол баса кöрмöстÿ келер. Тÿÿнек апартыр бу кишини тешип те туртан болгон. Бу тураның кийине чаайды, бу кашаның толыгына ол киши алдыртыйды тешип. Андый немени угуп ла туртам.

(*Туунек* приходит с нечистым духом – *кормос*. [Слышал как] говорили, что вихрь – *туунек* унёс [душу] этого человека. Говорили, что вихрь ударил за этим домом, что [душу] того человека забрали на углу той кошары. Такое я слышал) (С.Д. Саблаков, с. Чаган-Узун).

Вихрь с духом-хозяином – ээлў туўнек различают от простого вихря: ээлў туўнек, тянется до самого неба и, обычно, появляется в безветренный ясный день. Один из жителей различает вихри по направлению их движения:

[Туунек] — ол чистый кормос тешет. Оны баса билер [керек] мнайта кунгери айлантурар ба, мныйта айлантурар ба, баса куйундалтуранын корсо. Кунгери айлантураны ол тегин јердиң неси тешет куйун, салкын. А ол качанда кормосту, јаман неме полсо, тескери айланар учурлу против часавой стрелки. Улустардың айдышыла полсо андый.

(Говорят [тÿÿнек] – это нечистый дух – кöрмöc. Тоже надо знать [какой вихрь], кружится по ходу солнца или кружится вот так [против часовой стрелки]. Тот, который кружится

по ходу солнца – это просто вихрь земли: вихрь – *куйун*, ветер. А то, что плохое, с нечистым духом – *кормос*, всегда кружится против часовой стрелки. По рассказам людей так) (К.С. Сопо, с. Курай).

Иногда в вихрь — *ээлў туўнек* превращался умерший шаман (кам) и забирал душу человека, в некоторых случаях наказывал тех людей, которые были повинны в чем-то, совершили что-то плохое:

Туунек ол ээлу, балам. Кандый туунек сматря... Ол ээлу болор огош то болсо, јаан да болсо. Эм бу... мен сеге табылап айдайын. Туунек болып келер неме бу чолдиң камы. Кошту туунек болып келер кара моол, сары моолдың камы.

(Вихрь – *туўнек* имеет духа-хозяина, мое дитя. Смотря, какой вихрь... И большой, и маленький [вихрь] имеет духа-хозяина. Ну, теперь... я расскажу тебе подробно. Вихрем – *туўнек* приходит этот *кам* (шаман) степи. Страшным вихрем приходят шаманы из рода светлый *моол* – *сары моол*, черный *моол* – *кара моол*...) (А.С. Тебеков, с. Ортолык; рассказчиком употреблен русизм «смотря»).

Ряд фольклорных текстов свидетельствуют о существовании у теленгитов поверий о нечистых духах, которые появляются в среде людей в виде вихря и забирают душу того или иного человека.

Среди теленгитов бытуют изустные рассказы о вихре — $m\ddot{y}\ddot{y}$ нек, в основном, со следующей сюжетной схемой: кто-то из жителей попадает в воронку вихря / вихрь уносит что-нибудь из одежды, предмета быта / вихрь разрушает $a\ddot{u}$ ыл (дом), часть постройки дома. Человек, который попал в вихрь / у которого вихрь унес одежду, предмет быта / у которого вихрь разрушил $a\ddot{u}$ ыл, в скором времени заболевает / умирает (тексты № 1-5).

В одном из записанных нами текстов (текст № 5) повествуется о том, как *кам* (шаман) после смерти, став вихрем, наказывает людей, которые были повинны в его смерти (пригласив его при жизни для совершения обряда, не дали духу-хозяину шаманского бубна жертвенную овцу — *ыйык*; из-за этого *кам* сам поплатился своей жизнью). Шаман появляется внезапно в виде вихря, разрушает *айыл* (жилище); хозяева *айыла* в скором времени умирают (текст № 5).

Мотив наказания шаманом, превратившегося после смерти в вихрь, людей, которые были повинны в чем-то, встречаются и в якутских материалах (Предания, легенды..., 1995, с. 241).

В одной быличке в нашей записи (текст № 6) с вихрем приходят нечистые духи, которые, спрашивают у жителей дорогу к дому того человека, душу которого они пришли забрать. Человека, который показал дорогу, нечистые духи одаривают плетью с рукояткой из таволги — сарала камчы. Подаренная плеть приносит человеку счастье, богатство. (В традиции алтайцев плеть с рукояткой из таволги является оберегом).

Жители ограждают себя от вихря — *ээлӱ туўнек* заклинаниями, завидев его, плюются, бросают в его сторону камни, в некоторых случаях матерят.

Тÿÿнек келјатса: «Кум бат, кум бат, тпу-тпу-тпу» [тÿкÿрип јат] — деп айттур деп кишини ÿреттуртан.

(Меня учили, что когда приближается *туўнек* надо говорить: «Кум бат, кум бат» – Песок исчезни, песок исчезни, тпу-тпу-тпу [плюется]) (М. Яманчинова, с. Ортолык).

Тÿÿнек келјатса, тÿкÿрÿп, ташла чыбалап айттуран на: «Сен тÿÿнек, мен киши. Сен бойың алдында... » – деп.

(Когда вихрь приближается, плюются, бросают [в него] камни и говорят: «Ты вихрь – *туўнек*, я – человек. Ты сам по себе... ») (К. И. Отукова, с. Ортолык).

Тўўнек ээлў болор дийт. Тўўнектиң јолына турбас. Оның јолына турсаар, кишиниң јуласын апарар, киши бошоордоң до айабас. Оны... јаныңла келип öдўп, теен бу кошту недет не кишини? Аныйтса, тўкуруп, јети-тогыс катап тукуруп...

«Кең эшиктең кедери, Тар эшиктең ташкары Пашка, öскö jÿкке бар»

– деп, кийнинең ары ўч катап тўкўрер.

А оны нени де этпей, јолын тосып, «Бу мени каныйар?» – десең, не оорурың, не öлöриң. Экÿдиң бÿрсÿ». (Говорят, *туўнек* имеет духа-хозяина. На дорогу вихря не встают. Если встанете на дорогу вихря, то [он] заберет вашу душу — *јула*, человек может и умереть. [Вихрь] приблизившись, проходя рядом, сильно [вьется] же вокруг? Тогда плюются, плюются семь-восемь раз...

«С широких дверей прочь, С узких дверей – на улицу Уходи в другое место»

– так говоря, плюются вслед [вихрю] три раза. А когда, ничего не делая, встав на его пути, будешь его ожидая, говорить: «Что он со мной сделает?», [тогда] одно из двух: или заболеешь, или умрешь) (Ч.А. Малчинова, с. Ортолык; запись 2005 г.).

«Бийик кырдың кырыла бар, Бий кишиниң айлыла бар. Кара туудың кырыла бар, Каан кишиниң айлыла бар. Тÿ-тÿ-тÿ-тÿ»

– деп ле аныйышјадатан балдар. Ол бойынаң јайлатјаткан туру, бойынаң усадып.

«Уходи краем высокой горы,

Уходи мимо дома бия.

Уходи краем черной горы,

Уходи мимо дома хана.

[Плюется:] Тÿ-тÿ-тÿ»

– так говорили дети. Так ограждали себя, отдаляя [вихрь] от себя (О. Тутнанова, с. Ортолык, запись 2007 г.).

В качестве оберега от вихря используют плетку с красной рукояткой, сделанной из таволги, которая отгоняет всех нечистых духов. Нужно бить плеткой и плевать в сторону вихря, произнося слова заклинания:

Туузенегиң чечилсин Тукуң камчысын к/алсын (?) Бороңго мындый неме јууктабасын. Кум тарылсын, барсын, öлсин.

(Пусть узелок твой развяжется, Пусть плетка из таволги заберет (?) На это место пусть такое не приближается Пусть песок утихнет, уйдет, исчезнет) (J.A. Самунов, с. Кокоря).

Природное явление *туўнек* – вихрь, будучи сопряженным с этнобытовыми, социальными условиями людей, этнокультурными традициями, поверьями народа, становится основой формирования определенных жанров фольклора (заклинаний, быличек, изустных рассказов).

Религиозно-мифологические представления о вихре существуют у многих народов. У башкир неожиданное возникновение средь бела дня вихря связывают с образом и действием духа болезни — «захмата», «который в этом состоянии сватает себе невесту. Воздействие вихря на человека (ел hугылыу) воспринимается идентично как вселение захмата (зэхмэт hугылыу). Человеку, оказавшемуся в самой воронке вихря грозит умопомрачение» (Юсупов Р.М., Минибаева З.И., 2005, с. 186).

По представлениям тувинцев дух болезни *аза* иногда в виде вихря входил в юрту через дымник, в таких случаях тувинцы трижды в него плевали (Дьяконова В.П., 1976, с. 282).

В хакасских быличках горный дух является в виде вихря и похищает людей (Унгвицкая М.А., 1972, с. 37).

Согласно шорским воззрениям, в виде вихря (хуюн) путешествуют шаман или злой дух (айна). Для защиты от них надо в вихрь бросить ножом (Алексеев Н.А., 1980, с. 89).

По якутским поверьям, «вихри производились добрыми и злыми духами. Вихри добрых духов бывают-де теплыми, вихри от злых духов – холодными и темными. Иногда в вихрь превращается злой шаман. Вихрь *абасы* или шамана, настигая человека, может унести его *кут* и *сюр*» (Алексеев Н.А., 1980, с. 81).

В конце XIX века А. Катанов записал у киргизов следующее верование, связанное с вихрем: «Вихрь есть вертящийся дьявол. Чтобы он не принес беды, надо отослать его в юрту плешивого человека» (Катанов А., 1892, с. 112).

По древним воззрениям славян «гроза и крутящиеся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою... По мнению чехов, вместе с вихрями, подымающими пыль столбом, движутся злые духи и причиняют людям болезни...» (Афанасьев А.Н., 1994, с. 10).

В славянской мифологии чаще встречаются свидетельства, что «самодивы «летают в вихре», т.е. используют его как средство передвижения, или что вихрь сопровождает их появление» (Виноградова Л.Н., 2000, с. 35).

Таким образом, вихрь в представлениях разных народов связан с иным миром, он выступает посредником мира живых и мертвых, средством передвижения шаманов, духовхозяев, нечистых духов. Культ ветра был развит в алтае-саянском шаманизме. Связь вихря с различными духами прослеживается в традиционных представлениях различных народов.

Тексты и переводы

Изустные рассказы о вихре - туўнек

№ 1. «Когда вихрь – *түўнек* унесет что-нибудь из дома – к плохому»

Ол башка-башка не туунек. Ол јут келерин тартса, салкын келерин тартса да туунек кел јат. Оноң байа мнайп-мнайп, мнайп-мнайп келеле, айлга табарала барса, бу мнайт турган... Је бир, ол бис ары бойыстың тураста јатканыс. Бу кем бар не? Оны мен бу јуукта короло, оңдоп турбай. Ол кишиниң айлына, кошту ла айлдың кийнинең, ол бир јолдон, ачыктан туунек келген ле јерде (байа айлдың байа илкойон немеси ле калаш пышыртуран мындый летниги болгон) ондогы бастра байа айлдың кийим-кешегиле, байа бабушканың пладыла, бастра немеле, шифырларды ла кодоро соголо, јаңыс теңери[ге] апар мнайп-мнайп, мнайп-мнайп кийимдерди алала јурерди. Оноң бистең шифыр алды ойто јап. Анаң ол дедушкасы бошоды. Анаң бойы да јаан удабады. Айлды туунек јаңыс ла... Јабы ла јаман туунек алала, айлдаң бир немени учурса.

Вихрь — *туўнек* бывают разные. *Туўнек* появляется перед ненастьем и перед ветреной [погодой]. Потом, придя вот так, вот так [вихрясь], если уйдет, задев дом, бывает так... Ну, мы жили в том своем доме. Есть же этот [человек]? Я это только недавно поняла. В доме, где жил тот человек, за [его] домом, со стороны той дороги, с открытой местности *туўнек* только приблизившись, ([возле] того дома висели вещи и был такой летник, где пекли хлеб) вырвав, унес все, что там [было]: все вещи той семьи, платок той бабушки, вырвал шифер и [вихрясь] до неба вот так, унес одежду. Потом [они] брали у нас шифер, чтобы покрыть [крышу дома]. Потом умер тот дедушка. Не задолго [скончалась] и сама бабушка. Вихрь дом так и... Когда *туўнек* унесет, что-нибудь из дома — к плохому (М. Яманчинова, с. Ортолык, запись 2003 г.; рассказчицей использованы русизмы: «летник», «бабушка», «дедушка», «плат», «шифер». Опубликовано: Яданова К.В., 2006, с. 90-92).

№ 2. «Когда вихрь – *туўнек* унесёт шапку человека, то тот человек, оказывается, не будет жить»

Туўнек кишиниң боркин де учурып јерге, учурып барса, ол киши јурбес неме турган. Кайнэнем Јалаңышта туўнекке алдырала, боркусун туку-у учуреерен, ийнек айдакел јадала. Анаң ла оорыган деп бистиң Рая. Ол туўнек те баса ээлу. Ол кандый туўнек: ээлу туўнек пе, чайтанду туўнек пе, туўнек, туўнек паса. «Оноң ло келеле оорыган» — деп бистиң Рая. — «Ол јаанэм боркусун туўнек апааран. Мени «Альга кир, кир!» — деп кышкырган, ийнек айдакелјат. Јаанэм болчок боркусу туку-у толон јуреренде, барала алалан» — деп. Анаң ол ло паралисавайтап оорукалды не. Туўнек те тегин эмес, туўнек те тегин эмес... Паралисавайтайла бошокалан.

Когда вихрь – *туўнек* унесёт шапку человека, то тот человек, оказывается, не будет жить. Моя свекровь в [местности] Јаланаш [местность в Кош-Агачском р-не] попала в *туўнек*, [вихрь – *туўнек*] унёс её шапку туда [далеко], когда пригоняла корову. Вскоре заболела, так рассказывала наша Рая. Этот *туўнек* тоже имеет хозяина. Это какой

туўнек [будет]: туўнек с духом-хозяином или туўнек с [нечистым духом] чайтаном, туўнек это и [есть] туўнек. «Только после этого [случая] придя, заболела» — рассказывала наша Рая. — «Туўнек унёс шапку моей бабушки. Мне [бабушка] закричала: «Заходи, заходи домой!», когда пригоняла корову. Когда круглая шапка* моей бабушки укатилась далеко, [бабушка] пошла и взяла» — так рассказывала. Потом [она] заболела же, парализовав. Туўнек тоже не простой... Умерла, парализовав. (М. Яманчинова, с. Ортолык, запись 2003 г.; рассказчицей использован русизм: «парализовать». *Традиционный женский головной убор теленгитов круглой формы).

Nº 3.

Туунек деп неме неме болор? Оның осогинде байа ла јаман неме бар эмес пе? Јаман неме, кормос јурсе, ол туунек келер неме болбой. Кормос анда болсо, јаман неме болсо, туунек барар неме учуш коргом мен. Бу ла јыл, бу јуукта ойдо не... Је бу бис Чаганга да јадарыста бу бир Марал теп киши... берјенде, бистин альдын арјанда энесинин айлы бар, кайнэнесинин. Оның эшигинде матасикили турган. Анан мен почтодон басоотуран киши ары откуре басееремде, байа Марал ары бар мантадоотурарда, матасикилинин кийнинен теен јаныс ла мында болдон, болдон туунек кошо ло туку почтоны откончо кошо јуререн. Анан мен пасалбай, анан ары пасполбой, јурегим јамандап, будум пасылбай анан аныйда-аныйта байа почтоның јанына барып, тыштан отурдым... Анан ого барала јурегим аайланкелерде, киргем почтого.

Анаң ла келеле, дедушкага айттым: «А ол Маралдың кийинең ары туунек сурерди, матакислду маңтадып [барјадарда]. Јурегим јамандады анаң» — деп. Аный отурганчам ла онып кийинде бир Кыјыйдың уулын матасикл[ла] апарјадала, аңтар отуркойды не ол ло кун. Оны отурсалан ол ло кун барала отуркуйен. Та јаман неме кошо јуртен ол болбой деп бодорым мен. Туунек суреерен ол айт бараадарда.

Туўнек это что? В середине его, наверное, есть что-то плохое? Вихрь — $m\ddot{y}$ унек приходит, наверное, тогда, когда [в нем] водится плохое, нечистый дух — $\kappa\ddot{o}$ рм \ddot{o} с. Я заметила, что туўнек появляется, когда в нем находится нечистый дух — $\kappa\ddot{o}$ рм \ddot{o} с, что-то плохое. В этом году, вот недавно... Когда мы жили в Чагане этот человек Марал... на этой стороне, на той стороне от нашего дома находится дом его матери, тещи. У дверей того [дома] стоял его мотоцикл. Потом я направляясь на почту, когда прошла в ту сторону, тот Марал ехал [на мотоцикле] туда, за его мотоциклом так и вихрясь здесь, [в след за ним] вместе последовал вихрь туда за почту. Потом я не могла идти, дальше не могла идти, стало плохо с сердцем, ноги перестали ходить, потом так [кое-как] дойдя до почты, сидела, отдыхая... Потом, дойдя до него [до почты], когда сердце перестало болеть, зашла на почту.

Только придя оттуда, сказала «дедушке» **: «А за тем Маралом, когда он ехал на мотоцикле вслед [за ним] последовал *туўнек*. От того мне стало плохо с сердцем». Пока так сидела, затем в тот же день, перевернувшись [в аварии], умер же сын Кыјыя, который ехал вместе с ним [с Маралом] на мотоцикле. Посадил его и в тот же день он умер [в аварии]. Так я думаю, что вместе [с вихрем] ходит что-то плохое. Когда он ехал, вслед за ним последовал *туўнек* (К.Ш. Тулина, с. Чаган-Узун, запись 2004 г.).

№ 4. «С человеком, который попал в вихрь, случается плохое…»

Оның туунегине алдырган киши кошту јаман... Тегинде бу кем айткан... бу Јаңыјол деп киши болгон мында. Ол мынаң... шафёр болгон не кööркий. Мынаң чыгала ол байа кем деп кишиниң бу Тапанайдың адасын айлын грусьталып чыгарымда, ол, ол туунек кошо чыккан» — деер. Анаң байа Јаңыјол (је, вот маладой не!) ол эмди анаң айткан: «Бу сперди ээчип бараткан неме болбой, дедушка!» — деп маңтат ла отуран эмтир. Анаң ол дедушка айткан эмтир: «Аный айтпас, балам» — деп. Анаң Боробургусына јетпаратканда... ол тушта бу мындый машна эмес, арай машна не. Бу ла Боробыргысының берјанында машна аңданала, ол кишини öлтуркойон. Јаңыјолго анаң условный берди не, кööркийге... Кöрсöң, ол чöлдиң камы неткен...

[ໍ] с. Чаган-Узун Кош-Агачского р-на.

Зд. рассказчица называет мужа «дедушка».

С человеком, который попал в вихрь случается плохое... Давно рассказывал один... был человек по имени Јаңыјол. Он отсюда... был, бедный, шофером. Рассказывал: «Когда выехал отсюда..., когда выехал, погрузив *айыл* отца Тапаная, тот вихрь направился вместе с нами». Потом тот Јаңыјол (ну, молодой же!) сказал: «Этот [вихрь], наверное, направляется за вами, дедушка!» – так сказав, все ехал, оказывается. Потом тот дедушка, оказывается, сказал: «Нельзя так говорить, мое дитя».

Потом когда доезжали до Боробургусуна... тогда ведь машины были не такие [быстрые], [ездили] тихо. На этой стороне [местности] Боробургусын машина перевернулась и тот человек [дедушка] умер. Јаңыјолу, бедному, дали условное... Видишь, это сделал кам степи*... (А.С. Тебеков, с. Ортолык, запись 2005 г.; рассказчиком использованы русизмы: «молодой», «дедушка». *Рассказчик считает, что вместе с вихрем ээлу туўнек приходит шаман (кам) степи и забирает душу человека, в некоторых случаях наказывает тех людей, которые были повинны в чем-то, совершили что-то плохое).

Nº 5.

Ол Кысыл јар деп јерде болгон. Ÿй киши отурала, байа терени эдректоотыран не? (Оны сен корбоон до болбойың эдректи?) Байа тере илеп, мыный эдрекле. Корор болсо, кошту јаан туунек келеедер. Бу ла келерде, байа уй киши десе кийдире калыйла, эшигин боктойон. Не успела, наверна. Туунек киреле, альды келеле кодиреле, айлын буса соккойон. Айлды буса соккойон, оның кийнинде байа балдары кел кырылган. Дедушкасы бошогон. Оның кийнинде ол бабушка бойы бошоды.

Это происходило в местности Кысыл јар [букв. Красный берег]. Женщина сидела и мяла кожу мялкой — эдрек. (Ты, наверное, и не видела мялку — эдрек?). Мяла кожу вот так мялкой. Видит: приближается очень большой вихрь — туўнек. Когда уже приблизился, та женщина, забежав [в айыл], закрыла [за собой] дверь. Не успела, наверное. Вихрь, зайдя в айыл, поднял его и ударил, сильно разрушив. Ударил, сильно разрушив айыл, потом после этого дети [тех людей] стали умирать. Дедушка умер. Потом умерла та бабушка (А.С. Тебеков, с. Ортолык, запись 2005 г.; рассказчиком использованы русизмы: «не успела, наверное»; «дедушка»; «бабушка»).

Былички

Nº 6.

Осоо бир Кысылмаанының кишиси койлоп jÿpeн тийт. Эки атту киши келген тийт. Коошту japaш аттарлу, эки атту киши чаап ла келен учкуш. Андый кишилер келген тийт. Теен ат деп немениң japaшы кошту, jaңыс ла чыңыр-чаңыр, чыңыр-чаңыр байа кöрÿндÿpгелÿ, куушканду, кöдÿpe неме jeпселдÿ аттар. Аттарлу андый кишилер кел[г]ен.

Анаң байа койлоп jÿpeн кишиге келеле, туштаган. «Мындый кишин[иң] айлы кайда?». Эм ол кишилердиң айлы десе ол Кысылмаан[ын]ың Кара ойык деп jерде болгон тийт. Ол киши андый ол Кара ойык деп jерде мнайтра барар jолы бар, мнайтра барар jолы бар деп jасап айтыперен. Киши ле теп бодогон, общем, оны кöрмöc деп бир де билбеен.

Анаң десе сара ла камчысын берген тийт ол кишиге, койлоп jÿрен кишиге. «Сен бу камчыны кайда да этпе, кишиге де бербе, тошогиңниң башына илаал» — деп. Је общем, јокту киши болгон тийт, бала да јок киши болгон тийт. Андый је комой јаттуран киши болгон тийт, кооркий. Анаң байа киши камчыны алган, камчыны јарашсынып, камчыдоон коруп, койны[н]доон коруп. Баса койнындоон бир короло, байа кишилердиң кийнинең корсо: байа уч атту киши эмес, јаныс ла јер-теңериле тудуш туунек барааткан. Баастра туунек, јер-теңериле тудуш јаныс кара туунек тийт. Байа киши торт кайкаган, коркоон. «Эм бу кандый немеси келген болот не?». Је андый да болсо, байа камчыны экель тошогин[иң] башына илген. Је анайп турган.

Оның кийинде байа сурулдап барган улустың јуртты торт тугенкалды тийт. Та нени эткен, ол јаандар оны некеп барган эмтир тийт. Эткен кереги бар на. Та кандый камның ыйыгын јииген бе, та каныйткан? Бир кинчек эткен на.

Анаң ла барган јерде ол ло, ол улус барган кийинде ле байа улустың јурту теен ообоо [ого-бого] јетпей, теен ӱч јылга једип-јетпей ле тӱгенкалды тийт. А байа камчы алган киши теен јыргайбаран тийт. Мал-ашты асраган, бала-баркады асраган, бай болгон. Јыргап ол арткалан. Байа улусты айдыперген, улустың јурты кырылган... Эм ол кишиге кошту ырысын берип, кундулеп, алкап барган на јол айдыперен учун.

Сурар неме турды на. Киши тушенип те јатса, кормос то кишинен јол сурап турар неме турды не? Сураар неме турды.

Раньше один человек из Кысылмааны [с. Белтир Кош-Агачского р-на], говорят, пас овец. [Тут] прискакали, говорят, двое всадников. На очень красивых лошадях, кажется, прискакали двое всадников. Такие люди, говорят, приехали. Лошади такие красивые, так и звенят: «чыңыр-чаңыр, чыңыр-чаңыр», с нагрудниками, подхвостниками, лошади во всем снаряжении. Приехали такие люди на лошадях. Потом встретились с тем человеком, который пас овец. [Стали спрашивать]: «Где находится дом такого-то человека?». Говорят, дом тех людей находился в местности Караойык [села] Кысылмааны. Тот человек подробно рассказал, что в той местности Караойык есть дорога, по которой можно так ехать, а можно вот так ехать. В общем, думал, что это человек, никак не подозревал, что это нечистый дух — кормос.

Потом, говорят, дал [нечистый дух] тому человеку, который пас овец, свою плеть с рукояткой из таволги — *сара ла камчы*. Сказал: «Эту плеть ты не теряй, никому не давай, повесь над своей кроватью». Ну, в общем, говорят, что [тот пастух] был бедным человеком, говорят, был и бездетным. Ну, говорят, бедный, жил плохо. Потом тот человек взял плеть, восхищаясь плетью, смотрел на него, [спрятав] за пазуху. Когда, заглянув за пазуху, снова посмотрел вслед за теми людьми: были не три всадника, а удалялся вихрь — *туўнек*, который соединил землю с небом. Полностью [был] вихрь — *туўнек*, говорит, что черный вихрь соединил землю с небом. Тот человек очень удивился, испугался: «Что это было?». Но все-таки ту плеть принес и повесил над кроватью. Так сделал.

После этого, говорят, семья тех людей, [дом] которых спрашивали, погибла. Неизвестно что они сделали? Те старшие [из того света], говорят, оказывается, приходили за ними. Видимо, [люди, которых искали] совершили что-то плохое. Может «съели» [убили] священное жертвенное животное — ыйык какого-то кама? Или что-то сделали? Видимо, совершили какой-то грех.

Потом сразу, после того как те люди [с вихрем] ушли, род тех людей [которых они искали] за недолгое время, не прошло и три года как, говорят, исчез. А тот человек, который получил [в дар] плетку, говорят, стал жить хорошо. Стал держать скот, растить детей, стал богатым. Он стал жить веселясь. А те люди, [дом] которых [он] показал, род тех людей истребился... Ведь того человека [пастуха] [нечистые духи] осчастливили, одарили, благословляя ушли из-за того что [тот] показал им дорогу.

Оказывается, спрашивает, даже во сне человека, оказывается, нечистый дух спрашивает дорогу у человека. Оказывается, спрашивает (Т.А. Турлунова, с. Ортолык, запись 12.07.2004 г.; рассказчиком употреблен русизм «в общем).

№ 7. Духи - хозяева вихря – *түүнек*

А туунек, туунек ол баса кошту кормосту неме. Туунектең тегинде Чичке-Терек оосында коргом мен. Ортосында ак-боро атту ак кийимду киши бараатты. Арјанында кер атту келин барат, чеедек иште кийген. Берјенде кулу атту баса чеедекту киши барјат. Боруктери бу бир томонги јердиң бир содон-содон, бу Карагыс Ялбакованың боруги аайлу боруктер туру. Бот андый борукту улус барјат. Аттардың уйгенкуйушкандары јаңыс ла кодуре јаңыс... јылтырглапарадар турду не, јаңыс ла. Јаңыс ла куску чилеп јылтырглапарадар. Оноң аттың куйругынаң ары неме корунбес туру. Јаңыс ла туунектиң сапталганын, туку теңериниң бугин одорон, кошту јаан?! Коштой турган Кок деген уул болгон. Кокко айдарымда, Кок нени де корбоон. Энеме келеле айдарымда, энем айткан: «Кошту јаандар бараткан эмтир ары ла. Та Моңол ашоотуран, та Тувин ашотуран. Куш-Агыштоон ло тушклейбаран».

А *туўнек*, *туўнек* бывает тоже с множеством нечистых духов. Раньше я видел вихрь в устье Чичке-Терек. Посередине ехал человек в белой одежде на бело-сером коне. С одной стороны [от него] ехала женщина в *чеедеке* [верхняя женская одежда] на гнедой лошади. С другой стороны ехал тоже человек в *чеедеке* на саврасом коне. Головные уборы [у них] остроконечные-остроконечные, похожие на головные уборы, какие [носят] в

нижних местах, как у Карагыс Ялбаковой. Вот с такими головными уборами люди едут. Уздечки-подхвостники лошадей так и блестят. Так и блестят как зеркало. [Потом] дальше хвоста лошади ничего не видно. Вихрь так простерся, что прошел слой неба, очень большой [был]?! Рядом стоял мальчик по имени Кöк (букв. синий). Когда сказал Кöку, Кöк, оказывается, ничего не видел. Когда [я] придя [домой], рассказал матери, мать сказала: «[Оказывается] едут в ту сторону очень важные люди, направляются или в Монголию, или в Туву. В сторону Кош-Агача и уехали» (Ю.Н. Янганов, с. Ортолык, запись 2005 г. Опубликовано: Яданова К.В., 2006, с. 89-90.

Перечень рассказчиков по нашим записям

- 1. Бабинасова Т., 1960 г.р., с. Ортолык, запись 31 августа 2005 г.
- 2. Малчинова Ч.А., 1934 г.р., с. Ортолык, запись июля месяца 2004 г., повторная запись 19 сентября 2005 г.
- 3. Отукова К.И., 1936 г.р., с. Ортолык, запись 10 сентября 2004 г., повторная запись 20 сентября 2005 г.
- 4. Саблаков С.Д., 1930 г.р., с. Чаган-Узун, запись сентября месяца 2004 г.
- 5. Самунов J.A., 1928 г.р., с. Кокоря, запись 23 июля 2006 г.
- 6. Сопо К.С., 1940 г.р., с. Курай, запись 22 июля 2006 г.
- 7. Тебеков А.С., 1948 г.р., с. Ортолык, запись 23 сентября 2005 г.
- 8. Тулина К.Ш., 1932 г.р., с. Чаган-Узун, запись сентября месяца 2004 г.
- 9. Турлунова Т.А., 1942 г.р., с. Ортолык, запись 12 июля 2004 г.
- 10. Тутнанова О., 1930 г.р., с. Ортолык, запись 6 сентября 2007 г.
- 11. Ундулганов В.С., 1956 г.р., с. Чаган-Узун, запись сентября месяца 2004 г
- 12. Яманчинова М., 1940 г.р., с. Ортолык, запись июля месяца 2003 г.
- 13. Янганов Ю.Н., 1962 г.р., с. Ортолык, запись 13 сентября 2005 г.

Литература

- 1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 89.
- 2. Алтайский морфемный словарь / Сост. А.Т. Тыбыкова, Дж.Б. Вуд и др. Горно-Алтайск, 2005. 318 с.
- 3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. М., 1994.
- 4. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. 432 с.
- 5. Дьяконова В.П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX- начало XX в.). Л., 1976. С. 268-291.
- 6. Катанов А. Отчеты кандидата Санкт-Петербургского Университета г. Катанова, отправленного для этнографического исследования тюркских племен в восточную Сибирь, Монголию и северный Китай // Живая старина. СПб., 1892. Вып. І. С. 111-122.
- 7. Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. М., 1947. 312 с.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 221 с.
- 9. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров. Новосибирск, 1995. 400 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- 10. Унгвицкая М.А. Мифы-былички // Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. С. 26-40.
- 11. Юсупов Р.М., Минибаева З.И. Народные представления о болезнях у башкир Курганской области // Г.Н. Потанин и народы Алтая-Саянского горного региона: через поколения в будущее. Горно-Алтайск, 2005. С. 185-195.
- 12. Яданова К.В. Несказочная проза теленгитов / Науч. ред. Ю.И. Смирнов. Москва, 2006. 127 с.

^{*} Жители Кош-Агачского района Онгудайский, Усть-Канский, Шебалинский и др. районы Республики Алтай относят к нижним районам.

[🖺] Заслуженная народная артистка Республики Алтай.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Азбелев Павел Петрович научный сотрудник лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева. НИИКСИ СПбГУ. 195266, г. Санкт-Петербург, Кондратьевский пр., д. 79, корп.1, кв. 351. Тел.: 8(911)713-11-61, e-mail:azb13@hotmail.com
- **Борисенко Алиса Юльевна** старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, кандидат исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2. Тел.: 8(383)336-43-59, e-mail: aborisenko@mail.ru
- Кубарев Владимир Дмитриевич главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Института археологии Монгольской Академии Наук (г. Улан-Батор) доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383) 330-44-91, факс: 8(383)330-11-91, e-mail: vd @online.nsk.su
- **Кызласов Леонид Романович** профессор кафедры археологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор, доктор исторических наук, действительный член РАЕН.
- **Масумото Тэцу** сотрудник-археолог секции охраны культурных ценностей отдела образования администрации префектуры г. Осака. Япония. 586-0077, Kawati-Nagano, Nankodai, 2-15-13, Osaka, Japan. Тел.: 0722-91-7401, факс: 0722-91-8451, e-mail: sib-tm@kg8.so-net.ne.jp
- **Маточкин Евгений Палладиевич** старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, кандидат искусствоведения. 630090, Новосибирск-90. ул. Академическая, 34-24. Тел.: 8(383)330-83-69, e-mail: pallady @ngs.ru
- Ойношев Василий Петрович директор Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin @mail.gorny.ru
- **Рыбаков Николай Иосифович** действительный член Петровской академии наук и искусств, член Союза художников России. 660017, г. Красноярск, а/я 20899. Тел.: 8(391-2)23-12-81, 47-25-66, 8-960-752-782-5(моб.), e-mail: a-ndrey@list.ru
- **Рыкун Марина Петровна** заведующая кабинетом антропологии Томского государственного университета, кандидат исторических наук. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Проблемная лаборатория истории, археологии, этнографии Сибири. Тел.: 8(382-2)52-98-92, e-mail: rykun_m@mail.ru
- Садалова Тамара Михайловна— научный сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат филологических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел./факс: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin @mail. gorny.ru

- **Соёнов Василий Иванович** доцент Горно-Алтайского государственного университета, начальник Горно-Алтайского центра специальных работ и экспертиз, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, а/я 278. Тел.: 8(388-22)2-53-77, e-mail: soyonov@mail.gorny.ru, soyonov@mail.ru
- **Торушев Эркем Геннадьевич** научный сотрудник отдела истории Института алтаистики им. С.С. Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел.: 8(388-22)2-53-18, факс (388-22)2-53-04, e-mail: altaistika@mail.gorny.ru
- **Тур Светлана Семёновна** заведующая лабораторией антропологии исторического факультета Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)36-63-49, e-mail: tursvetlana@mail.ru, tur@dc.asu.ru
- **Худяков Юлий Сергеевич** главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Факс: 8(383)336-16-94, e-mail: khudjakov@mail.ru
- **Шмидт Александр Викторович** старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул-49, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)38-02-53, e-mail: kaei@hist.asu.ru
- **Яданова Кузелеш Владимировна** научный сотрудник отдела филологии Института алтаистики им. С.С. Суразакова. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Тел.: 8(388-22)2-89-99, 2-53-18, e-mail: kuzelesh@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ПРОФ., Д.И.Н. ЛЕОНИДА РОМАНОВИЧА КЫЗЛАСОВА	3
Шмидт А.В. (г. Барнаул) К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЮЖНОЙ ЗОНЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ	10
Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск) НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ	20
Тур С.С., Рыкун М.П. (г. Барнаул, г. Томск) КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ В ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	44
Кубарев В.Д. (г. Новосибирск) КОНЬ И ВСАДНИК В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ	52
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С . (г. Новосибирск) ТИПОЛОГИЯ БРОНЗОВЫХ БЛЯШЕК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКОВ И ЛОШАДЕЙ НА ТОРЕВТИКЕ ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	75
Маточкин Е.П. (г. Новосибирск) ИЗВАЯНИЕ В УСТЬЕ АРГУТА	99
Рыбаков Н.И. (г. Красноярск) ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА МАНИХЕЙСТВА В ПАМЯТНИКАХ ИЮССКИХ СТЕПЕЙ	101
Азбелев П.П. (г. Санкт-Петербург) ОБ ИННОВАЦИЯХ IX В. В ЮЖНОСИБИРСКИХ КУЛЬТУРАХ	106
Масумото Т. (г. Осака, Япония) ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ, СВЯЗАННЫЙ С ИСТОРИЕЙ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЫВЫ ПРИ ДИНАСТИИ ТАН	115
Садалова Т.М. (г. Горно-Алтайск) СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ ТРЕХМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ АЛТАЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА	122
Ойношев В.П. (г. Горно-Алтайск) О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СИМВОЛИКИ ПИЩИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ	126
Торушев Э.Г. (г. Горно-Алтайск) НЕКОТОРЫЕ КОСТИ ЖИВОТНЫХ В РИТУАЛАХ АЛТАЙЦЕВ	127
Яданова К.В. (г. Горно-Алтайск) ПОВЕРЬЯ ТЕЛЕНГИТОВ О ВИХРЕ – <i>ТŸŸНЕК</i> (по материалам экспедиций в Кош-Агачский район Республики Алтай)	129
СВЕЛЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	138

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 6

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы – В.И. Соёнов, В.П. Ойношев

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, верстка, корректура, макет – В.И. Соёнов

Подписано в печать 29.10.2007. Формат 60х84 1/8. Печать оперативная. Гарнитура Ариал. Усл.печ.л. – 17,75. Тираж 250 экз.

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gorny.ru